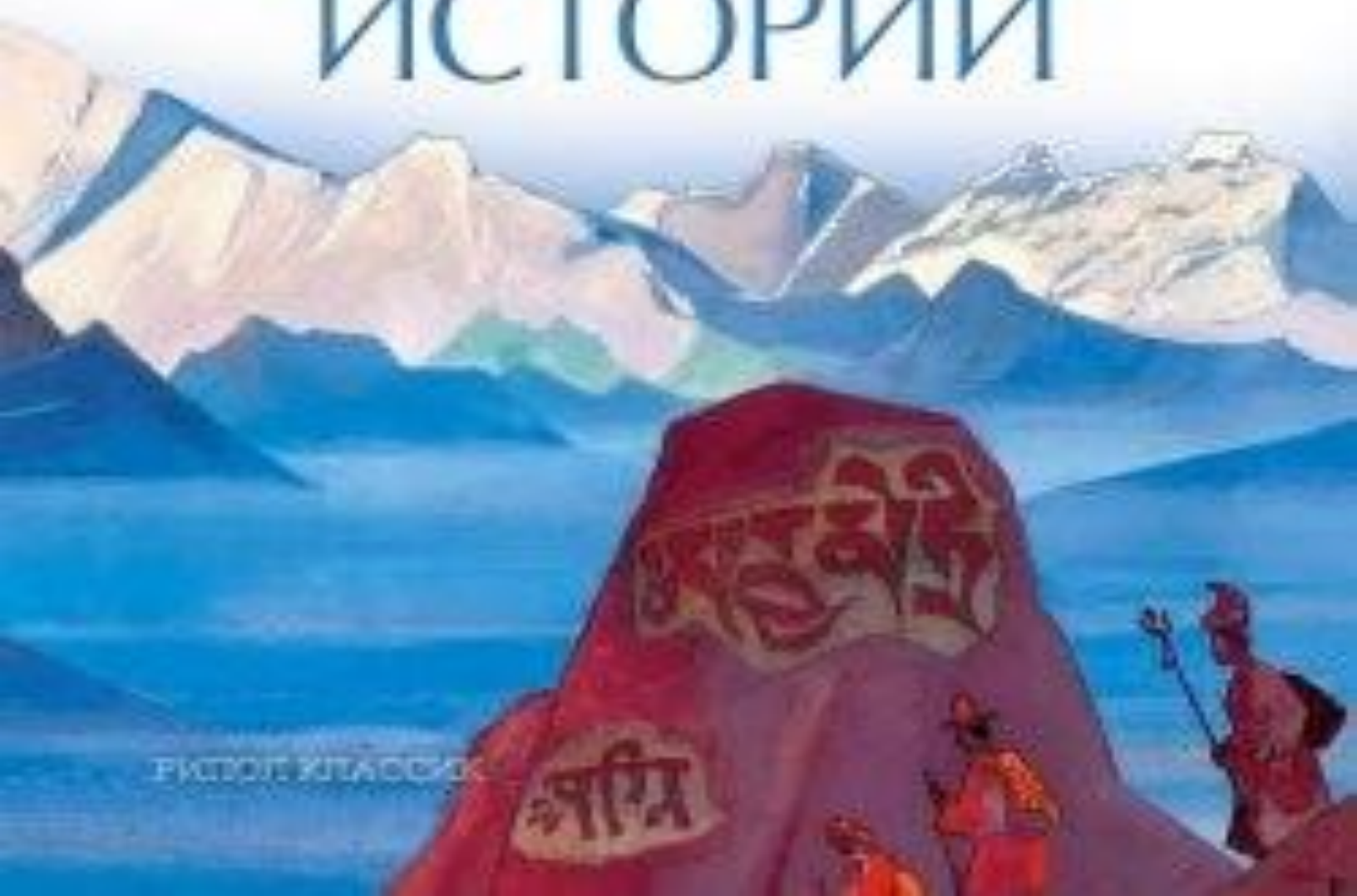

Л. Халловей, М. Чаттерджи

ЧЕЛОВЕК: ФРАГМЕНТЫ ЗАБЫТОЙ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. Халловей, М. Чаттерджи
Человек: Фрагменты забытой
истории

Эта книга, опубликованная в 1887 г., с любовью посвящается двумя учениками из Теософического Общества Елене Петровне Блаватской, отважной ученице махатм и верной служительнице человечеству.

От переводчика

Эта книга была первой в серии книг, в которых предпринимается попытка дать очерк развития человека как существа с оккультной точки зрения. За ней последовали многие другие, и прежде всего – «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской. Потому книга была практически забыта и долго не переиздавалась. Тем не менее многие идеи, потом прочно вошедшие в эзотерическую литературу, впервые были опубликованы именно в ней. После первого выхода книги в свет Е. П. Блаватская просмотрела ее и внесла многочисленные правки, надеясь, что они будут учтены во втором издании. К сожалению, такое исправленное издание, по-видимому, так и не было осуществлено, а правки Блаватской лишь много лет спустя были опубликованы в томе ее писем к Синнетту. Данное второе русское издание учитывает основные замечания Блаватской, но поскольку исправления не были внесены при жизни авторов и одобрены ими, самые серьезные из них даются здесь в виде сносок. Уточнения, остающиеся в пределах нюансов перевода, были внесены в текст. Несмотря на отдельные неточности, даже в таком виде эта книга представляет большую ценность. В «Письмах махатм» имеется следующее замечание Кут Хуми о ней: «Мне следует спасти пятимесячный труд Мохини, и я не допущу, чтобы он остался неопубликованным».

Введение

Авторы отказываются от всяких претензий на большее, чем лишь набросать общие черты предметов, описанных на этих страницах. Тем не менее они сознают, что мир в эти поздние времена готов принять так мало истины о происхождении и детстве человека, что с недовольством рассматривает все, что выходит за пределы самых туманных предположений и смутных набросков, и всегда готов осудить то, что он назвал бы лежководным безрассудством тех, кто отважится предпринять тщательное исследование областей, которые он признает недоступными.

Небольшая группа эзотерических учителей, наследников тайных знаний веков, до последнего времени единственным способом к сохранению этих знаний находила молчание. Но для мира пришло время получить часть накопленных ими богатств. Однако выбор данного метода, столь отличного от всех предвзятых представлений о порядке вещей, непременно вызовет чувства самые разнообразные. Естественно, появится вопрос: почему для возрождения забытых преданий они не совершат открытия древних книг и рукописей, аутентичность которых нельзя будет отрицать, если нынешнему поколению вообще следует преподать историю происхождения и детства его предков? Однако аллегорический характер древних писаний, делающий их непонятными для всех читателей, кроме посвященных, не позволяет принять такой порядок действий – оттого и необходимость того плана, который и был принят.

В данной книге предпринимается попытка показать человечеству, каким был человек за века до той поры, которая обычно признается эрой первого его появления на Земле; и сведения о его постепенном росте и условиях, в которых он на ранних этапах происходил, окажутся весьма интересными и поучительными – даже в нашем скудном отчете.

Здесь нас, вероятно, спросят: каков ваш источник информации и кто ваши учителя? Они – мудрецы Востока, наследники знаний древних магов, халдеев, египтян и индийских риши, от одного из которых, любимого и почитаемого нами Учителя, известного многим как на Востоке, так и на Западе, авторы и получили наставления, часть из которых представлена миру на последующих страницах. Авторы удовлетворены точностью, если не полнотой, представленной здесь информации, и они передают ее с искренней надеждой, что мир ради собственного просвещения примет ее к непредвзятому и мудрому рассмотрению, невзирая на несовершенства, причиной которых послужили недостатки авторов.

Авторы совершенно не знали друг друга до последней осени, и обстоятельства, которые свели их вместе, будут изложены в последующих предисловиях. Мистический исследователь психологии, знающий неадекватность стиля сухого изложения фактов для

представления событий психического характера, вряд ли потребует оправдания той форме, в которой изложены эти рассказы.

Предисловие, написанное восточным челой

Солнце садилось за высокие сосны, гигантскими часовыми охранявшими маленький домик, спрятавшийся в сердце Гималаев, но вечернее сияние, прощальный привет уходящего светила, все еще виднелось на верхушках деревьев. Маленький пастушок, который верно хранил секрет этого одинокого приюта от ушей жестоких охотников, чьи полночные крики пугают годовалых оленят и чьи смертоносные ружья вновь и вновь лишают их матери, только что принес известие о том, что неподалеку расположилась компания английских чиновников, собравшихся снова нарушить покой холмов своим дурным развлечением, и что их можно ожидать завтра. Как только маленькая фигурка рискованного парня, спускавшегося с опасной скалы уверенным шагом горного козла, товарища его детства, скрылась в сгущающихся тенях наступающей ночи и последняя нота его простой дудочки стихла в тишине, к одинокому обитателю этого уединенного домика, ученику, склонному к мистицизму и медитации, подкралась усталость.

Он не был рожден для мистицизма, но был приведен к нему. Его глаза впервые увидели свет среди суматохи и движения большого города, его шаги пролегали по запруженным толпами улицам, а его ум получал наставления за многими старыми партами. Время оставило на нем отпечаток, который глубоко въелся в его душу. Но не нужно вникать в происхождение изучающих Священное Предание и любопытной рукой разгребать пепел погребальных костров прошлого. Достаточно сказать, что медленное растворение эгоизма шаг за шагом толкало мистика прочь от деловых улиц повседневной жизни, а постоянно расширяющийся круг долга заставил разорваться старые связи, и прежнее узкое сердце разлетелось на куски. Поддержанный традициями своего народа и ободренный благожелательной улыбкой того, чье имя не стоит подвергать профанации путем упоминания здесь, мистик вступил на

восходящий путь служения своей стране и своим сородичам, хотя не обошлось и без остановок, вызванных печалью и отчаянием от лицезрения страданий и греха. Растущая безмятежность его жизни только углубляла в его душе сострадание к тем, чей путь столь расходился с его собственным. Да, такой человек должен быть несчастен, хотя дух его – сама сущность блаженства! Но Вечная Необходимость непрестанно движет свой уток прогресса через несовершенство и разлад.

Развертываются темные циклы нисхождения, и наши руки, пусть и вооруженные энергией самопожертвования, зря цепляются за спицы колеса! Оно будет вращаться до последнего оборота, и мы лишь располагаем привилегией продолжать свою работу в молчаливом ожидании того дня, когда этот непреодолимый ход примет обратное направление. Но даже сейчас нам доступна слава бескорыстной смерти! О смерть, глубоко сокрытая дева, сколь немногие видели очарование в твоём лице! Сколь немноги те преданные, кому улыбнулись твои темные глаза! Как ни сладка жизнь, но еще слаще смерть!

Сколь немногие понимают смерть! Никто из тех почти бесчувственных и легкомысленных англичан, чьи костры мерцают во тьме долины подобно огненным глазам какого-то жестокого чудовища, не знают торжественного великолепия смерти, которую они, смеясь, расценивают как хорошее средство против других.

Тайна смерти есть величайшая тайна из всех.

Устремленные в прошлое глаза того брахмана, который только что совершил омовение в священных водах Ганга, обращаются в немом воззвании к богам отцов, к обликам ныне разрушенных храмов, возведенных благочестивыми руками древних, и невольные слезы стекают по его щекам, ибо он скорбит о своей стране, как об умершей. Робкий и близорукий человек! Разве Индия мертва из-за того, что кормит чужих детей? Если бы ты мог оказаться на вершине гребня волны времени, ты бы увидел, как разгорается новый рассвет, более яркий и чистый, чем эти холмы когда-либо видели! Человек! Всякий человек – твой брат! Дай своему брату то, чего у него нет, и восполни собственный недостаток из того, что он предложит тебе. Правая рука

должна помогать левой, Восток должен быть соединен с Западом, молодой должен соединить руки со стариком, и тогда красота и гармония улыбкой расцветут на лице Земли...

Но что за резкий крик нарушил покой этого мирного пейзажа? Плывая темной массой в безмятежном море лунного света, гималайский орел, распугивая дрожащие тени ночи, разбудил эхо, отражающееся от каждого ущелья и каждой скалы. Но куда более пронзителен тот крик отчаяния, который доносится с западным ветром от несчастных жертв, блуждающих раздетыми и голодными среди разваливающихся руин веры и мысли. Потoki доносящихся звуков перемешаны и неотчетливы, но крик души всегда находит свой путь к другим душам, чьи двери не заперты и окна не закрыты. Но громче всех слышится ясный голос великих сердец, стучащихся в ворота самозванных принцев мысли в тщетной попытке найти отклик и отбрасываемых назад, к черным скалам отчаяния, где им остается ожидать прихода прожорливого дракона духовной смерти.

Среди психической войны элементов и всепоглощающего умственного землетрясения, подобно лучу серебристого света, в ум ученика врывается голос его Учителя:

«Иди и будь верен обету, который ты принес человечеству. На запад лежит твой путь. Возьми этот пострадавший во многих местах свиток, и неизвестный, хотя и родственный, дух принесет недостающие фрагменты. И тогда откроются тебе вещи, которые ты дотоле искал тщетно. Не задумывайся о завтра и не медли здесь ни одного дня – путь твоего долга ведет на запад...»

Далеко-далеко в Новом Свете, в городе восходящего солнца, ждала одинокая душа, которая, похоже, свалилась из какой-то другой сферы и заблудилась в странной стране. Ее крик о помощи был услышан, и слова, вырвавшиеся у нее в сомнении и ошеломлении, пронеслись через долгие пространства моря и суши.

Видение затухало в волне возвращающегося рассудка, но ухо еще слышало стихающие слова: «Путь твоего долга ведет на запад».

Послушные шаги повели ученика на запад, и он оказался среди злосчастного великолепия Парижа. Ах, Париж, Париж! Ты должен

умереть, чтобы могла жить Франция! Одинока Франция среди своих многочисленных врагов, но худший из них – ты!

Как привидение посещал он дома, где царили удовольствия и достаток, и повсюду он воспринимался скорее как таинственная рука, начертавшая судьбу ассирийскому царю, чем как человек, желающий помочь.

И однажды вечером, среди веселья парижского салона, где было все, чтобы очаровать разум и отвлечь душу, легкий голос произнес его имя: «Приди, приди и помоги мне!»

Этот отдаленный голос заглушил музыку и скрыл фигуры танцующих. Он уже не слышал ярких острот и не замечал веселых товарищей. Двое незнакомцев встретились и больше не были незнакомцами; части соединились, и разорванный свиток стал целым.

Этот таинственный свиток весь был написан причудливыми знаками на неизвестном языке. Раскрытие его смысла стоило соученикам, встретившимся в чужой стране, многих дней и ночей кропотливой работы. Следующие страницы представляют ее результат.

Предисловие, написанное западным челой

Ветры мрачного зимнего дня кружили в воздухе метель, пока весь мир не стал казаться обернутым в пушистые облака. И под ногами, и над головой все было белым-бело, все блистало снежинками, которые множились и множились в бесконечных формах, покрывая землю подобно тонкой ткани. Была зима, и зима в климате негостеприимном и суровом даже в лучших своих проявлениях – зима на севере, где слишком много холодных ветров, а лето длится совсем недолго. Этот день, похоже, соединил в себе неприятность пурги и свинцовый свет раннего утра, оправдав прогнозы знатоков погоды, пророчивших вероятность вторжения воздуха из полярных областей. Он пришел, быстрый и плотный, охватил землю и исчез в ее захватывающих объятиях. Так было поначалу, но постепенно старая мать-земля все больше уставала от таких повторяющихся визитов, и его маленькие посланцы уже стали собираться на ее груди, плотно прижимаясь друг

к другу, пока она уже совершенно не скрылась из виду и ее бурой природы было уже не видеть человеку. Мир застелило снегом, и небо, похоже, никогда не уставало сеять его через пространство, покрывая его чистотой темные пятна и неестественные линии улиц и дорог.

Это был день для медитации и мечтаний, время для спокойных быть в покое, для ясных умом – удалиться в свое внутреннее Я, будучи в полной безопасности от внешних вторжений со стороны обыденной жизни. Для довольных это был день мира и общения с лучшими мыслями, которые можно было призвать, пока мирские заботы временно отступили. А для души это была возможность утвердить себя и голосом, в котором нет и тени неуверенности, говорить сквозь толстые стены чувств, которые долгое время ее голос заглушали.

В этом обширном городе, свои права на который заявил снег, была одна душа, смотревшая через свои тонкие окна на сцены жизни и радовавшаяся этой внешней буре, давшей возможность для внутреннего спокойствия. Ее жилище было довольно хлипким и дрожало на сильном ветру, о чем свидетельствовал шум, врывавшийся в окна и двери. Задумчиво глядела она на открывавшийся вид, пока головокружение не заставило ее глаза закрыться, а сердце – вздохнуть от мыслей сожаления о голодных бедняках, живших в тесноте и нездоровой обстановке, о маленьких детях, чьи нежные тельца дрожат и чьи печали только усиливаются присутствием столь прекрасного посетителя и которых трудно развлечь, если не пригласить их ласково к теплему камину. Все эти мысли заполнили усталый мозг и заставили руки сжиматься до боли. Но этим сожалениям, более чем бесполезным, поскольку они всегда лишь ослабляют и подавляют, не было позволено задерживаться долго, поскольку была работа для рук и для ума и были нерешенные задачи, требовавшие внимания. Но то ли из-за воздействия бурной погоды на перенапряженный организм, то ли из-за чувства беспомощности, пришедшего от осознания человеческих страданий, которые нельзя отвратить, руки не могли писать, мозг отказывался работать, и пассивный ум погрузился в мечтательную дремоту, которая, похоже, углублялась в сон. Это могло бы стать обычным полуденным сном, но ему не было суждено быть таким, поскольку,

когда закрывающиеся веки почти сблизились, а губы разомкнулись, не мешая дыханию склонившегося тела, таинственное нечто пробудило спящие чувства и, подобно вспышке молнии, заставило покинуть полулежащее состояние и выпрямиться в нетерпеливом ожидании.

В комнате был кто-то еще, и в этом не могло быть сомнений, но кто? И откуда он пришел и как? Закрытая дверь не двигалась, и ни звука не слышалось в холлах и коридорах, которые разнесли бы эхом человеческие шаги или отозвались бы на звук голоса. Тишина была глубокой и нарушалась лишь щелчками снежинок по оконным стеклам и завыванием порывов ветра, проносящихся по улицам и врывавшихся через щели. Внутри же была тишина, глубокая и почти мистическая, и она была внезапно нарушена восклицанием засыпающей, которое последовало в ответ на видение столь живое и яркое для чувств, но туманное для понимания.

Что за картина явилась! Там, где только что было пустое место, появилась фигура восточного мудреца. Он был грациозен в движениях, его лицо выражало благосклонность, и открытым, искренним взглядом смотрел он на удивленное лицо, которое было перед ним. В руке он держал пергамент, похожий на книгу, и через руку было переброшено белое одеяние, спадавшее почти до пола, если не касавшееся его. Длинные ниспадающие волосы покрывали его плечи, а на ногах были восточные сандалии. Вероятно, небольшой посох коричневого дерева, который он нес с собой, источал тонкий и острый аромат, поскольку вся атмосфера была наполнена этим запахом, который успокаивал расстроенные чувства.

Он стоял, похоже, не сознавая, что может кого-либо удивить своим видом, и мягко обратился к своей слушательнице. Он являл собой самое восхитительное воплощение покоя, которое только можно представить. Под длинной белой накидкой просвечивала желтая тибетская куртка, и гималайский мех, которым она была оторочена, давал отблески, когда он немного менял положение во время самых ярких моментов своей речи. Он держался легко, с достоинством и учтивостью, что успокоило слушательницу, которая полностью осознала необычность его присутствия, и столь поразительными были слова, слетавшие с его уст, что приковали бы к себе внимание,

даже если бы сам он был незаметен. Такой голос, столь мягкий и негромкий, она услышала в первый раз. В нем была какая-то музыкальность, сопровождавшая слова, когда они слетали с его губ, как будто он говорил издали и они отдавались в пространстве.

«Какой странный призрак, наверно, каприз фантазии» – такой была мысль, которую он увидел в мозгу своей слушательницы. Он тут же указал на стену над собой, где появилась надпись причудливыми письменами, которая в переводе гласила: «Нет на Западе благоволения неизвестному учению».

«Что за неизвестное учение?» – пронеслось у нее в уме.

Незнакомец улыбнулся и ответил: «Это суть всех учений, внутренняя истина всех религий – у нее нет символа веры, названия, ей не учат жрецы и священники, потому что она от духа, и ее не найти в храмах или синагогах. Это лишь тихий голос, слышимый в урагане и чувствующийся в шторме. Вы невольно воззвали ко мне, в чем-то более сильному, чем вы, о заботе о беспомощных и доме для бездомных. Ваше сердце выдохнуло свою молитву, душа почувствовала ее в окружающей атмосфере, и дух ободрился столь чистым дыханием, вознесшимся из низшего царства в высшее, от тела к душе, а оттуда – в область духовную».

Продолжив свою речь, он учил о тайне человеческого бытия, происхождении человека, его росте и его судьбе, и сказанные им слова записаны на этих страницах. Учитель часто возвращался и давал своей старательной ученице наставления из столь тщательно хранимой древней книги. Он учил законам жизни языком столь мудрым, что ум, выбранный для этого наставления и почтительно внимавший ему, проникся убежденностью в этой высшей истине. Уроки давались из вечера в вечер и встречались неизменным терпением со стороны их странной получательницы, и с мягкой нежностью он по капле увеличивал и развивал ее интуицию, чтобы она могла усвоить предложенное ей высшее знание. Работа продолжалась с переменным успехом и была завершена. Проходили недели, на протяжении которых таинственный учитель возвращался, пользуясь всякой представившейся возможностью, и глубоко и мудро объяснял все то, смысл чего давался ученице с трудом. Повседневные

дела, которые поглощают лучшую часть почти каждой жизни, много раз врывались, вызывая перерывы и задержки, прискорбно мешавшие этому необычайному обучению.

Но однажды всему этому настал конец. Учитель больше не приходил. Сомнения и опасения, беспокойство и иллюзии мирского ума расстроили лучшие его усилия, и он увидел тщетность попыток научить мудрости натуру, разделенную и восставшую против себя почти во всем.

Но он не оставил своего дела – он послал вестника, юношу из его собственной страны, и этот посланец со всем старанием и доброжелательностью стал наставлять ученицу в Священном Предании, но это дело, как нетрудно догадаться, для него оказалось вовсе не таким, как для его учителя.

Осознание этого факта часто мелькало в уме ученицы, и однажды, как бы в ответ на ее мысль, он обратил ее внимание на противоположную стену, где, как по волшебству, на белой поверхности появились сияющие буквы:

«Испытание на настоящее ученичество – это верность интересам другого».

Иными словами, бескорыстное послушание пожеланиям его учителя стало для него путем роста и развития, и так загадка его присутствия против его личного хотения была решена. Он, улыбаясь, признал верность этого заключения и, когда приобрел еще больше доверия своей подопечной, разрешил множество загадок, разъяснение которых неощутимо поднимало душу ученицы и укореняло в ней высокие и хорошие устремления.

И пришел день, когда его визиты прекратились, и ничто не могло возместить разочарования, кроме уверенности в том, что в далекой стране учитель ожидал ее возвращения и что там уроки будут продолжены и писание завершено.

Но стоило ли повиноваться призраку? Чтобы пройти путь, указанный его воздушными пальцами, нужно было избавиться от уз, которые не так-то легко разорвать, полностью оставить в стороне все мирские соображения и положиться на себя в такой степени, которая не знакома никому, кроме переживших полное предательство. И что мог

сказать мир в ответ на такое решение, ученица знала слишком хорошо. Но могущество, доброта, мудрость и искренность магов Востока и их посланца она чувствовала всей душой, и так благодарна она была сердцем и искренна умом, что это чувствовалось несомненной истиной, и настолько прекрасными и облагораживающими и не сравнимыми ни с чем другим были чувства, данные ей этими мистическими учителями, что в сравнении с ними скорее все другое казалось ложным и нереальным.

Странно, как колебания, страх и нравственная трусость могут омрачить жизнь, которая была столь необычайно озарена! И как столь жестокий яд, как сомнение, смог терзать душу неопита.

Но, увы, очень многие уверовавшие поначалу души были погублены тем же грехом. Как много светлых надежд и мечтаний потонули в темной ночи, которую он порождает! К какой бессмысленной растрате сердечного тепла он может привести, и к какой смерти в жизни, разочарованию и отчаянию он ведет!

Поначалу он приходил как таинственное вторжение какого-то душного присутствия, когда ум занимали другие вещи, его существование почти едва распознавалось и потому игнорировалось. Оно возвращалось снова и снова, пока не стало уже выглядеть нежеланным гостем, визиты которого неприятны и не нужны, но чьи притязания на гостеприимство, многократно оказанное ранее, были вполне законны. Гость, однажды любезно приглашенный, всегда остается возможным благословением или угрожающей опасностью; он уверен в теплом приеме и должен быть принят, хотя бы теплота эта уже и поостыла.

Жестокое и холодное сомнение овладело крепостью неопита, и лишь верность прошлому была достаточно сильна, чтобы сопротивляться его коварным наскокам и презрительным намекам.

Кровоточило ли сердце? Боль от раны была велика, но еще больше было чувство недостойности, сопровождавшее всякое воспоминание об учителе или учении, о великолепных возможностях, теперь упущенных. Навсегда ли? Насколько позволяет понять человеческое суждение – навсегда, но по ясному чувству интуиции – нет, и тысячу раз нет!

Но волна надежды спадала, а темная тень отчаяния весь день нависала над некогда устремленной ученицей. Мир и его заботы потеряли значительную часть своей важности в глазах, уставших от слез и замутненных силой подавленных эмоций. И кто в таком кризисе мог дать утешение? Только тот, чьего присутствия она была теперь лишена, потому что оно следует за безмятежностью ума, которую дает мир, хотя и не часто высоко ее ценит. Безмолвная поначалу борьба все нарастала, становилась острее, и все сильнее было чувство потери посетителей, приходивших в часы покоя, которые полностью оставили одинокую труженицу, не дав никаких объяснений.

Сердце уступало боли и сдавало от внутренней бури, физические силы таяли, источники энергии и устремленности, казалось, иссякли. И кроме собственных «плодов мертвого моря», которые приносило это бедствие, голодную и жаждущую душу начинали мучить уже новые сомнения. О беспамятная душа! Почему забыла ты обещание мудреца? Почему в этой борьбе со своим «я» были забыты наставления учителя? Под иными широтами найдешь ты того, кого потеряла, и снова возрадуешься в присутствии тех, кто был им послан. «Смелее», – шептало сердце и этим шепотом пробуждало быстро умиравшие устремления духа. Но сомнение все же гостило в этой умственной обители, причем приходило оно так же вольно, как старый и знакомый посетитель, оставаясь непрерывно, сколько ему угодно.

Прошла зима, и весна пришла обрадовать землю своим напоминанием о лете. Цветы с борьбой пробивались через твердую, холодную землю, а первые птицы запели свои торопливые песни в зябком утреннем воздухе. Из уединенных оврагов слышалось журчание ручьев, а из загонов на склонах холмов доносилось слабое блеяние ягнят. Весна была и на природе, и в городе – время, когда детишки собирают вдоль дорог фиалки, а немногие деревья, которым позволили явить знаки весны, украсились зеленью.

Но в городе это было самым печальным временем из всех двенадцати месяцев, потому что здесь не было всей ее красоты и разнообразия, жизнедающих свойств и приятных предвкушений.

Это была весна молодых сердец и весна надеющихся, вдохновляющая весна, полная обещаний и ожиданий еще не пережитой радости и неиспробованных удовольствий. Ее тонкое влияние было повсюду, магнетизируя каждую веточку и каждый побег, живые изгороди и залитые водой растения. Обновление сил природы было видно во всем и чувствовалось в лабиринте настроений человеческих сердец. Некоторые натуры обновляют силы каждую весну, молодеют, видя возрождающуюся жизнь растительного царства, но грустны те, кому незнакомо такое обновление сердца и возрождение юных чувств и вдохновений.

Но в большом городе было сердце, чьи двери оказались закрыты к сладкому шепоту весны, чье лучшее «я» было все еще окутано зимней тенью и в чье святилище не доносилась музыка и не проникало счастье. Для бедной ученицы, позволившей угнездиться сомнению и развиться отчаянию, все продолжалась постоянная зима. Да и как обрешь мир или красоту с такими гостями? Никто не знал ее внутренней беды, никто не принес лампу, которая могла бы заменить ее тусклый светильник, еле освещавший путь, «покрытый тьмой и охраняемый отчаянием». Но тихий голос продолжал шептать, хотя загрязненный ум слышал его лишь изредка, а душа, похоже, погрузилась в длительный сон. Проснется ли она когданибудь?

Останется ли арфа, которой однажды коснулись пальцы учителя, совершенно расстроенной? Будет ли молчать музыка эоловой арфы, невидимо скрытой в зеленых ветвях? Сможет ли душа, однажды ожившая для тайн внутреннего храма, святого святых, забыть свою божественность и снова стать той жалкой вещью, какой была она в своем невежестве? Может ли стремящийся ученик, однажды слышавший голос учителя, совсем потерять его и больше не думать о его звуках? Голова склонилась над записями, сохранявшимися как священные сокровища, усталое сердце посылало всхлипы сожаления в вечерний воздух, жаждущая душа боролась, стараясь вырваться из своего обиталища, чтобы снова выразиться, а дух, недвижимый в своем внимании, слышал и сердце, и ум, и душу, чьи голоса соединились в один страстный зов о помощи. И этот крик, и громкий,

и резкий, и глубокий, пронесся по ночному ветру над холмами далеко-далеко.

Накопленные силы были растрачены. Краткое возбуждение сменилось вынужденным, неестественным спокойствием, предзнаменующим плохое для перенапряженного, истощенного тела.

Придет ли спасение?

Тело спокойно, но это так, потому что агония уже непереносима. Не смерть наступит, но полная тьма, если до

Глава I. Предварительные замечания

Прежде чем приступить к вопросу эволюции человека, удобно было бы кратко сказать, что же согласно эзотерическому учению представляет собой человек. В недавних теософических публикациях утверждалось, что человек состоит из семи начал, или принципов. Но, к сожалению, во многих случаях анализ этот был понят неверно, и создалось впечатление, что семеричный человек – это очень сложная разновидность луковицы, с которой можно снимать кожуру за кожурой, пока не останется совсем ничего, и что разные принципы, составляющие человека, держатся вместе примерно так же, как элементы в химических соединениях или даже как детали в механических конструкциях. Но в действительности эти принципы лежат на разных планах бытия и потому не могут взаимодействовать между собой таким же образом, как предметы, находящиеся на одном и том же уровне существования. Восприятие каждого из этих принципов подразумевает и требует соответствующего изменения состояния воспринимающего сознания. Нить, соединяющая эти разные принципы в то, что можно назвать единицей сознания, – это индивидуальность, или монада. Но те, кто приняли идеалистический язык, выражают ту же вещь совсем иначе.

В нашу задачу не входит подробное описание разных принципов человека. Для читателя, знакомого с делением человека на тело, душу и дух, эти страницы не составят трудности. Тело, физический футляр человеческого существа, включает в себя жизненное начало, оживляющее человека точно так же, как и животные, растительные и иные формы существования, которые нет необходимости здесь упоминать. Душа – это тонкий человек, который, когда его видят отдельно от тела, известен как призрак, двойник или астральное тело; он включает в себя астральное соответствие тела, принцип желаний и низшую форму разумности. Дух же состоит из высшей формы разума и духовного Я, осененных Единым Духом, который образует постоянную основу всего существования. Однако человека для удобства часто делят на тело и дух – человека чувственного и сверхчувственного.

Наши почитаемые учителя так говорят об этом:

«Как человек является семеричным существом, так и Вселенная; семеричный микрокосм по отношению к семеричному макрокосму – то же, что капля дождя по отношению к туче, откуда она упала и куда с течением времени она вернется. В Едином заключено столько возможностей к эволюции воздуха, воды, огня и т. д. (от чисто абстрактного до их конкретного состояния), и когда эти последние называются элементами, то это для того, чтобы указать на их производительные способности к бесчисленным изменениям форм или эволюций существования.

Представим себе неизвестное количество как X; это количество есть единый, вечный, неизменный принцип – а, b, c, d, e – пять или шесть меньших принципов, или составляющих, того же самого – принципы земли, воды, воздуха, огня и эфира (акаша), перечисленные по порядку своей духовности и начиная с самого низшего. Есть шестой принцип,^[1] соответствующий шестому принципу в человеке, называемому на Востоке буддхи, но нам не разрешено называть его, кроме как среди посвященных. Все же я могу намекнуть, что он связан с процессом высшего разумения. Назовем его N. И помимо этого, за всеми видами деятельности мира явлений стоит возбудительный импульс от X, назовем его Y. Потому, будучи выражено алгебраически, наше уравнение читается так: $a + b + c + d + e + N + Y = X$. Каждая из первых шести букв представляет, так сказать, дух или абстракцию того, что вы называете элементами (ваш скудный английский язык не дает мне другого слова). Таким образом, каждый дух управляет всей линией эволюции в собственном отделе по всему циклу космической деятельности, наполняя, оживляя, развивая причины, стоящие за бесчисленными проявлениями в соответствующем отделе природы.

Поясним эту идею на одном примере. Возьмем огонь, D – огненный первопринцип, пребывающий в X, – это первопричина каждого феноменального проявления огня на всех планетах цепи. Ближайшие причины суть эволюционировавшие второстепенные огненные посредники, которые строго контролируют семь нисхождений огня на каждой планете. У каждого элемента есть свои семь принципов, а у каждого принципа – свои семь подпринципов, и эти второстепенные

посредники, в свою очередь, должны стать уже непосредственными причинами.

D – семеричная совокупность, в которой высшая часть – это чистый дух. На нашей планете мы видим его в самом грубом, наиболее материальном состоянии, по-своему столь же плотном, как и человек в своей физической оболочке. На планете, предшествовавшей нашей, огонь был менее плотен, чем здесь, а на другой, перед предыдущей, – еще менее. Таким образом, на каждой предшествующей планете субстанция пламени была все более чистой и все менее плотной и материальной. На самой первой в цепи цикла она появилась как почти чистое объективное *сияние* – Махабуддхи, шестой принцип *вечного света*... На каждой планете цепи существуют семь проявлений огня, из которых первый по порядку будет сравним по своему духовному качеству с последним проявлением на предшествующей планете; а на противоположной (восходящей) дуге, как вы можете заключить, процесс пойдет в обратном направлении. Мириады специфических проявлений этих шести мировых элементов, в свою очередь, – лишь ростки, ветви или ответвления единого первичного дерева жизни».^[2]

Семеричное деление, принятое разными школами эзотерической философии, во многих случаях навлекало на себя обвинение в произвольности. Однако более близкое знакомство с предметом убедит исследователя в строго научном характере этого метода классификации. Следуя мистиками-идеалистам, мы можем разделить весь спектр существования на разные состояния сознания, у каждого из которых свои объекты постижения или функции. Согласно этим философам, область бытия совпадает с сознанием, и абсолютная бессознательность есть абсолютное небытие. К тому же даже из обычного опыта видно, что сознание проявляется в трех разных состояниях, а именно: бодрствования, сновидения и глубокого сна без сновидений. Первые два состояния признаются всеми, последнее же требует нескольких слов объяснения. Верно, что в моменты бодрствования можно иметь некоторое представление о сознании сновидений, но не о сознании сна без сновидений. Но его существование, тем не менее, доказывается тем, что идентичность «я» после такого сна не теряется и начало и конец этого сна нанизаны на

одну нить сознания. Случись хотя бы на мгновение прекращение всякого сознания, тогда не было бы никакой мыслимой причины к его последующему возобновлению. Помимо этих трех состояний, и мистики в этом не сомневаются, есть и четвертое состояние сознания, которое можно назвать трансцендентальным.^[3] Его проблески можно обрести в состоянии необычайного экстаза.

Что же до объектов восприятия этих состояний сознания, то легко видеть, что они охватывают весь спектр бытия. Все, что допускает восприятие чувствами, принадлежит первому состоянию сознания, которое обусловлено знакомыми нам представлениями о времени и пространстве. Объекты, воспринимаемые в снах, хотя для спящего и обладают всеми признаками реальности, не тождественны объектам бодрствующего сознания, хотя и подобны им. Представления спящего человека о времени и пространстве отличны от представлений бодрствующего. Изменение этих представлений подразумевает и соответствующую перемену в природе объектов, характерных для этой реальности. Скупец, которому снится, как он копит богатства, переживает столько же удовольствия, как и от тех богатств, которые радуют его глаза в бодрствующем состоянии. Однако по пробуждении эти богатства, добытые во сне, не возбуждают у него интереса. Аналогично, во сне тот факт, что по пробуждении накопленные богатства не сохранятся, признается лишь на мгновение и тут же изгоняется из ума, если осознается вообще, и спящий только глубже погружается в созерцание мнящихся ему предметов. Последнее явление замечалось всеми, кто уделял хоть какое-то внимание своим снам и законам, которые ими управляют.

Объекты, воспринимаемые бодрствующим сознанием, обычно называются материальными, а их соответствия, воспринимаемые спящими, называются астральными, если принять терминологию Парацельса и согласных с ним мыслителей. Объекты двух других состояний сознания, лежащие в стороне от нашей нынешней темы, здесь достаточно упомянуть лишь мимоходом.

Вряд ли необходимо указывать, что вышеупомянутые четыре состояния сознания вовсе не отделены друг от друга непроходимыми пропастями, но находятся в тесном взаимоотношении и составляют

единое целое. Небольшое размышление покажет нам, что эти четыре состояния, совмещенные нижеуказанным способом, дадут шесть состояний, а их синтез будет седьмым. Если представить эти состояния четырьмя точками квадрата, а комбинации – его сторонами и диагоналями, то этих комбинаций будет всего шесть, а сама фигура целиком будет седьмой. Результат комбинации, рассматриваемый отдельно от составляющих, можно представить кругом, описывающим квадрат. В этом символе, происходящем из глубокой древности, круг означает бесконечное Все, из которого происходит все проявленное существование, представленное здесь квадратом и его диагоналями. Потому нахождение *квадратуры круга* иногда используется как символ процесса эволюции.

Взаимозависимость субъекта и объекта познания будет ясна из вышеизложенных соображений. Семь состояний сознания, рассматриваемых по отношению к субъекту, человеку, – это семь его индивидуальных принципов, а по отношению к объекту, материи, – это семь универсальных космических принципов. Седьмой принцип, однако, в каждом из этих случаев включает в себя остальные шесть, и хотя он образует последний пункт в обеих этих классификациях, на самом деле один и тот же. В бесконечном субъект и объект сливаются друг с другом.

Каждый из этих принципов разделяется на семь, и каждое из делений снова подразделяется так же; фактически семеричное подразделение продолжается бесконечно. Наш почитаемый Учитель сказал по этому поводу: «Когда бы перед вами ни предстал какой-либо вопрос об эволюции или развитии любого из царств, постоянно помните, что в серии этих соответствий и взаимосвязей по всей природе все подпадает под правило семеричности». Число семеричных подразделений бесконечно, и потому никакая номенклатура не способна дать истинные взаимосвязи всех частей. Но если принять предосторожность против перекрестного подразделения, то каждая семеричность окажется совершенной в себе самой, а понимание одной семеричности позволит легко продолжить исследования назад и вперед, следуя закону соответствий.

Есть в этих семеричных подразделениях одна особенность, которая требует особого упоминания. Проследивая тот процесс, путем которого из предшествующих состояний было достигнуто нынешнее состояние человека и его вселенной, начинать нужно с другого полюса. Нынешнее состояние объектно (предметно) и материально, потому отправная точка должна быть субъектной и духовной. Однако не следует забывать, что термины эти относительные, а не абсолютные. В предельной реальности дух и материя тождественны, и в связи с этим материя – это то, что Кант назвал объективной реальностью, а дух – абстрактное сознание. Мистические философы утверждают, что предельная реальность – это абсолютное сознание, которое имеет объективное существование и не является несущностным и нереальным. Если говорить языком некоторых философов-ведантистов, то предельная реальность – это мистический союз пракрити (материи) и пуруши (духа).

Но вернемся же от абстрактных метафизических рассуждений, которые не должны задерживать нас более чем необходимо, к объяснению той темы, которая нас непосредственно занимает. В каждой семеричности первым и последним будут соответственно материя и дух или же дух и материя – в зависимости от того, смотрим мы на это с точки зрения эволюции или инволюции. Процесс эволюции бесконечен, и последний принцип всегда должен выработать себя до первого, но на более высоком плане – ведь если бы кривая эволюции замыкалась на себе, процесс пришел бы к концу. Подходящий символ эволюции – это не круг, а вечно продвигающаяся спираль.

Эволюция, или проявление единого постоянного нумена в бесконечное множество феноменов-существований, включает в себя представление о циклах и может быть понята, лишь если изучать конкретный и определенный период времени. Во вселенной явлений, как мы обнаруживаем, нет такого момента времени, для которого нельзя было бы назначить предыдущий. Потому ясно, что предмет, существующий в любой конкретный момент, должен был обязательно существовать ранее в той или иной форме. Предсуществующая форма называется причиной последующей, и дальнейшие размышления

покажут нам, что причина и следствие различаются лишь по форме, но тождественны по сути и что следствие всегда содержит в себе свою причину. Одно из основополагающих утверждений восточных философских систем состоит в том, что следствие есть раскрытие причины во времени. И единственный способ, которым сложные для понимания факты духовной эволюции человека можно представить широкому читателю, – это дедуктивный метод вывода из универсальных истин, касающихся природы его сознания. Потому для верного понимания предмета эти метафизические истины следует всегда помнить.

Эволюция, как мы убедились, допускает изучение своего хода лишь на протяжении какого-либо конкретного периода, и этот период времени размечается на циклы и подциклы соответственно развитию семи принципов и их бесконечных семеричных подразделений. Существующая литература, излагающая эзотерическую доктрину, раскрывает лишь одну главу великой книги эволюции – период нашей планетной манвантары. В начале этого периода материальная или, скорее, объектная природа человека медленно выявляется из своего духовного или субъектного состояния, а достигнув своего завершения, вновь возвращается к духовному бытию. Дородовое духовное состояние человеческой вселенной таково, что может считаться субъективным для всех «я», которые в любом смысле могут быть названы человеческими.

Эволюционный процесс, продуктами которого мы являемся, для своего полного раскрытия требует семи планет, соответствующих семи принципам человеческой вселенной. Эволюция всей системы слишком сложна и обширна, чтобы описать ее в пределах любого разумного объема. Можно проследить лишь малую ее часть, оставив изучающему самостоятельное рассмотрение остального с помощью закона соответствий.

Уже было сказано, что планетная манвантара, как и весь спектр включенного в нее существования, подразделяется на бесконечное количество семеричностей. Помня это, а также тот факт, что эволюционный процесс идет спирально, причем перемежающимися периодами сравнительной активности и покоя, предмет будет уже

легче понять. Для нашей нынешней цели мы можем считать процесс эволюции спиралью из семи витков. Исходя из духовного или субъектного состояния, которое для нас, заключенных в материю «я», представляется полной пустотой, развивающееся существование описывает первый виток спирали, производя первого представителя духовной жизни в материальной, или вещественной, вселенной. Это – первый принцип нашей планетной системы. Для существа, чьему познанию доступно родовое духовное состояние нашей вселенной и которое может его объективно воспринимать, этот первый принцип будет аналогичен первому духовному принципу, ибо закон семеричности действует в духовном существовании так же, как и в материальном. Но для другого, чье восприятие не проникает далее первого материального принципа, все семь духовных принципов будут представлены в нем одним. Следующая волна эволюции, дающая второй принцип, представляется витком, который потенциально содержался в первом, будучи в непроявленном состоянии, и который, в свою очередь, сам содержит первый виток – как следствие, содержащее в себе свою причину. То же соотношение продолжается по всей эволюции. Если же перейти к частностям, то каждый из семи витков в действительности сам представляет собой спираль из семи витков, между которыми поддерживаются те же взаимосвязи, что и у главных витков, и далее все подразделения продолжают подобным же образом. Принятая нами иллюстрация равно приложима как к развившимся принципам и подпринципам, так и ко времени, занятому их эволюцией.

В пределы данного трактата не входит хроника всей истории эволюции на протяжении манвантары нашей планетной системы или развития ее семи принципов. Мы непосредственно займемся лишь продвижением человеческой эволюции на планете, которая сейчас является нашим домом. Однако тот факт, что аналогию с этим процессом вдумчивый изучающий может распространять бесконечно, не только не следует забывать, но и напоминание о нем никогда не будет чересчур частым.

С тех пор как первые человеческие монады начали свой нынешний поход в предметное существование, человечество, или, точнее, его

духовное соответствие, прошло через всю планетную цепь уже три раза и сейчас в четвертый раз достигло четвертой планеты этой последовательности – Земли. В течение предыдущих проходов через эти планетные схемы, именуемых кругами, монады, которые на Земле уже можно признать человеческими, еще не могли быть так названы. Лишь в нынешнем, четвертом, круге развились существа, соответствующие нашему представлению о людях.

Прежде чем достичь того совершенства, которое достижимо в этом круге, человечество должно пройти на этой Земле через семь меньших схем, именуемых малыми кругами.^[4] Прежние изложения эзотерической доктрины, имея целью набросать лишь общие контуры человеческой эволюции, умалчивали о них, но введение этого нового фактора не должно нас запутать, если мы будем твердо держаться закона соответствий. Круг, в котором мы находимся сейчас, – четвертый.

Одновременно с развитием человечества через большие и малые круги сама Земля тоже проходит соответствующее развитие. С каждым кругом^[5] к представлению человека о пространстве добавляется дополнительное измерение. Прежде чем четвертый круг будет закончен,^[6] четвертое измерение пространства станет для человеческого сознания обычным фактом. То существование, которое с каждым кругом из духовного вырабатывает себе предметное, или вещественное, соответствие, проходит дальнейшее развитие в каждом из малых кругов.^[7]

В применении этих наблюдений к большим и малым кругам и подразделениям последних обнаружится небольшая трудность, но она будет разобрана далее.^[8] Что же касается продолжительности различных делений времени, упомянутых выше, то следует заметить, что в каждой семеричности период продолжает сокращаться с постоянной пропорцией, пока не будет достигнут минимум в четвертом цикле, а затем точно так же он будет увеличиваться, пока не достигнет максимума в седьмом.

Никто из людей, за исключением адептов определенного уровня, не может выйти из притяжения Земли, прежде чем будут завершены

семь малых кругов,^[9] но есть люди исключительные, которые своими собственными усилиями обогнали своих собратьев на целый малый круг и таким образом развили свой пятый принцип (интеллект) до более высокого плана. О них говорилось как о людях пятого круга, потому что разница между большими и малыми кругами до сих пор не была точно указана. Когда человек избавится от необходимости проходить эти малые круги и перейдет на следующую планету, он уже не будет в строгом смысле слова человеческим существом, но в план данного трактата не входит исследование тайны такого существования.

Глава II. Сверхмирской человек

Все существующие записи о человеке начинаются с общей отправной точки, а именно с его самых ранних попыток материального существования. И любые из них, даже те, которые могут много сообщить о его духовной природе, упускают из виду самое главное – тот поразительный и огромной значимости факт, что задолго до зари своего материального рождения он провел на этой планете очень продолжительную эру как духовное существо, чьим предназначением было постепенное нисхождение в материю и будущая карьера которого находилась в значительной мере в его собственных руках. Человек был планетным духом, прежде чем стал человеком духовным и наконец – человеком, сыном этой Земли. Медленно и постепенно он становился хозяином (в материальном смысле) своего дома и вершителем своей собственной в нем судьбы. Хотя он и был подчинен окружающей среде и физическим ограничениям, он прошел через различные градации условий, прежде чем смог понимать космогонию, часть которой он сам составлял.

Здесь уместно будет процитировать некоторые общие замечания нашего учителя об эволюции человека от его прежнего духовного состояния, допускающие приложение и во всех особых случаях:

«Теперь есть и должны быть неудачи в бесплотных расах многочисленных классов дхьян-чоханов или дэв,^[10] так же как и среди людей. Но так как эти „неудачи“ слишком высоко развиты и одухотворены, чтобы быть отброшенными насильственно назад из их

состояния дхьян-чоханов в водоворот новой первичной эволюции в низшие царства, происходит вот что. Когда должна развиваться новая солнечная система, эти дхьянчоханы вносятся туда вперед элементаров^[11] и остаются как скрытая или недействующая духовная сила в ауре рождающегося мира новой системы до тех пор, пока не достигнута ступень человеческой эволюции... Тогда они становятся деятельною силой и в соединении с элементами понемногу начинают развивать полный тип человечества». ^[12]

Это развитие духовных существ в материальное существование, или, как это обычно называется, «нисхождение духа в материю», – лишь один фактор в огромной задаче человеческой эволюции; формирование физического тела – другой фактор. Поскольку природа человека двойственна – она и материальная, и духовная, – то в его эволюции есть два составляющих элемента. С духовной стороны он снизошел от дхьян-чоханов в материальную форму высшего типа животной жизни, существовавшую на момент начала его связи с материей. Изучающий столкнется с некоторой трудностью, пытаясь привести в гармонию эти два аспекта эволюции, но верное следование закону аналогии непременно даст ключ к запутанным сложностям этого предмета. ^[13]

Из вышесказанного следует, что до первого появления человеческих существ на Земле развились другие формы существования. Шестью порядками существования, предшествовавшими человеку, были три элементарных царства, ^[14] не ощутимых для нас, а также минеральное, растительное и животное царства. Не следует, однако, полагать, что, когда только началась человеческая эволюция, эти царства уже обладали какими-то из своих нынешних физических свойств. Напротив, эти знакомые нам свойства росли с нашим собственным ростом. Общее правило состоит в том, что с момента появления более высокого царства всем низшим приходится замедлить свое развитие. Под действием этого закона замедления ^[15] со времени установления человеческой волны эволюции низшие царства сделали лишь малый прогресс или вообще никакого.

Нам не нужно здесь говорить об элементарных царствах, поскольку обычный человек едва ли обладает каким-либо знанием об их

природе. Что же касается трех других царств, следует заметить, что чем более низкого уровня достигает исследователь, тем меньше он находит каких-либо признаков прогресса, сделанного за человеческий период. Минеральное царство продвинулось меньше всех, больше него – растительное царство, и больше всех их развилось за это время животное. Когда человеческие существа из своего духовного состояния стали стремиться к физическому существованию, высший тип из животных форм продвинулся еще на шаг выше, чтобы принять их. Тут не должно создаваться впечатление, что уже развитые физические тела ждали, когда человеческие существа придут и одушевят их; проявляющиеся духовные существа фактически сами объективно развили высшие типы из существовавших животных форм. Состояние низших форм существования на момент рождения человека на Земле бросит некоторый свет на условия существования первых рас человека и будет описано далее. Состояние низших царств в периоды их соответствующего преобладания лежит за пределами нашего понимания, поскольку слои материи, через которые они прошли, находятся вне диапазона нашего восприятия. Но мы не должны оставлять эту часть предмета, не заметив, что вышеупомянутые изменения низших форм жизни – это не те изменения, которые изучаются геологами и палеонтологами, чьи наблюдения ограничиваются одним из многих планов материального существования, а именно – воспринимаемым нами. Не можем мы не упомянуть и тот важный факт, что существа, развивающиеся теперь на нашей планете в низших царствах, в этот планетный период человеческого состояния не достигнут.

Эти замечания готовят путь для рассмотрения состояния человека при первом его появлении на Земле в этом круге. Первые представители человечества на этой Земле, как нам известно, были людьми духовными, или сверхмирскими, и не были земными существами. Самый грубый их принцип не спускался ниже бесплотного или, вернее, астрального тела – они были людьми лишь в том смысле, в каком семя является деревом или даже потенциальной энергией семени. Семь чисто духовных рас, которые предшествовали появлению физического человека,^[16] состояли из существ, ученым

исторически неизвестных, и которых они, вполне естественно, будут отрицать. Они сразу же начнут отстаивать свою позицию, утверждая, что мир на стадии, предшествовавшей каменному веку, не был населен людьми, и говорить им, что наша планета была домом человеческих существ еще до ледникового периода, – лишь оскорблять их геологический рассудок. Они оспаривают даже свидетельства существования человека в Европе в ранний третичный период.

Следует помнить, что когда к этой планете применяют определение «обитаемая», его смысл ограничивают человеком и его потребностями. И опять же, как важный антропологический факт, на котором мы основываем выдвигаемые тут положения, нужно помнить, что с эволюцией семи духовных рас,^[17] предшествовавших земному человеку, Земля готовилась к заселению. Семь египетских богов элементов – это символы тех семи первоначальных рас, а семь элохимов древних евреев тождественны с семьей риши Индии.

У первых рас^[18] не было речи, как и у их духовных прототипов, ведь первые были материализованными копиями последних. Если последующие расы людей обнаружили у себя дар речи, то это потому, что они были созданы по образу «семи богов» слова живого, или речи Тау. Нет народа, у которого не было бы этого предания, нет расы, не сохранившей его. Даже у диких гуронов есть свои «семь духов дыхания», или изреченная мысль, или слово, которых они призывают и которые являются лишь прототипами первых говорящих рас. К тому времени когда первая раса «упала в зарождение», для каждой из рас уже имелся свой образец. А эти духовные расы, в свою очередь, наставлялись планетными духами гораздо более высокого порядка существования, чем достигнутый какой-либо из человеческих рас теперь. Слово «духовный» не должно быть понято неверно. Здесь оно обозначает не развоплощенных человеческих существ, а порядки существования, еще не спустившиеся через материю, чтобы стать частью материального мира, в который они помещены космическим законом. Иными словами, они представляют собой не тот принцип в человеке, который остается в виде существа после того, как

отбрасывается грубая материя, а существ, которым суждено перейти на план материи с другого плана, причем достичь его столь же естественным путем, как личинка превращается в бабочку.

Природа, воспринимаемая сейчас нами лишь в пяти своих элементарных материальных аспектах, хранит в запасе для тех, кто собирается раскрыть ее тайны развитыми шестым и седьмым принципами, богатство мудрости, одна мысль о котором возвышает, и элементарные истины, изложенные на этих страницах, – лишь малая часть той массы информации, которую тот, кто серьезно возьмется за изучение, сможет открыть самостоятельно, если только будет искать с хотя бы половинным рвением от того, с которым он отрицает существование условий и событий, о которых он не имеет понятия. Методичный экспериментатор испытывает презрение к эксцентричному дитя гения, который, не зная канонов и правил, называет цифры будущего и изрекает мысли, истекающие из внутренних глубин. И все же мир на стороне вдохновенного, ибо он трогает струны симпатии, которые звучат и отдаются в человеческих сердцах, с каждым касанием пробуждая какиенибудь спящие воспоминания об их духовном существовании или предчувствия об их будущей жизни, неясно проявляющиеся в сознании детей материи.

Внутренние истины, или истины души, которые люди этой расы лишь смутно представляют, в следующей, шестой расе будут восприниматься в их объективных формах, а их внутренняя красота будет восприниматься с такой же легкостью, как существование духовного мира чувствуется самыми продвинувшимися людьми этой пятой расы.

Первые человеческие существа на этой Земле^[19] были живыми движущимися зародышами, «крылатыми шарами» египтян, или скарабеями, как их теперь называют. Из этих зародышей на протяжении эпох развивались семь рас бесплотных существ,^[20] предков человека на Земле – дочеловеческих существ, если их можно так определить. Эти зародышевые проявления жизни в самом раннем их виде обладали лишь инстинктом – инстинктом движения – и двигались с виду бесцельно, не исполняя никакого иного назначения, кроме того, что есть у многих окружающих нас низших форм жизни.

Владей мы секретами природы, мы могли бы открыть эти тайны. Есть люди, достигшие той степени духовного и физического развития, которая позволяет им воспринимать внутреннюю работу космических законов, и достигается это развитие воспитанием семи чувств человека в обоих их аспектах – в духовном, как и в физическом. Эти счастливые исключения столь малоизвестны, что почти невозможно убедить людей любого века в их существовании. Когда зарождающийся человек появился на Земле, ее обитателями, кроме животных (конечно, не таких, как известны сейчас), были также «духи природы». Это духи, представляющие собой астральные прототипы деревьев и иных видов растительности, а также соответствующие прототипы минералов и металлов. У них не был развит разум, и снабжены они были лишь одним чувством – слепым инстинктом. Были также элементары и иного порядка, которые впоследствии развились в людей, как мы далее увидим.

Наши ранние праотцы, первые физические потомки сверхмирских людей, были существами, рожденными в состоянии, какого мы сами постичь не можем, но намеки на которое можно получить от тех, кто сохранил для нас то знание, фрагменты которого они нам теперь передают. Колыбелью первой предметной расы людей нынешнего малого круга был Северный полюс, который в то время, о котором мы говорим, был направлен почти на эклиптику. С тех пор полюса и экватор поменялись местами. Это может удивить тех астрономов, которые считают, что полностью решили проблему прецессии равноденствий путем ряда математических выкладок, и, возможно, они с насмешкой станут отрицать это заявление, но факт заключается в том, что склонение земной оси к эклиптике с ходом эпох претерпевает изменения,^[21] и будущие открытия подтвердят нашу точку зрения. Геологи, чей запас знаний получил важные дополнения с открытием залежей угля на очень высоких широтах, возможно, уже теперь найдут наше утверждение наводящим на мысли.

Прежде чем продолжить, следует снова повторить, что разные эпохи истории человеческой эволюции, о которых здесь говорится, были периодами, в которые бесчисленные тысячи существ прожили назначенный им срок и исчезли с лица Земли, иначе о предмете,

который мы собираемся набросать лишь в общих чертах и не вдаваясь в детали, может создаться ошибочное впечатление.

Мы собираемся набросать историю человеческой эволюции в этом круге, как шла она от духовного до физического состояния. Но практически невозможно проследить весь ход развития через все семь рас этого круга или их малых семеричных подразделений – подрас. Общий очерк, который мы дадим, позволит читателям самим проработать детали. Закон соответствий соблюдается повсюду, и что верно для какойлибо конкретной подрасы или расы, на более высоком плане будет верно для соответствующей подрасы следующей расы.

Глава III. Физическая эволюция человека, или Нисхождение в материю

Прослеживая развитие предметного человека от его субъектных предков, упоминавшихся в предыдущей главе, нужно постоянно помнить, что в начале каждого круга описанный процесс всегда повторяется, но в каждом последующем периоде продолжительность этого процесса становится короче. Природе, оказывается, проще повторить на более высоком уровне, чем начать заново. Легкость, приобретенная природой в повторении чего-то раз достигнутого, хорошо иллюстрируется развитием человеческого эмбриона: за краткие семь месяцев зародыш проходит через весь диапазон органической эволюции, потому что человечество в целом, дойдя до своего нынешнего положения, уже прошло все эти промежуточные шаги. Развитие физических чувств человека и его физического тела составляет его физическую эволюцию, или нисхождение в материю. В этой главе мы намереваемся дать краткий очерк физической эволюции первой предметной расы нынешнего круга.

Когда мы говорим о «первобытных людях», то имеем в виду не первых людей, живших на этой Земле, а первую предметную расу этого круга, которая известна последующим расам под названием «Адам». В предыдущей главе упоминалось, что бесплотных рас в этом малом круге было семь и каждая из них развивала по одному астральному чувству, пока седьмая не развила все семь чувств настолько, насколько позволяли существовавшие условия. Людям, у которых не более пяти чувств, трудно представить, что же представляют собой другие два,^[22] но не нужно забывать, что наше нынешнее состояние вовсе не совершенно. Люди седьмой расы этого круга, возможно, испытают подобную трудность, стараясь понять, как это мы могли существовать только с пятью чувствами. Когда волна эволюции впервые направилась к предметной жизни, человечеству понадобилось развить на материальном плане одно за другим все семь чувств, которыми обладали на астральном плане их

дочеловеческие предки. У первой расы этого круга было, как и у всех прочих рас, семь подрас.^[23] Каждая из них развивала, насколько было достижимо для нее такое материальное развитие, одно из семи чувств. В седьмой расе до некоторой степени были физически развиты уже все семь чувств. Первая подраса второй расы взялась опять за первое чувство с того уровня развития, на котором оно оставалось при завершении первой расы, и продвинула его еще на шаг дальше. Вторая подраса подобным же образом продолжила развитие второго, и каждое чувство с каждой подрасой следующей расы достигало более высокого совершенства, пока наконец к середине третьей расы человек не стал примерно таким, как мы его знаем, только менее развитым^[24]

Последующие расы^[25] вели эту эволюцию все выше и выше тем же порядком. Общий тип расы всегда сохранялся в ее различных подрасах, которые с каждым шагом становились все более и более развитыми на физическом плане, однако с соответствующей потерей какого-то астрального чувства, которым владели их надмирские предшественники.

Таким образом, человек начал продвигаться на физическом плане, развивая семь чувств одно за другим. Первая подраса первой предметной расы^[26] медленно приобретала чувство физического зрения, которое, можно заметить, включало в себя шесть других в латентном, или потенциальном, состоянии. Одновременно с ростом этого нового чувства происходил и соответствующий рост внешней природы. Астральные чувства внефизического человека воспринимали лишь астральные соответствия всех предметов той природы, что известна нам теперь. Среднему сегодняшнему человеку очень трудно осознать, как нынешняя чувственная природа существовала просто в виде своей тени и в то же время имела реальный и объективный характер. Но можно вспомнить, как спящий человек, воспринимая астральные объекты, не находит, что им недостает реальности. С рождающейся способностью зрения мир постепенно начал принимать для человека иной характер – внешняя природа приобретала все больше видимости, как мы ее понимаем,

однако она не сопровождалась никакими другими свойствами, которые мы неизменно связываем с видимыми предметами.

Свойства предметов, соответствующие прочим чувствам, еще не раскрылись, ведь сами эти чувства были еще неизвестны. Для этих первобытных людей листья не шелестели, цветы не пахли, да и глаза их еще не раскрылись к цветовому разнообразию. Зрение было единственным развитым чувством, и у них не было представления ни о расстоянии, ни о твердости. Но поначалу это чувство было не ограниченным в своем охвате. Дочеловеческие расы могли проникать в тайны Солнца и неба и могли наблюдать звезды, недоступные лучшим телескопам. Первая подраса, с только что развитым зрением, не создавала темноты, поскольку никакой предмет не был для нее полностью светонепроницаемым. Свет варьировался в своей интенсивности, но наше знание противоположности дня и ночи еще не забрезжило перед первыми представителями этой расы. Зрение в этот период еще не развилось в цветовое восприятие. Первые люди не могли заметить разных оттенков радуги, и трава, деревья и животные не были для них, как для нас, разными по цвету.

Эволюция цветового восприятия тесно связана с эволюцией рас и подрас человечества. Когда зрение впервые развилось, человек не мог различить ни одного из цветов спектра. Ему все казалось совершенно бесцветным – белым, но, прежде чем первая подраса первой предметной расы достигла вершины своего развития и уступила место своим последователям, стал различаться красный цвет. Каждая подраса развивала восприятие еще одного цвета радуги, по порядку, начиная с красного, и каждая последующая раса должна была снова восстановить восприятие соответствующих цветов, хотя это происходило через все уменьшающиеся периоды времени и каждый раз распознавалось все больше разнообразия оттенков того или иного цвета. Ранние предки нашей расы различали не более трех основных цветов: красный, желтый и зеленый, причем два в совершенстве, а третий пока в более ограниченной степени.^[27] То, что сегодня наши глаза могут радоваться такому пиршеству цветов, происходит в силу того факта, что мы как восстанавливаем знание, которым уже владели люди прежних рас, так и добавляем к нему. К концу периода первой

подрасы человеческое зрение, до тех пор неограниченное, стало чувствовать ограничения пространства и непрозрачности. Это произошло в силу влияния зарождающегося нового чувства, отмечавшего явление следующей подрасы. Присутствие этого нового чувства, осязания, заметно изменило восприятие вещей, а комбинация этих двух чувств положила начало развитию новых представлений – о твердости, расстоянии и теплоте.

Тут не следует упускать из виду, что к завершению этого периода начало показывать себя, хотя и в очень малой степени, чувство слуха, не получившее, однако, большого развития до поздней стадии, как мы далее увидим. Вторая подраса унаследовала зрение, а сама развила чувство осязания. Это чувство вначале имело более широкий диапазон, чем в последующий период. Поначалу это может показаться трудным для понимания, но те, кому приходилось наблюдать, до какой тонкости и остроты слепые развивают осязание и слух, поймут, как многообразие чувств притупляет остроту какой-либо отдельной способности. Для этих ранних людей осязание было чем-то вроде психометрической способности, которой обладают некоторые типы ясновидящих, хотя даже более сильным. Фактически эта способность получила столь высокую степень внутреннего развития, что раскрывала как внешнюю, так и внутреннюю природу предметов, к которым она применялась. С осязанием открывался новый источник удовольствий, и между человеком и его окружением устанавливалась свежая связь. По мере того как у человека рождалось чувство за чувством, звено за звеном ковалось в этой цепи, и завеса за завесой набрасывалась на длинную панораму его духовной памяти. Постоянно ассоциируясь с земными вещами, человек приспособлялся к своему новому дому, пока наконец его мысли перестали идти далее них.

Чувство осязания, зародившееся в первой подрасе, достигло своего ограничивающего развития во второй. С развитием последующей подрасы человек уже больше не был бесплотным существом и стал сравнительно материальным созданием, наделенным несколькими элементарными чувствами, из которых выделялось одно, которое стало особенно характерным в третьей подрасе, – слух.

Эта подраса наслаждалась уже тремя способностями – зрением, осязанием и слухом, причем две первые были развиты как физические чувства, поскольку две предыдущие расы материализовали их, а последняя была и духовной, и физической. Эта способность, будучи новым приобретением, была поначалу полностью духовной, точно так же, как способность передачи мыслей является духовной для людей нашей нынешней, пятой расы,^[28] но станет физической способностью для людей шестой расы. Сначала ею будут обладать люди, иначе устроенные в сравнении с большинством собратьев или прошедшие определенную подготовку для ее приобретения. Но когда раса в целом поднимется на уровень этих немногих, эта способность перестанет быть духовной, и раса будет пользоваться ею как физиологическим наследием.

Способность слуха, которой обладала третья подраса людей третьей расы, была по своей силе столь огромной в сравнении с нашей, что сегодня она нам представляется почти немыслимой. Духовный слух достиг своего величайшего развития, и само физическое ухо достигло очень высокой степени остроты слуха. Даже звук распускающего листа звучал природной музыкой для этих первобытных обитателей нашей планеты. Когда к раннему цветку добавлялся цвет за цветом, его ритмический танец не оставался незаметным для еще свежей способности слуха. Должно быть, с чувством, подобным той утонченной радости, с которой те из нас, у кого в значительной мере развито музыкальное восприятие, слушают божественные ноты симфонии или оратории, слушали они эту музыку природы. К жизни добавилось новое очарование, и человек со все растущим удовлетворением и довольством смотрел на столь близкий и родственный ему окружающий мир.

Размеренный ход небесных тел, который люди называют музыкой сфер и считают неслышимым для ушей смертных из-за их грубости, для этих древних детей природы был дополнительным источником радости.

Смотри, как небосвод Усеян
золотистыми кружками!
Мельчайшее из видных нам светил
В движении своем поет, как ангел, И
вторит юнооким херувимам. Гармония
подобная живет
В бессмертных душах, но пока она
Земною грязной оболочкой праха Прикрыта
грубо, мы ее не слышим.

(У. Шекспир. «Венецианский купец», акт V, сцена 1)

Физическая грубость отрезает нас и от многих других радостей природы, помимо ее музыки, как известно всем тем, чьи чувства утончены от природы или благодаря специальному развитию. А в то время духовный слух был полностью раскрыт, и гармония между духовной и физической природой человека позволяла этому чувству достигать большей остроты, чем у какой-либо последующей расы в целом. Но и в наши дни живут люди, не только сохранившие чудесную силу слуха, которой владели наши предки из третьей расы, но и постоянным упражнением развившие ее до еще более замечательной степени совершенства. Эти исключительные человеческие существа, как хорошо известно в Индии и в других местах, могут говорить через пространство и быть услышанными теми, чей духовный слух может управлять своим физическим соответствием и подчинять его, когда это нужно. Для духовного слуха расстояние не составляет препятствия, и души, находящиеся в духовной симпатии, откликаются на зов друг друга, находясь на разных концах света.

Четвертая подраса, как будет видно, начала с тремя хорошо развитыми чувствами – зрением, осязанием и слухом. Чувство обоняния, которое является особой принадлежностью этой подрасы, при зарождении своем было и духовной, и физической способностью. Духовное обоняние обладало многими свойствами, которые мы

ассоциируем со зрением, осязанием и слухом. Даже сейчас натуралисты знают, что у некоторых насекомых обоняние выполняет роль почти всех чувств, а о важности обоняния у некоторых животных, особенно у собак, вряд ли нужно и упоминать. Развитие этого чувства добавило природе еще одно одеяние, оправдывая идею древних, принявших луковицу в качестве символа эволюции. Предметы, которые раньше можно было только видеть, осязать и слышать, впервые приобрели для людей свойство запаха.

В пятой подрасе развилось чувство вкуса.^[29] Поначалу человеческое тело не требовало пищи для поддержания жизни, и даже в столь поздний период, когда четвертая подраса развивала чувство обоняния, люди ничего не ели,^[30] но поглощали путем осмоса питание из воздуха. Лишь когда их тела стали достаточно плотными и в некотором смысле грубыми, поддержание системы стало производиться с помощью пищи, поступающей в живот. Первая и вторая расы не испытывали необходимости возмещать износ своих тканей питанием. По сути, в нашем четвертом малом круге на этой планете человек не стал питающимся животным до завершения второй расы.

Чувства, развивавшиеся шестой и седьмой подрасами, непостижимы для нас, имеющих лишь пять чувств, хотя и развитых до значительно более высокой степени, чем у человечества любого из предшествовавших периодов. Но оставшиеся два чувства у нас пока еще в очень зачаточном состоянии.

В те времена человек не ощущал посредством чувств ничего неприятного. Фактически никакое чувство на ранних этапах своего зарождения не может нести никакого неприятного ощущения. Последнее, будучи продуктом дисгармонии и насилия над естественным порядком вещей, могло возникнуть лишь после того, как чувства стали достаточно ассоциированы с внешними объектами. Физическая боль была, так сказать, вызвана злоупотреблением чувствами, а не просто их использованием. Библейский миф о том, что Бог проклял Землю при падении Адама, имеет глубокое значение. В своем природном состоянии человек не знал злоупотребления какимлибо чувством или органом, а потому был свободен от всякой

боли, связанной с их употреблением. Дети, хотя острота их чувств куда больше, чем в старшем возрасте, не испытывают болезненных ощущений с такой же силой, с какой чувства могут причинять их взрослым. Например, они могут переносить зловонные запахи без особого раздражения. Зрение детей более ясное и зоркое, чем у взрослых, но их глаза не распознают тонких оттенков цвета. Слух в детстве достигает гораздо более широкого диапазона, чем когда-либо после; дети могут слышать намного более высокие тона и более тихие звуки, чем средний взрослый человек, но полутонов и других, более тонких градаций они не различают. На заре жизни сила разных органов чувств особенно замечательна, и удовольствие от них получается наибольшее. Звуки, неприятные для обычного уха, часто не лишены привлекательности для молодого. Эту аналогию можно проводить повсюду, и разница между молодыми и взрослыми чувствами будет заметна.

Приверженность детей к сильным вкусам и их неспособность оценить тонкие вкусовые оттенки известны, и из наблюдения за детской жизнью становится ясно, что природа предпочитает прежде всего наметить общие контуры, а потом уж заполнять их деталями. Склонностью рас в их высшем развитии всегда было развивать все больше и больше вариаций каждого из основных чувств. С каждым шагом восхождения чувства теряли в своей остроте, но приобретали в богатстве и разнообразии. Нашим предкам многие вещи, которые нами ощущаются определенно разными на вкус, казались совершенно сходными. Так и с цветом, звуком и всякой другой областью развития чувств. Даже утонченное разнообразие современных деликатесов в сравнении с простой кухней Средних веков даст нам некоторое представление о сложной чувствительности нашего языка.

Продолжая исследование нашего предмета, направим внимание на то, что можно назвать сложными чувствами, составленными более чем из одного чувства, которые в одно и то же время воспринимают тот же объект. Эпикурейцы засвидетельствуют, как их удовольствие приобретает особый смак, если блюдо радует их своим запахом, так же как и вкусом, тогда как усиление эффекта музыки с изменением яркости света хорошо известно, во всяком случае на Востоке.

Мы говорили о двух наборах чувств – которыми обладал сверхмирской человек и которыми владеют его земные потомки. Еще более высокие духовные чувства, называемые индийскими философами *танматрами*, мы даже не упоминали – это, грубо говоря, абстрактные чувства, при которых чувство и воспринимаемый объект сливаются в одно. Человек наших дней на низшем плане своего существования обладает пятью грубыми чувствами; когда же он действует в астральном теле, то получает в свое распоряжение чувства астральные, и в этом состоянии он во всех отношениях находится в том же положении, что и его бесплотный предок.

Здесь можно упомянуть, что в древних санскритских писаниях брахман часто называется «сыном огня»,^[31] что в действительности означает астрального человека – сверхмирское человеческое существо, ибо брахманы притязают на то, что лишь они одни остались верны традициям своих возвышенных предков, тогда как остальной мир предан служению чужим богам. Но выше этих астральных чувств находятся истинно духовные чувства – их абстрактные соответствия. Этими семью чувствами, высокоразвитыми в тройственном их проявлении – духовном, астральном и физическом, – и владеют величайшие махатмы, ставшие властелинами природы. Путем старательного развития они сохранили достоинства всех прежних рас, соединив их со своими собственными достижениями, тогда как человечество продолжало двигаться своим циклом нисхождения.

Глава IV. Первобытный человек

Предыдущий набросок, при всей своей скудности, с достаточной для нашей цели точностью показывает ход эволюции, которая привела человека к рождению на материальном плане, да фактически и породила сам этот план. Мы увидели, как вышел человек из своего духовного состояния и медленно развивал вещественную жизнь путем воплощения духовных соответствий семи чувств, пятью из которых сегодняшнее человечество владеет в действительном, а оставшимися двумя – в латентном, или потенциальном, состоянии. За период первой расы, как было сказано, предметное развитие человека и его

планеты дошло до той точки, которая, не будучи уже совершенно духовной, не была еще и материальной – в том смысле, какой мы придаем этому слову. В течение семи подрас второй^[32] расы поток эволюции все больше наполнился развитием материи. Но даже тогда человек еще не кристаллизовался и не уплотнился до той степени, чтобы его нынешние потомки узнали в нем своего сородича, – он все еще был полубесплотным, обладая лишь немногими чертами, которые мы бы сейчас сочли *человеческими*; на самом деле в физическом смысле он человеком еще не был^[33]. Ведь даже во второй расе его полуэфирное тело еще было свободно от болезней, и полная гармония в телесной системе давала ей аромат совершенного здоровья. Животные в раннюю эпоху существования этих людей были благоухающими, подобно цветам и деревьям, и человек был ароматным цветком, пока жил естественной жизнью. Даже после бесчисленных веков нездоровой жизни, неразборчивости и злоупотребления естественными функциями он и сегодня оказывается приятно пахнущим молодым животным, требующим лишь омовения чистой водой для поддержания своей системы столь же чистой, а дыхания – столь же свежим, как у коровы, единственного животного, которое не совсем еще выродилось

(кроме, пожалуй, еще овцы, к которой это тоже в некоторой степени применимо). Это может пролить свет на тот вопрос, почему столь многие народы смотрят на корову как на священное животное или, во всяком случае, относятся к ней с особым уважением. Почтение, изъявляемое к корове в Индии и Древнем Египте, общеизвестно, но даже у других наций, которые сейчас стали употреблять коров в пищу, это животное играет в мифах важную роль.

Почти невозможно дать верное представление о человеческих существах, которые когда-то ходили по этой Земле, – ее ранних хозяевах. Они постижимы лишь для провидцев и могут быть представлены лишь теми, чьи способности воображения намного превосходят обычные. Сам вид человека, который совершенно прозрачен, устройство тела которого ясно различимо, а мысли столь же четко видимы, как и руки, совершенно непостижим для современного чувственно развитого человека.

Мы уже кратко упомянули тот факт, что прежде, чем человек прибегнул к питанию, основное питание он получал из воздуха. На протяжении веков у него не было развито такое лицо, которое позволяло бы ему иметь рот, занимающий так много места на сравнительно малом пространстве, отведенном для лица. Эта черта у нас необычайно непропорциональна, обычно имеет недостаток симметрии и почти всегда свирепо демонстрирует физиологические признаки хищного существа.

Третья раса^[34] отмечала начало нового положения вещей. Эволюция, которая до тех пор проходила через эфирные уровни материи, постепенно достигала более полного предметного проявления, и постоянный процесс дифференциации, образующий работу эволюции, теперь достиг каждого отдельного человека. До того времени закон, управляющий эволюцией, не достиг еще достаточной сложности, чтобы быть разным в случае каждой индивидуальности, и именно с третьей расы этот космический закон в индивидуальностях принял в значительной мере форму личной воли. Не следует полагать, что в начале периода третьей расы эта воля по какому-то чуду возникла, подобно Афине, в полном вооружении. Природа не любит скачков в самом большом так же, как и в малом, и как в материальном, так и в духовном существовании. Материальное развитие медленно, но ощутимо затмевало сознание человеком своей духовной природы, и в рассматриваемый нами период на нашей планете создались подходящие условия для существ, у которых психические начала были в заметной степени перевешены материальными. Оба мира, материальный и духовный, были тогда настолько готовы для человека, насколько он сам был готов к ним. Это в тот самый период большому количеству человеческих существ, неспособных приспособиться к изменившимся условиям существования, пришлось удалиться со сцены. Закон кармы, или строгое приложение закона, по которому причина неизбежно влечет следствие, к личному поведению, начал утверждать себя. Все человеческие существа, которые не могли привести себя в гармонию с действием этого закона, были убраны со сцены отбором как негодные для жизни в этих более передовых условиях, а наиболее

приспособленные выживали. Несомненно, проследить дальнейший путь этих видимых неудач природы было бы интересным направлением исследований, но предмет этот чужд нашему нынешнему плану изложения. Но как были исключительные случаи, в которых появлялись существа, не удовлетворяющие даже низшему пределу, необходимому для продолжения существования, так были, как и во все прочие эпохи, те, кто продвинулся гораздо выше среднего предела развития, достигаемого расой, которую двигала вперед сила их индивидуальных достижений.

Рост личной воли – самый важный факт в истории эволюции человека; это тот самый «запретный плод», который принес знание добра и зла. Из тщательного исследования природы личной воли можно увидеть, что ее проявление принимает форму желания ее обладателя привести свое окружение в соответствие с его собственными целями и представлениями. Имея постоянно в виду эту характерную черту личной воли, будет нетрудно проследить ее действие.

Но в этой проблеме есть еще один фактор, который также требуется учесть.

Ранее мы говорили, что во время первого появления на Земле человек помимо животных обнаружил различные порядки уже развившихся на тот момент эфирных существ. Они называются элементами, или природными духами, по причине их связи с пятью элементами, на которые оккультисты подразделяют нынешнее состояние всего диапазона чувственной природы. Когда понятен принцип, стоящий за этим разделением, то видно, что он нисколько не более абсурден, чем идея о химических элементах, которых оказывается столько, сколько удастся открыть. Классификация здесь идет по совсем иному, хотя и столь же научному, плану. Человек не может приобрести никакого знания об объектах чувств, которые в своей совокупности образуют внешнюю природу, если они не воздействуют на то или иное из его физических чувств. Для выявления существования внешней вещи она должна отвечать одному из пяти тестов. Когда человечество разовьет другие чувства, будут открыты и другие элементы, которые тем, в ком эти чувства уже раскрылись

благодаря исключительным обстоятельствам или намеренной тренировке, знакомы уже сейчас.

Эти элементарные существа, или природные духи, как их иногда называют, являются теми же самыми таинственными созданиями, которые под разными именами упоминаются розенкрейцерами. Как уже было сказано в предыдущей главе, они бывают двух различных порядков. Первый состоит из тех, кого можно популярно назвать душами разных элементов; они – центры силы в той полусознательной тонкой материи – астральном свете, – которая, подобно фотопластинке, принимает впечатления от каждой мысли, возникающей в уме человека. К другому относятся более индивидуализированные существа, которые полуразумны и составляют царство, стоящее ниже человеческого, и из которого развились человеческие существа до «падения человека в зарожждение», что будет обсуждаться далее. Наши учителя сдержанны в том, что касается элементаров, и дают о них лишь столько информации, сколько необходимо для понимания общих принципов эволюции. Необходимо, однако, заметить, что ранее выдвинутые нами онтологические воззрения требуют считать органическую жизнь, проявление которой наблюдается в протоплазме, лишь одной из множества форм, в которых вселенское жизненное начало находит выражение. Всем биологам известно, что жизнедеятельность может давать тепловые, световые и электрические проявления, а мы должны добавить, что не только в некоторых случаях, но всегда и повсюду эти проявления происходят в силу действия этого жизненного начала. Им проникнут каждый атом во вселенной. Вселенная – это одно огромное сознание, и все в ней, от мельчайшего атома до самого благородного существа, о котором мы можем знать или иметь представление, – лишь конечные проявления этого сознания. Потому есть бесконечное множество существований, ограниченное проявление которых на этой Земле меняется соответственно ее состоянию и условиям, на ней существующим.

Когда личная воля человека пробудилась, она действовала по линии наименьшего сопротивления. Какая бы мысль ни возникала у человека, она по причине своей динамической силы немедленно

находила предметное выражение в окружающем его элементарном мире. По мере того как личная воля набирала силу, эти впечатления, оставляемые мыслью на элементарных существах, становились все более и более долговечными. И хотя в разбираемый нами период конфликты между людьми были еще неизвестны, все же каждый человек благодаря своей личности был наделен совокупностью желаний, которые были его собственными, и действие разных волей на эти низшие элементарные существа создало первую на Земле форму конфликта.

В наши дни эти элементарные существа выполняют в природе очень важную функцию. Будучи оформлены волями предыдущих поколений людей, они стали разновидностью кармических посредников, которые не дают людям, не являющимся адептами, перейти в своем развитии границы, установленные для их расы. Когда со временем эти впечатления набрали достаточную силу и постоянство, почва конфликта сместилась вместе с линией наименьшего сопротивления. Уже более высокие элементарные духи почувствовали давление конфликтующей воли человека, а поскольку они были слишком развиты, чтобы легко подчиниться ее впечатляющей силе, борьба обострилась. Конфликт усилился, когда первая женщина, а затем и мужчина подверглись атаке.

Высшие элементарные существа развивались в людей до того времени, когда на Землю следом за личной волей пришли рождение и смерть. Можно легко представить, что когда каждый человек начал преследовать свой личный интерес, коллективные усилия, необходимые для развития элементарных существ, стали разделяться, а когда человек стал животным, которое питается, увеличивающемуся огрубению тела сопутствовало физическое размножение вида. Такова история этого «падения в зарожждение». Человек «пал» в силу употребления своей личной воли. Но это материальное развитие может рассматриваться как «падение» только с одной стороны, с другой же стороны, оно было лишь необходимым витком спирали прогресса и зарей дня столь яркого, какого человечество никогда еще не видело. И возрождение это завершит Христос, воплощенная мудрость, истинный дух человеческий.

Тема «падения», естественно, ставит проблему свободной воли. У нас нет желания входить в подробную дискуссию об этом спорном и много обсуждавшемся вопросе. Достаточно будет указать, что человеческая воля свободна настолько, в коей мере каждый индивидуум действует ради достижения счастья. Но то, что удовлетворило бы его, зависит от ранее существующей необходимости, диктуемой его собственной природой. И даже тогда воля свободна, поскольку потребности его природы не навязываются каким-то внешним фактором, а задаются вечным законом, воплощенным в его «я». Однако если же под свободой воли понимать способность прекратить существование своего «я», уничтожить собственную природу, то такую свободу следует без колебаний отрицать. Такому своеволию нет места в Космосе. В каждый момент времени воля человека свободна, и он делает то, что доставляет ему удовольствие, но все же есть порядок, управляющий ее проявлением. Как математики на основании нескольких прошлых положений небесного тела могут предсказать его будущее движение, так возможна и более высокая математика, позволяющая на основании достоверных данных вычислить прошлое и будущее человеческого существа. Но будущий путь человека зависит от такого вычисления не более, чем движение планет от вычислений астрономов.

Пока мы не перешли к другой теме, можно сказать несколько слов о необходимости зла и обвинении в пессимизме, которое постоянно выдвигается против восточной школы мысли. Несомненно, существует циклическая необходимость, заставляющая поток человеческого прогресса достигать своих крайних пределов, а затем возвращаться к породившему его источнику обогатившимся и очистившимся в своем долгом путешествии. Философ не станет сожалеть об этом, когда вспомнит, что при каждом удалении от счастливого духовного состояния человечество продвигается к конечному свершению и славному воскресению. Негодовать на необходимость достижения более высоких и совершенных состояний, путь к которым не усыпан удовольствиями, — лишь проявлять невежество и эгоизм. Это — неведение о великолепной перспективе, ожидающей нас по возвращении, и сетование на индивидуальные страдания, которые

обогащают великое целое – вселенский разум – путем осуществления потенциально заключенных в нем идей. Философская мысль всегда оптимистична, и лишь искаженный взгляд на вещи порождает пессимизм. Живая духовность, образующая основание восточных систем, конечно же предупреждает нас от погружения в стагнацию материальных удовольствий и грубого физического существования, но она вовсе не смотрит на саму жизнь как на зло. Напротив, восточные учителя всегда настаивали на той важной роли, какую играет наша земная жизнь в великом плане, который состоит в развитии все более высоких состояний совершенства на каждом витке. Две системы, против которых чаще всего выдвигается такой критицизм, – это буддизм и веданта. Но должное уяснение закона причинности, как он понимается в этих системах, устранил это неверное представление; все, что происходит, – хорошее, плохое, или безразличное нам, – приводится в действие вечным законом, воплощенным в вечной субстанции, которая есть также абсолютное блаженство. Единственный подлинный пессимизм – это нигилизм современной Европы. То неверное представление, что делает из нирваны и мокши уничтожение, собственно, и приводит к выдвиганию обвинения в пессимизме в адрес восточных религий.

Эту часть нашего предмета нельзя оставить, не отметив одной очень важной идеи, которая развилась под действием личной воли. Повышенная концентрация энергии «я», которой потребовало применение воли, ее воздействие на тот объект, на который воля была направлена, и соответствующее сопротивление этого объекта «я» заставило человека остро осознать какое-то существование вне его самого и составить представление о нем. Это акцентирование воли очень быстро скрыло от его сознания менее разделенное, или духовное, состояние, в котором он жил раньше. Рост собственных интересов уничтожил то бесстрашие, которое происходило от безличности и любящей гармонии со всем окружающим. Пока со всех сторон человека не стали осаждать странные опасности, он не чувствовал ни потребности в защитнике, ни необходимости в посреднике между ним и его создателем – Непреложным Законом. Представление о силе возникло у него одновременно с

представлением об опасности, а страх стал вполне естественным спутником последней. Это побудило его создать себе веру в некую внешнюю силу, которой он боялся и от которой зависел, и это заложило основу всех искусственных культов, которые до наших дней полнят мир своими многочисленными выводками заблуждений. Оглядываясь вокруг себя, первобытный человек видел источник силы в Солнце – источнике света и жизнедающей энергии. Он боялся его и потому пытался его умиловать.

Самые сильные из воспринимаемых им лучей были красного цвета, и потому он искал соответствующие предметы для использования при поклонении, и чем труднее было достать предмет, тем бóльшую ценность он имел в глазах поклоняющегося как то, что может умиловать светило. Это привело к применению крови в качестве самого подходящего жертвоприношения, и она обильно потекла на алтарь Солнца. Насилие стало самым губительным проявлением духовного упадка человека и навлекло на него соответствующую отдачу со стороны элементарных существ, развивать которых было его долгом.

Когда человек стал пренебрегать этим долгом и разделение интересов акцентировалось, он был вынужден осознать, что находится в антагонизме с элементарными духами. И по мере того как в нем росло насилие, эти духи усиливались посвоему и, будучи верны своей природе, оскорбленной небрежением со стороны тех, кто, в некотором смысле, были их попечителями, автоматически ответили негодованием. И человек больше уже не мог полагаться на силу любви или гармонии, ведя других, потому что сам уже перестал побуждаться исключительно ее влиянием. Недоверие нарушило симметрию его внутреннего «я», и существа, которые не могли воспринимать, а лишь принимали направленные к ним впечатления, быстро приспособились к изменившимся условиям. Сама природа, где раньше все было приятно и свежо и не указывало на печаль и разложение, сразу же приняла иное выражение. Атмосферные влияния, до сих пор незаметные, стали замечаться: по утрам чувствовалась прохлада, днем – жара, а при наступлении ночи – повсеместная тьма, которая стала восприниматься с опаской. Ибо

изменение в объекте должно сопровождать всякое изменение в субъекте. А пока эта точка не была достигнута, человеку нечего было бояться в себе и своем окружении.

И по мере того, как человек все глубже и глубже погружался в материю, он терял сознание более тонких форм существования и приписывал ощущаемый им антагонизм неизвестным причинам. Конфликт продолжал усиливаться, и вследствие своего невежества человек пал легкой жертвой. Среди той расы были исключения, как они есть и сейчас, чьи тонкие способности восприятия опережали продвигающуюся материализацию, и со временем лишь они одни могли чувствовать и распознавать влияние этих самых ранних порождений Земли.

Наступило время, когда на изредка появлявшихся в поле зрения элементаров стали смотреть с тревогой и считать это злым предзнаменованием. Распознавая этот ошибочный страх, проявляемый человеком, элементары в конце концов стали осуществлять для него те опасности, которые он предчувствовал, и собираться вместе, чтобы запугивать его. Они нашли сильных союзников в том разряде существ, который был порожден, когда появилась физическая смерть, как мы скоро увидим, и их совместные силы стали проявляться ночью, которой человек страшился как врага своего защитника – Солнца.

Смерть отмечает начало той кривой, которую в настоящее время описывает человеческая эволюция. Во времена двух первых рас она была неизвестна. Подобно чувству, которое успокаивается по завершении своей активности, так и человек, постепенно затухая, переходил в субъектное состояние, когда его предметная жизнь проходила свой полный период. Первые люди не ощущали возраста физически, они не были обречены на дряхлость, не было такого, что «человекам положено однажды умереть», как утверждал древний автор псалмов. Это вовсе не было неизбежностью – человек располагал привилегией жить или умереть по своему выбору, подобно тому как сегодня у него есть привилегия ясно смотреть на вещи или пестовать в себе темноту и слепоту. Люди не умирали. Даже древние евреи своим каббалистическим языком намекали на то, что

первобытная раса не умирала. Енох «ходил с Богом» и не видел смерти. В каждую эпоху то здесь, то там некоторые избегали смерти путем восстановления своих духовных сил и преодоления элементов своей природы, которые тянут их к точке смерти. (Енох олицетворяет здесь человечество, вечное как в духе, так во плоти, хотя последняя в своей форме и умирает. Но он также олицетворяет и расу – на одном конце седьмую. В генеалогической таблице Енох стоит вторым от Адама, и это образует другой конец, исходную точку.)

Великие учителя всех эпох, которые расцвели избранными цветами на древе человечества, в некотором смысле избежали смерти. Верно, что их телесная форма исчезла, но внутренний человек, состоящий из духовного Я и принципов разума и воли, сохранил свою целостность, а смерть лишь удалила шлак, скрывавший истинное золото, высшие принципы человеческой природы.^[35] Будучи движимы силой своей любви к человечеству, эти возвышенные существа как его спасители продолжали наставлять его и вести к еще бóльшим высотам. Мир не видит их, ибо его взгляд закрывает плотный занавес грубой материальности, отсекая его от их великолепного присутствия. Но время от времени появляются люди, способные, даже будучи во плоти, общаться с ними и передавать их мудрость миру. Есть и другие, которые по причине своего несовершенного развития не могут поддерживать сознательного диалога с этими духовными учителями, но, действуя под их влиянием, проносятся по нашей планете подобно ярким метеорам интеллекта и человеколюбия, своей бескорыстной любовью и жертвенностью вливая в человечество заряд духовной жизни, не сознавая при этом, что же за сила их ведет.

Все высшие адепты, в некотором смысле, избегают смерти. Процесс, приводящий к этой точке развития, в мистическом языке Средних веков был известен под названием эликсира жизни. Тело человека всегда настроено в соответствии с его внутренними желаниями и устремлениями. Если земные желания одно за другим устраняются, тело человека, постоянно заменяющее составляющие его атомы, перестает притягивать материалы, необходимые для обеспечения должного проводника для низших наклонностей. Когда они покорены, тело становится все более и более бесплотным, пока наконец человек

не оставляет за собой последний след физической оболочки и не восстает как прославленный дух. Интересно отметить, как описал Милтон этот процесс в «Комусе»:

«Частый разговор с небесными обитателями начнет отражаться своим сиянием на внешнем облике, незагрязненном храме души, преображая его постепенно в самую суть души, пока все не сделается бессмертным».

В одном смысле это избежание смерти, но в другом – лишь растягивание ее на очень длительный период. Как же это делается? Хорошо известно, что одним из основных составляющих долгожительства является сильное желание жить. Каждый день можно встретить примеры того, как люди успешно переживали кризисы болезней просто из сильного желания жить и завершить какое-нибудь дело, которое было их неисполненным долгом. Желание жить, основанное просто на мотиве эгоистичного получения удовольствия от жизни, никогда не бывает достаточно сильным, чтобы продлить ее очень долго; фактически сильная воля, открывающая секрет жизненного эликсира, полностью лишена эгоизма. Человек жертвует своим прогрессом в других сферах бытия, чтобы иметь возможность работать на благо человечества. Могут удивиться, почему мы заявляем о благотворной деятельности людей, с которыми человечество в большинстве своем не имеет сознательных отношений, но причина здесь в том, что труды этих богоподобных людей нельзя увидеть простым глазом, поскольку они действуют через высшие принципы человека. Продуктивная сила наших энергий зависит от плана, на котором они действуют. Человек, который трудится от рассвета до заката, укладывая кирпичи, производит работу, которая в денежном выражении составит лишь малую часть часового труда ученого. Разница в эффекте, создаваемом тем же количеством энергии, примененной на физическом и интеллектуальном планах, становится, таким образом, очевидной. А тем, кто знаком с законами психической динамики, известно, что работа, произведенная тем же количеством энергии на интеллектуальном плане, в свою очередь, несравнимо меньше, чем производимая на плане духа, высшего принципа человека. Потому

ожидать от мастеров божественной науки, что они будут работать с нами на земном плане, еще более неразумно, чем посоветовать сэру Вильяму Томсону^[36] стать сапожником.

И здесь мы должны констатировать один факт: воля к жизни должна быть достаточно сильна, чтобы преодолеть склонность тела повторять физиологические процессы своих предков. Из этого второго условия ясно, что проблема не в физической силе тела и его обильном питании, а в теле здоровом, в котором в то же время нет сильно выраженных физических склонностей; и мускульная сила тут вовсе не является необходимостью, главное – это воля, которая сильнее физических инстинктов. Ясно, что всякое увеличение способностей в теле требует соответствующего увеличения силы воли, чтобы их регулировать. Подчинение физического тела воле отмечается уничтожением одной животной склонности за другой. От всех искусственных пристрастий надлежит избавиться в первую очередь – от таких, как алкогольные стимуляторы, затем от мясоедения и вообще от всякого обжорства и удовлетворения нездоровых влечений тела. Следующим по порядку идет половое желание. От прочих таких склонностей избавляются в порядке их материальности: «Сначала скупость, затем страх, зависть, мирская гордость, немилосердие, ненависть, амбициозность и, наконец, любопытство – интеллектуальная жадность».

Этот процесс, длящийся годы, представляет собой медленное умирание, и когда человек с помощью этого эликсира бессмертия делается бессмертным, ничего от него на нашей земле уже не остается, и потому практически он уже «мертв».

Смерть, хотя она так же естественна для нас, как рождение или старость, всегда была окутана темным облаком страха. Оно омрачает самый яркий пейзаж и отбрасывает тень уныния на самые счастливые события жизни. Это тот яд, который скрывается в самой сладкой чаше наслаждения, – необъяснимая тайна бытия, которая застит самый острый глаз и приводит в замешательство самые смелые умы. Но темные волны этого непреодолимого океана, даже у самого берега которого сильнейший интеллект физического человека тонет в безнадежном отчаянии, не является препятствием для пробужденных

сил человеческого духа. Представление о смерти, как и все другие концепции человека, подвержено периодическому росту и упадку. Но одно несомненно: чем более материальна наша жизнь, чем больше упорство, с которым мы цепляемся за удовольствия плоти, тем ужаснее кажется смерть. Даже полный нигилист, когда его жизнь неосознанно для него самого озарилась высшим светом, сможет искренне написать на своем могильном камне: «Меня не было, и я возник, у меня был свой небольшой день, и я доволен снова стать ничем». Но разные символы смерти, принятые в разные времена, могут дать ценные наставления, если будут правильно поняты.

С того времени как тощий скелет Смерти зашагал по миру, сея ужас на своем пути и кося людей своей безжалостной косой, и до времени, когда смерть стала считаться добрым ангелом, набрасывающим свое покрывало покоя на печали и страдания человечества, шли постоянная эволюция и рост мысли. Смерть – такая же беда, как пьянство или безнравственность, она – порождение самого человека, искусственный способ саморазрушения и настолько же предмет его собственного волеизъявления, как еда, питье, ходьба или сон. Следует понять, что мы вовсе не имеем в виду, что человек при любых обстоятельствах может продолжать свою жизнь вечно. Но он мог бы отбрасывать свою внешнюю оболочку сознательно и разумно, и с такой же легкостью, как шелкопряд выходит из своей куколки или цыпленок – из яйца. Он должен освобождаться от своего изношенного тела, как сменяют старую одежду, причем не с бóльшим неудобством. Смерть у ранних рас имела одну черту, которую потом потеряла. Прежде чем возникла личная ответственность, смерть просто отмечала переход из предметной жизни (насколько вещественной она тогда была) к следующей, причем между ними был лишь краткий период отдыха. Человек, у которого не было личных желаний, повиновался общему закону и не переживал того периода, в который в наши дни созданные им во время земной жизни духовные силы, действию которых препятствуют условия материальной жизни, находят свое выражение. Иными словами, вначале для человека не было ни рая, ни ада. С тех пор условия полностью изменились. Рост личной воли наделяет каждого человека массой собственных

желаний, и с этого момента его прогресс на материальном плане зависит от его личных усилий. Возьмем случай человека, у которого тяга к материальной жизни велика. Легко представить, что когда маятник его существования, достигнув дальней точки кривой, отмечаемой смертью, качается назад, к субъектному состоянию, его материальные наклонности будут тянуть его к земле, таким образом мешая свободному переходу «я» с одного плана на другой. Этот конфликт создает «мир желания», иногда называемый на Востоке *кама-лока*, и энергия, созданная в этом состоянии, действуя из центра, который и есть личность человека, образует то, что называется элементарием. Элементарий не является независимым существом, поскольку ему недостает принципа роста, и он должен уйти, когда существо достаточно утвердится на более высоком плане, в состоянии субъективной жизни, называемой дэвачаном. Подробное обсуждение природы элементариев было бы здесь неуместно, но нужно заметить, что когда элементариев описывают как отброшенные принципы человека, то не следует думать, что разные принципы отделяются друг от друга процессом, подобным химическому распаду или механическому разрушению. Отбросить эти фрагменты, которые являются остаточными эффектами пребывания монады в том конкретном состоянии, которое она сейчас быстро покидает, заставляет перемена человеческим существом плана существования.

Милтон достаточно верно описал элементариев, следуя своему древнему учителю Платону:

«Когда похотью, нецеломудренными взглядами, развязными жестами, скверными разговорами, но более всего – обильными греховными деяниями допускают осквернение внутренних частей, душа охватывается заразой, становится все более плотской и скотской, пока совсем не теряет божественные свойства своего изначального бытия. Таковы густые и мрачные тени, часто видимые в склепах и на кладбищах, сидящие у новых могил, не желая оставить тело, которое они любили, и привязанные плотской чувственностью к состоянию вырождения и упадка».

Из вышесказанного достаточно ясно, что у ранних рас элементарии не образовывались; они появились, лишь когда человечество

значительно спустилось в материю. Тесная связь тайны смерти и природы элементариев очевидна. Уже намекалось и на альянс между элементариями и элементарными духами. Он вырос из естественной зависимости последних от человека, который страдает от несчастливых последствий этого до наших дней – многими способами и со все возрастающей силой. Элементарии, приводимые в действие элементарными существами, стали являться человеку в таком разнообразии обликов, какое позволяли его страхи и надежды. И по мере того как его невежество относительно вещей духовных становилось все грубее, они стали причиной дополнительных его ошибок, которые ускорили его духовное вырождение. Таким образом, видно, что пренебрежение своим долгом по отношению к элементам завело человека в целое море неприятностей, в котором потерпели крушение столь многие поколения его потомков. Голод, эпидемии, войны и прочие катастрофы происходят не без посредства природных духов, как бы ни казались эти вещи не связанными между собой скептическим умам. Одни лишь адепты в эти поздние века сохранили верность высшему долгу человека по отношению к этим неразвитым существам. Первый пробуждающий луч забытых знаний, проникающий к нам в начале более светлого цикла, который устанавливается сейчас, открывает нашему взгляду элементаров в аспекте их более непосредственной связи с человечеством. Но, погребенный под веками материальности, человек почти совсем не способен постичь передаваемое таким образом знание и в результате пребывает в растерянности относительно духовных вещей.

Адепты воспользовались этой возможностью, чтобы дать человеку наставления касательно его связей с элементариями и природными духами. Чтобы сделать это эффективно, эти великие души кратко пересказали историю человека на Земле, взяв его за отправную точку, и прочитали ему нестираемую запись его собственного пути, что им позволило их высшее знание. Это знание они поставили на службу человечеству, чтобы фатальное продвижение материальности было остановлено и можно было избежать некоторых ее зол, пока это возможно. С каждым днем история детства человека все больше и больше покрывается корой вымыслов и лжи, да и сам интерес к его

происхождению и будущей судьбе быстро умирает. Здесь и там человеку внушается, что истина о нем и о его роде неизвестна и не может быть поведана. Благословение, которое адепты сейчас предлагают человеку, – это ключ к некоторым из тайн его бытия, но нынешний метод мышления настолько противоположен интуиции, что мир в большинстве своем отвергает это благословение и отказывается свидетельству тех, кто его предлагает, во всякой достоверности.

Глава V. Эволюция пола

Даже не углубляясь очень сильно в историю этого цикла эволюции, можно сказать, что была эпоха, когда человеческие существа были двуполыми. Память об этом состоянии сохраняется в мифах многих религий. Можем лишь упомянуть Ардханаришвару, двуполого Господа брахманов. Западным народам это знание доступно через иудейское писание, если только у них будут глаза, чтобы увидеть. «Мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: Адам» (Бытие, V, 2).^[37]

До позднего периода второй расы^[38] единственные различимые зачатки пола были ограничены ментальным планом. Склонность в индивидуумах к общему и абстрактному развила мужчин, а склонность к частному и конкретному привела к развитию женщин. Если отбросить менее значимые различия между полами, это окажется основным; фактически эти меньшие различия развились под давлением упомянутых ментальных свойств, которые искали выражения на физическом плане. Как правило, у мужчин больше способностей к абстрактному, а у женщин – к конкретному мышлению. Знание этого факта хорошо помогает в определении пола следующего воплощения человека. Однако никакое воспитание абстрактного мышления не позволит подняться человеку над средним уровнем расы, если он не адепт. Когда достигается предел мужских свойств, необходимостью становится женское воплощение. Мужчине, чтобы быть совершенным, требуется развить в себе все достоинства, свойственные женщине, а женщине – достоинства мужчины.

В свете эзотерического учения можно открыть более глубокую истину в том, что иначе было бессмысленно. «И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену» (Бытие, II, 21–22).

Разделение полов произошло в силу необходимости осуществить все возможности Природы. Каждый из двух наборов упомянутых

ментальных свойств требовал развития в самой полной мере. Культивируя какой-либо один из них, люди задавали свой пол. Неиспользуемые органы стали исчезать, а другие – усиливаться путем упражнения. Это развитие пола часто упоминают как «падение в зарождение», имевшее место тогда же, когда человек стал питающимся животным. С разделением полов инстинкт продолжения рода стал столь же доминирующим, каков он и сейчас.

Половое чувство при своем зарождении было лишь неопределенным инстинктом, а когда оно стало отчетливым, то удовлетворялось естественно, без всяких мыслей предвкушения, как любая прочая физиологическая потребность. Величайшее проклятие, которое сопровождает отправление этой функции у нас, как знают все люди с неиспорченными чувствами, – это отсутствие естественного согласия пары. На ранних этапах, когда не было притворства и лицемерия, такое было невозможно.

По мере того как человек наслаивал на свою жизнь слой за слоем материальность, он терял свои духовные способности. Наиболее ценной из них была способность развивать элементарных существ до уровня людей. Каббалисты упоминают, что у Адама были дети еще до того, как он познал Еву. Это были элементалы, которые усилиями человека развивались до человечества, как и его, в свою очередь, развивали планетные духи. Когда человек потерял способность *творения*, закон природы заставил его скатиться к *воспроизводству*. И пока человек не отдалился очень далеко от первоначальных условий, он владел Землей и всеми ее принадлежностями, жил в мире и получал от всего удовольствие. Женщины не кричали от боли при рождении детей; это был такой же простой процесс, как пробуждение, засыпание или перемещение из одного места в другое.

С продвижением материального прогресса человека его внутреннее существо скрывалось под грубостью его внешней природы, и каждый, обернутый в себя, отделился от своих братьев. Потеря прозрачности мыслей самым губительным образом повлияла на половые отношения. Тогда как прежде общение между мужчиной и женщиной было свободным и гармоничным, теперь из-за растущего духовного помрачения оно стало испорчено дисгармонией и разладом. Барьер

между внутренней и внешней природой, возведенный растущей материальностью, положил начало первым ошибкам в общении человеческих существ, что в конце концов привело к появлению чувства недоверия и сомнения друг в друге и фактически к первым представлениям о лжи. Неспособность видеть работу чужого ума привела к частым противоречиям между заявлениями, которые делал человек о себе, и тем, что ожидал от него другой; отсюда возникала путаница, которая со временем переросла в ложь и подозрительность. Первоначально женщины были равны мужчинам в физической силе так же, как и в прочих качествах, но в отдельных случаях мужчины, которые оказывались сильнее женщин и получали отказ, не колебались подчинить их силой из-за своей неспособности понять иные чувства с их стороны. Это был первый сексуальный грех. За ним последовал другой и еще более прискорбный. Когда нескольких мужчин одинаково влекло к одной женщине, удачливый соперник получал возможность удовлетворить сразу две страсти – вождение и тщеславие. Изза этого сексуальная страсть глубоко пустила корни в человеческую природу и материализовала ее до низшей точки, и половое чувство из инстинкта превратилось в сложную страсть, глубоко угнездившуюся в уме и закрывающую его от внутреннего духовного света.

С тех пор мужчина требовал от женщины удовлетворения обоих этих желаний, и она, будучи понижена в положении по сравнению с ее естественным состоянием, должна была приспособливаться к изменившемуся положению. Мужчина, чье тщеславие обладания женщиной удовлетворялось лишь на время, чтобы поддерживать его пламя, требовал постоянного унижения с ее стороны. Одной из форм, которую приняло это чувство, было с виду бескорыстное желание мужчины уберечь женщину от телесных нагрузок, но по размышлении истинный источник этой черты мужского характера обнаружится в сексуальной тирании. Но реакция женщины на это чувство произвела, если это возможно, результаты еще более катастрофические. На алтарь тщеславия мужчины ей приходилось жертвовать истину и притворяться, что ей не любы его объятия, когда эта страсть не подкреплена его победами над соперниками. С продолжением этой

тирании, которая лишала ее сильных физических нагрузок, она становилась слабее, и деторождение, которое, как мы сказали, поначалу было совершенно безболезненным, стало сопровождаться страданиями и даже смертью. Не следует полагать, что в те времена упомянутые здесь пороки достаточно вызрели или достигли масштабов, сравнимых с современными. Первобытные люди жили более простой жизнью и знали лишь зачатки зол, которые развились теперь до столь устрашающих размеров и стали пятном на нашей цивилизации. Среди нынешних обитателей Земли те, которые в основном сохранили простоту первобытных времен, наиболее свободны от этих отравляющих последствий злоупотреблений, которые поражают так называемую цивилизованную жизнь.

«Падение в зарождение» еще больше отделило людей от природных духов, подъем которых до человечества был долгом людей, и усилило их враждебность по отношению к людям. На женщине эта враждебность сказалась более пагубно, чем на мужчине, из-за ее большей слабости, особенно во время ее испытаний и страданий.

Внимательно изучавшие обряды, церемонии и религиозные суеверия разных народов отметят повсеместность верования, что женщина с ребенком больше нуждается в защите от зловредных влияний, чем всякая другая. Женщина потеряла прежнее положение, и на протяжении всей последующей истории мира условия ее существования никогда не улучшались, и утерянных ею вначале позиций никогда не удавалось восстановить – и не удастся, пока духовная природа человека снова не утвердит себя и не преодолееет его материальные наклонности. И не может быть для женщины полного избавления, пока не наступит этот час, и школа философии, не требующая иных жертв, кроме жертвования своего «я» душе, совершит реформу во внутреннем человеке, соединившись в нем с самыми практическими занятиями и призваниями. Но до тех пор единственная дверь, через которую женщина может выйти на свободу, будет оставаться закрытой. Ее освобождение зависит от законов и постановлений не в большей степени, чем зависело от них ее первоначальное порабощение.

Все церковные системы – уродливые отпрыски эгоизма мужчины и его религиозного инстинкта – отказывали женщине в духовном равенстве с мужчиной, и эта несправедливость достигла своей кульминации в возведении на трон личностного Бога, у которого был сын, чтобы разделить с ним его славу, но не было ни жены, ни матери, ни дочери. Материальность мужчины нигде не была так сильно выражена, как в представлении о Всевышнем Отце. Своего идеального Бога он лишил всех женских свойств, и лишь в его чудесно рожденном Сыне можно обнаружить некоторые из более тонких женственных элементов. Хотя мусульманская религия – единственная, которая ясно отказала женщине в бессмертии, тем не менее все современные религии в своих идеальных небесах, которые должны стать наградой за святую жизнь, редко находят для нее хотя бы уголок, и она должна лишиться своей женской природы, прежде чем сможет войти в царствие небесное.

Принятая в христианском мире теория отношения между полами основывается на учениях св. Павла, и учения эти были приняты в их буквальном, а не оккультном смысле, что было величайшей несправедливостью к этому учителю и его учениям и привело к самым печальным последствиям для мира. Человеку всегда легче верить в то, что соответствует его предвзятым идеям, чем бесстрастно принять то, что противоположно его ожиданиям, и рабство, налагаемое на женщину обычаем, послужило тут прецедентом.

Верно, что еврейский пророк учил свой народ, что нехорошо мужчине быть одному, но мистицизм Каббалы был настолько материализован, чтобы угодить столь многим потребностям и поводам, что нелегко уже верить писаному слову, дошедшему до наших дней; и истинный смысл этого поучения совершенно непонятен миру в целом. Материализм запечатал и скрыл учения Каббалы, и то, что осталось в распоряжении религиозных учителей для практического использования, лишь такие простые истины, которые в силу их простоты не могут быть искажены, чтобы соответствовать различным интерпретациям.

Тема женщины в связи с арийской жизнью даже в наши дни имеет такую практическую важность, что требует достаточно пространного

рассмотрения здесь. Положение женщины на Востоке было нескончаемой темой для сожалений, но, не впадая в абсурдность утверждения, что оно совершенно, все же можно отважиться на замечание, что с точки зрения закона индусские и мусульманские женщины имеют равный статус с их христианскими сестрами, если не более высокий. Достаточно любопытно, что мусульманский закон наиболее либерален в этом отношении, несмотря на тот факт, что Коран отбирает у женщины право иметь душу. Возможно, это мрачная ирония, демонстрирующая неэффективность законных постановлений, коль скоро они не поддерживаются преобладающим нравственным стандартом. Каково бы ни было положение индийской женщины сейчас, можно быть уверенным, что было время, о котором кое-какие записи сохранены в Сама-Веде, когда в духовном и иных отношениях арьями разницы между полами не проводилось. Чтить надо достойных, – говорит санскритский поэт, – а не за возраст и не за пол. «Салическая правда»^[39] – и в политическом, и в духовном применении – отметила рост малого цикла нисхождения, в котором человечество откатилось к варварству.

В тот период арийской истории, о котором мы говорим, женщина была наделена брахманским шнуром как знаком равенства со своим братом, она имела право изучать Веды и учить им, которого она затем была лишена, будучи унижена до уровня низкороджденного шудры. В те времена, и даже в значительно более поздний период, женщина была вольна выходить замуж или избрать безбрачную жизнь, и даже брак часто значил не более чем духовное товарищество, вид союза, совершенно неизвестный в Средние века в Европе. Несомненно, в брахманских писаниях можно найти упоминания о женах древних риши. Но было бы ошибкой принимать эти утверждения буквально и заключать из этого, что супружеская жизнь совместима с духовным развитием. Фактически во многих случаях упомянутые «жены» были просто учениками, и не обязательно женского пола. Можно бросить некоторый свет на этот вопрос, если разобраться, что имел в виду Соломон, говоря о «брачном союзе» между ним и Богом. Аллегию, согласно которой Кришна взял в жены 1600 девушек, уведенных у царя Нарака (ада), тоже можно понять, если прочесть ее правильно. В

большинстве случаев эти «жены» в действительности были ученицами, количество которых не было ограничено, и из-за этого против древних адептов Индии иногда выдвигаются несправедливые обвинения в многоженстве. Примечательный пример подобного духовного союза встречается в Брихадараньяка Упанишаде, где мудрец Яджнявалкья наставляет двух жен, Гарги и Майтрейи, относительно природы нирваны и прочих священных мистерий. Следует, кстати, заметить, что, хотя сказано о двух женах Яджнявалкьи, нигде нельзя найти упоминания о его детях. Но эзотерическим учителям известно, что не только сам Яджнявалкья был адептом, но таковыми были и две его жены-ученицы. Большая распространенность безбрачия в период духовного роста Индии засвидетельствована знаменитым законодателем Ману, который оставил для брахманов предписание жениться и завести ребенка (а в более поздние времена – двух), прежде чем начать вести религиозную жизнь. Разрыв после рождения ребенка брачных уз (но не обязательно – духовного союза) не считался нарушением супружеского долга. У высших каст жизнь человека делилась на три части: первые двадцать пять лет посвящались учебе, следующие – мирским трудам, а остаток жизни – устремлению к духовным знаниям в отшельничестве.

В более поздние века, когда материальный прогресс сделал эти постановления излишними, а брачные узы более долговременными, супружеские права и обязанности основывались на строго научных принципах. Социальные и религиозные установления были построены так, чтобы защитить супружескую жизнь от чувственных излишеств и обеспечить женщине некоторую независимость от сексуальной тирании. И пока в людских умах сохранялся высокий стандарт духовности, жена имела право положить конец брачным отношениям, приняв религиозный образ жизни. Супружеские ритуалы всегда зависели от определенных астрономических, астрологических и физиологических соображений. Большой вред половой нравственности, произошедший от беспорядочных связей мужчин с женщинами, проходящими определенные физиологические изменения, нельзя переоценить. Нарушение мудрого правила,

которое на этот период отделяло женщин от всех мужчин, не только огрубило нравственное чувство и тех и других, но и явилось постоянной пыткой для их тонких природ; и люди, хоть как-то наделенные сверхчувственным восприятием, находят влияния, окружающие женщин в этот период, особенно болезненными. Даже в наши дни домашняя жизнь индусов устроена так, что женщины в таком состоянии защищены от посылаемых мужчинами влияний, к которым они особенно восприимчивы. Но человечество в целом, будучи в неведении относительно этих тонких сил, от которых зависит его благосостояние, навлекает на себя последствия столь же далекоидущие, как и вредные.

Эффект, оказываемый трезвостью и вегетарианством на чувственные наклонности, хорошо известен, и если мы обратимся к индийским календарям, то обнаружим в них указания, как нужно регулировать пищу в те дни, когда мужчине разрешены половые контакты. Подробное описание внутренней супружеской жизни арьев здесь было бы неуместно, но достаточно сказать, что на брак смотрели как на священнодействие, ибо идеал был таков, что никто не должен жениться, имея главной целью удовлетворение своих сексуальных желаний. И брак не должен был заключаться, пока совесть мужчины не была спокойна насчет того, что не половой инстинкт влечет его к жене. Мы не хотим сказать, что эти мудрые постановления в полной мере соблюдаются и в наши дни, но сам идеал еще сохраняется. Сложные мотивы, управляющие сейчас обществом, не были элементами, входившими в социальную экономию в те времена, и соображения, принизившие брак от душевного союза до уровня гражданского контракта, были тогда неизвестны; поэтому брак был более чистым установлением, предлагающим меньше искушений для эгоистических действий и потакания плоти. Апофеоз животной природы человека был достигнут, когда общество сняло с себя маску и сочло отказ любой из сторон подчиняться сексуальному оскорблению поводом для расторжения брака. Это кульминация материализма. Люди, похоже, забывают, что в браке может быть столько же безнравственности, сколько и вне его, если не больше. Если где-нибудь в цивилизованном мире будет создана комиссия для

исследования брачных отношений, то количество физических и моральных зол, производимых этой легализованной безнравственностью, окажется таким, что потрясет общественное мнение. Дайте любому опытному врачу исследовать предмет, и открытия будут унижительными для уважающих себя мужчин и женщин. Эфемерный процесс ухаживания, предшествующий браку, даже в лучших своих проявлениях, сейчас не более чем традиция и условность и служит цели, которая для своего правильного достижения требует глубоких научных знаний. В ранний период Индии (и в значительной мере даже в наши дни) брак определялся соображениями, которые считались высоконаучными у тех, кто обладал хоть каким-то знанием тайных наук, и в особенности – астрологии. Соответственно физическим и ментальным особенностям, на которые указывало положение небесных тел в момент рождения, люди подразделялись на четыре класса, именуемых кастами, – брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры – соответственно духовным, боевым, коммерческим или холопским склонностям, которые в них преобладали. С другой точки зрения, проводилась троичная классификация – на дэв, людей и ракшасов. Мужчина, принадлежащий к высшей касте, мог брать жену и из низших каст, но не наоборот. Опять же, согласно другой классификации, мужчина-дэва мог жениться на женщине, принадлежащей к классу людей, но мужчина этого класса не мог жениться на женщине класса дэв; также был недопустим брак между ракшасами и представителями двух других классов. Были и многие другие правила, основанные на астрологических и прочих соображениях, имеющих слишком технический характер, чтобы здесь в них вдаваться. Вносила свой вклад в определение подходящих пар и хиромантия, т. е. наука о различных телесных признаках.

Замысел этой книги не позволяет дать здесь подробный отчет о каждом шаге отступления духовности. У раннего человека животные страсти еще не были настолько развиты, чтобы произвести большое зло. Во-первых, он был здоровым существом, и все функции работали у него гармонично, без трения или рывков, и потому все склонности, создаваемые болезненным состоянием нервов, были ему неизвестны.

Влияние свежего воздуха, правильного питания и отсутствия беспокойства на нравственность можно легко признать. Счастливое, свободное существование раннего человека, позволявшее ему получать удовольствие от всего окружающего, не оставляло места для того утомления, которое лежит в основе всех искусственных желаний и злоупотреблений. Но когда условия жизни стали меняться и человек, который уже больше не был простым дитя природы, начал создавать новые обстоятельства путем применения своей свободной воли, это привело к крайностям. Постепенно люди стали вынуждены искать себе искусственные жилища и, собираясь там в больших количествах, создавать себе нездоровые месмерические и атмосферные условия. Это привело к вредным результатам, непосредственным последствием чего стала перенаселенность – величайшее проклятие, павшее на человечество. Усилия государственных деятелей и экономистов по устранению этого зла будут тщетны, пока природа человека не будет очищена и женщина не займет более высокое место.

Подчинение женщины и подавление ее личной свободы, в том числе и свободы совести, – это главные причины, подрывающие основы жизни и делающие мир тюрьмой для человечества. Это дает болезням, нужде и смерти такую власть над человечеством, что все силы и время человека уходят на борьбу с ними и у него не остается свободного времени, чтобы заняться высшими проблемами бытия. Истина должна быть показана всем глазам, желающим видеть, и человеку в своем спасении нужно будет положиться на свою пробудившуюся совесть. Именно с этой целью здесь и делается попытка бросить некоторый свет на ту сферу, которую должна в действительности занимать женщина. Тема этим далеко не исчерпывается, но мы надеемся, что было сказано уже достаточно, чтобы побудить читателя к ее вдумчивому рассмотрению. Рост практики безбрачия – единственное средство для действительного продвижения расы, но оно должно быть не результатом ограничений, а следствием духовного роста, дающего глубокую убежденность и общий подъем характера.

Самое распространенное возражение, выдвигаемое против безбрачия, состоит в том, что если оно будет практиковаться всеми, то приведет человечество к концу. Однако оно может казаться важным только тем, кто преувеличивает ценность этой вещественной жизни. Конец света, под которым имеется в виду просто конец нынешнего преходящего состояния нашего сознания, вовсе не является ужасным бедствием. К тому же это возражение ничего не стоит, поскольку такого никогда не произойдет – всегда найдется достаточное количество тех, кто возьмется за дело продолжения рода. Однако есть одно возражение, на которое требуется ответить. Некоторые настаивают на том, что поскольку лишь самые благородные и бескорыстные люди, движимые высшими побуждениями, примут безбрачие, то размножаться станут как раз наименее достойные. Нужно указать, что в этих рассуждениях полностью игнорируется движущая сила мысли, т. е. влияние принявших безбрачие на тех, кто желает размножаться. Таким образом, средний уровень человечества будет далек от вырождения и, скорее всего, будет улучшаться.

На человека, который осознает истину и посвящает себя более великим вопросам жизни, смотрят как на бесполезного члена человеческой семьи, и утилитарно настроенными материалистами он презрительно игнорируется. Но духовно мыслящему уму истинная ценность такого человека очевидна – он герой среди людей и благодетель человечества. Первый шаг, который ему нужно сделать, чтобы приступить к работе, – это освободиться от всякого физического рабства и установить в качестве первейшего закона своей жизни свободу от мирских уз. Для него высказывание о том, что нельзя служить и Богу, и Мамоне – первый и важнейший факт. Второй шаг – это отказ поочередно от всех заблуждений, омрачающих жизнь. Признавая за всем миром величайшую свободу действия, для себя он ищет неотъемлемого права всякого свободного духа – права не иметь иных богов, кроме того, которому он служит, – его собственной совести. Пока человеку препятствует потакание какой-нибудь слабости и, что главнее всего, пока он виновен в том, что подчиняет другого человека своему сексуальному эгоизму, для него будет совершенно невозможно продвигать свою работу и распространять истинную

мудрость. Главный источник ошибок во всех исследованиях духовной природы, имевших место в прошлом, – не столько манера исследования, сколько характер самих исследователей.

Сама духовная мудрость мира была даром хранящих безбрачие.

Связь между безбрачием и духовной жизнью не так уж трудно увидеть. Брачные отношения, которые подчеркивают разницу между мужчиной и женщиной, совершенно несовместимы с высшей жизнью. Адепство – это особое достояние безбрачных. Индийская пословица говорит: «Тот, кто желает потомства, желает смерти; бессмертный не должен быть в браке». Знакомые с тем, что называется развитием астрального тела, знают, как сексуальные чувства поглощают ту энергию, которая одна лишь может освободить астрального человека от физической оболочки. Непорочное зачатие, принятое во многих религиях в качестве догмы, несомненно, будет преобладающим способом размножения, когда появятся высшие расы, в которых все люди будут «озаренными». Знание духовного воспроизведения – одна из высших тайн адепства, но пока этот день не наступил, долгом всех духовно мыслящих мужчин и женщин является ускорение продвижения расы индивидуальной чистотой, которая есть первый шаг на пути, ведущем к адепству. Фактически адепты представляют нам сегодня не только те духовные высоты, с которых спустилось человечество, но и другие, более высокие, которых оно достигнет. Эти возвышенные существа, соблюдающие безбрачие, являются не продуктом какой-либо конкретной страны или эпохи, а результатом постоянных усилий по поддержанию идеала человечества и его возможностей, и линия, по которой адепты передают это знание, – не наследственная, а линия духовной преемственности, по которой учитель вливает истины во внутренний ум неопита.

Необходимо ли еще что-то говорить в поддержку принятой нами позиции? Читателю, который попросит доказательств, потребуется лишь обратиться к примерам всех веков. Духовные учителя, как языческие, так и христианские, были свободны от тех отношений, которые в силу их несправедливости к женщинам были разрушительными для высшего развития человека. Кто из пророков христианства сначала не освободил себя от семейных уз? И кто был

столь великим защитником безбрачия, как не св. Павел? Хорошо зная слабость и чувственную натуру человека, он был мягок и снисходителен и проповедовал такими словами: «Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без отвлечения» (I Кор. VII, 35).

Глава VI. Четвертая раса – атланты

До сих пор мы прослеживали общую эволюцию человечества и не говорили о разных его племенах и ветвях, но, как было сказано, в течение каждого круга на планете свой подъем и свое падение переживают семь разных рас. В этом круге Земля уже видела расцвет четырех рас, а сейчас правит пятая. Не следует полагать, что одна раса должна совершенно вымереть, прежде чем вступит на арену жизни другая, но сказано, что у каждой расы есть свой собственный период, когда она приобретает превосходство. Сейчас эпоха человека, но это не значит, что в наших водах не плавают рыбы, по нашим тропам не ползают пресмыкающиеся и в наших лесах не живут звери. И хотя пятая раса сейчас преобладающая, нельзя забывать, что и четвертая, и даже третья расы еще имеют своих живых представителей. Среди нынешних обитателей Земли черные, или негроидные, ветви – самые ранние, а потому играют наименее важную роль, затем идут красно-желтые расы, а сливками современного населения Земли является коричнево-белая раса. Если выразиться популярно, она относится к арийской семье, говоря на языках, родство которых сейчас установленный факт.

Чтобы понять прогресс человечества при прохождении его через разные расы, необходимо помнить, что каждая из этих рас занимает большие периоды времени. Так что начало нынешней расы имело место более миллиона лет назад, а предшествовали ей четвертая и третья расы, и у каждой из них был свой период превосходства. Это противоречит библейской хронологии и даже геологическим вычислениям, но подтверждается как опытом ныне живущих адептов, так и священной хронологией древних. Если храмовые записи Древнего Египта, Халдеи или Индии будут вновь открыты для

современного мира, то станет видно, что современная история и наука лишь подбирали случайные факты и складывали их вместе без всякого знания их настоящей датировки. Геология едва ли допускает какое-либо существование человека до ледникового периода, но эзотерические учителя знают, что до этой эпохи процветали цивилизации, более великие, чем греческая и римская. Устранение всех ошибочных представлений, существующих по этому предмету, будет гигантской задачей. Но мы не будем тратить время и энергию на борьбу с полчищами заблуждений, заполонивших мир, а изложим лишь некоторые события, связанные с древней историей человечества, насколько это нам позволено, и покажем их соответствие уже установленным фактам.

Всем оккультистам известно, что первая цивилизация в этом круге началась с третьей расой, выжившие остатки которой можно найти теперь среди плоскоголовых австралийцев. Эти выродившиеся потомки, как бы странно это ни могло казаться, происходят от людей, цивилизация которых на эоны предшествовала финикийской или вавилонской. С первого взгляда может показаться очень трудным объяснить, как это такая высокая цивилизация не оставила следов, которые мы могли бы обнаружить. Но изучающим оккультные науки известно, что конец периода господства каждой расы отмечается большим катаклизмом, который поочередно бывает огненного или водного характера. Если бы сегодняшнюю Европу посетила такая природная катастрофа, ее цивилизация исчезла бы. Там нет пирамид, которые могли бы напомнить предкам о ее ушедшей славе, а те из людей, которым удалось бы избежать смерти, будучи лишены всех условий цивилизованной жизни, быстро скатились бы к варварству. И хотя цивилизация началась с третьей расы, не следует воображать, что люди второй расы были дикарями – можно видеть, что условия их существования были таковы, что ни цивилизация, ни варварство в том виде, в каком мы их знаем, были равно невозможны.

Самая ранняя цивилизация, несомненные следы которой до нас дошли, принадлежала к четвертой расе, так называемым атлантам. К этому периоду принадлежит цивилизация, упомянутая в таких книгах, как Пополь-Вух, Уттар Рамайна, и других. В знаменитом санскритском

эпосе, написанном Вальмики, можно найти обильные сведения о цивилизации расы атлантов, которые жили недалеко от Индии. Материальное процветание этого народа намного опережало цивилизацию арьев тех времен. Их знание тайных ресурсов природы было удивительным – они знали, как поднимать в воздух летательные аппараты с помощью тонкого средства, которое Булвер Литтон упоминает под названием *врил*. Их дома, как и дома древних перуанцев, были покрыты золотом, а оружие разрушения, которое они постоянно применяли, превосходило известное нам настолько, что это трудно представить. Искусство, литература и наука появились именно в период этой расы, но, прежде чем войти в контакт с атлантами, арьям нужно было развить свою собственную цивилизацию. Из литературы атлантов сохранилось очень мало, а их искусство и наука почти не оставили следов, кроме как в Китае. При помощи своих знаний, превосходящих наши, четвертая раса развила материальную цивилизацию, подобной которой еще не было видано на этой Земле. Их обширная литература почти полностью исчезла, но один из основных астрономических трудов на санскрите, «Сурья сиддханта плакшадвиपा», является творением атлантского астронома. В этой книге упоминаются семь островов Атлантиды – Плашед и другие, и их географическое положение дается с научной точностью. Другой знаменитый астроном, упоминаемый под именем Асура Майа, был уроженцем Атлантиды, хотя профессор Вебер, неправильно поняв первую часть его имени, пытался превратить его в греческого Птолемея. Слово «асура» было общим обозначением для всех атлантов, которые были врагами духовных героев арьев, «богов». Этот беглый отчет об атлантах относится к периоду, когда они вступили в контакт с арьями^[40] и период их превосходства стал клониться к закату. Свидетельства их величия (а нужно помнить, что Атлантида достигла пика цивилизации и прогресса задолго до того, как арьи вышли из пеленок) сохраняются в книгах, недоступных для мира и тщательно сохраняемых в тайных библиотеках храмов и буддийских монастырей, в склепах и пещерах посвященных мистиков.

Будет удивительно обнаружить, что в писаниях брахманов они называются ракшасами, что значит «сыроеды», а их обонянию

приписывается удивительная острота, но дело тут в порядке развития чувств в разных расах и подрасах. Мы, принадлежа к пятой расе, развили чувство вкуса более, чем любая из предшествующих, тогда как чувство запаха достигло своего высшего совершенства в четвертой расе.

Оккультные летописи свидетельствуют, что значительная часть Индии в то время, когда там поселились арьи, была оккупирована атлантами; также ими была занята и часть Европы, особенно Греция и Италия, не говоря уж об их колониях в Египте и на побережье Средиземного моря. Об атлантических предшественниках греков и римлян один из наших учителей говорит:

«Атлантических „древних греков“ нельзя определить даже как *автохтонное* население, что есть лишь удобный термин, позволяющий не указывать происхождения любого народа, предков которого нельзя проследить, но который в случае эллинов значит нечто большее, чем „от земли рожденные“ или самые первые аборигены. Все же в так называемом *мифе* о Девкалионе и Пирре непременно не больше чудесного и невероятного, чем в мифе об Адаме и Еве, который еще сто лет назад никто даже в мыслях не отважился бы ставить под сомнение. И в своем эзотерическом значении греческое предание, возможно, даже вернее исторически, чем многие так называемые *исторические* события периода олимпиад, хотя ни Гесиоду, ни Гомеру, может быть, и не удалось отразить его в своих эпосах. <...>

Возможно, знай историки несколько больше об автохтонах Италии – япигах, они могли бы дать „древним римлянам“ это название. Но опять же возникла бы другая историческая трудность – истории *известно*, что латинские завоеватели гнали перед собой этот таинственный и несчастный народ и в конце концов вытеснили его вместе с осколками калабрийцев, что показывает отсутствие всякого родства между этими двумя. Более того, западные археологи действуют только по-своему и не принимают никаких теорий, кроме своих собственных, и им не удалось разгадать ничего из надписей на неизвестном языке и таинственных знаков на памятниках япигов, так что они на многие годы объявили, что они нечитаемы. <...>

Записи оккультистов же не проводят разницы между атлантскими предками греков и римлян. Согласно этим записям, которые отчасти подтверждаются общепризнанной историей, а отчасти ей противоречат, древние латины, в классической легенде названные италийцами, перешли Апеннины (как и их индоарийские братья еще *до них* перешли Гиндукуш) и вошли на полуостров с севера. Там во времена, еще задолго предшествовавшие дням Ромула, зародился латинский язык. Профанская история говорит, что латины „мифического периода“ столь эллинизировались среди богатых колоний Великой Греции, что от их первоначальной национальности ничего не осталось и что лишь те доримские италийцы, которые, поселившись в Латинуме, с самого начала были свободны от греческого влияния, являлись предками римлян. Но противоречая экзотерической истории, оккультные летописи утверждают, что если из-за обстоятельств, слишком сложных и требующих более долгого изложения, чем это возможно здесь, обитатели Латинума и сохраняли свою изначальную национальность несколько дольше, чем те их братья, которые первыми вступили на полуостров после оставления ими Востока (который *не был* их родным домом), то они потеряли ее очень быстро по другим причинам. Будучи в первый период свободны от самуитов, они не были свободны от вторжений. Тогда как западный историк собирает вместе искаженные и неполные записи разных наций и народов и складывает их в хитрую мозаику согласно лучшему и самому выгодному плану, полностью отвергая традиционные предания, оккультист не уделяет даже малейшего внимания пустым самовосхвалениям якобы завоевателей и их надписям на камнях. <...> Он следует этническому родству и несходству разных наций, рас и подрас более легким способом и руководствуется этим так же верно, как студент географической картой. И точно так же, как можно легко проследить по разноцветно окрашенным контурам границы разных стран и их колоний, а также подробности их физической географии и то, как их разделяют моря, реки и горы, так и оккультист может, следуя хорошо различимым для него и ясным *аурическим оттенкам и цветовым градициям во внутреннем человеке*, безошибочно определить, к какой из семи человеческих семей и к какой их группе

или даже подгруппе принадлежит тот или иной народ, племя или человек. Это покажется туманным и непонятным многим из тех, кто ничего не знает об этническом разнообразии нервной ауры и не верит в теорию о „внутреннем человеке“, являющуюся научной лишь для немногих. Весь вопрос в реальности или нереальности этого внутреннего человека, которого открыло ясновидение и чьи одические или нервные эманации подтвердил фон Райхенбах.^[41] Если допустить такое присутствие и интуитивно осознать, что, будучи ближе к невидимой Реальности, *внутренний тип* должен быть более сильно выраженным, чем внешний физический тип, тогда понять, что мы имеем в виду, не составит большой трудности, если составит вообще. Ведь если даже физические склонности и черты любого человека часто позволяют простому наблюдателю, и уж тем более опытному этнологу, узнать его национальность, не говоря уж о его принадлежности к большим антропологическим семьям, то нетрудно будет понять, что подобная, только более выраженная разница в характере и типе будет существовать и между *внутренними* расами, населяющими эти *плотские обиталища*. А помимо этих легко заметных психологических и *астральных* различий существуют документальные записи, составляющие непрерывную последовательность хронологических таблиц, и история постепенного разветвления рас и подрас от трех *геологических*, первобытных рас и до нашего времени, составленная посвященными всех архаических и древних храмов, собрана в нашей „Книге чисел“ и других томах». ^[42]

Подразделения человечества, упомянутые выше как «коренные семейства», являются, если выразиться точнее, геологическими расами. Учителя эзотерической доктрины знают, что Земля в наше время населена «тремя совершенно различными изначальными расами, эволюция, формирование и развитие которых шли по мере эволюции, формирования и развития трех геологических слоев и параллельно с ними – это черная, красно-желтая и коричнево-белая расы».

Даже доступные миру священные писания индусов открывают нам множество проблесков знаний о восточных атлантах. В первый период арийского расселения в Индии пришельцы постоянно входили в

военные стычки с атлантами, которые тогда владели этой страной. В значительно более позднюю эпоху, достаточно полный рассказ о которой можно найти в Рамаяне, атланты были уже достаточно редко рассеяны по стране. Их нападения на поселения арьев были редкими и немногочисленными, и лишь в менее населенных областях арийским героям приходилось бороться с атлантскими племенами, почти всегда с непременным успехом. Но на многие острова Индийского океана простиралась могущественная атлантская империя, и ее царь Равана, несмотря на окружающие его многочисленные символические легенды, был исторической личностью, и многие арийские вожди с континента были вынуждены платить ему дань. Удивительные оккультные силы, которыми он владел, аллегорически описаны в этом знаменитом индийском эпосе. Ниспровержение его империи Рамой, арийским героем, ознаменовало конец господства атлантов в этой части света, хотя там и сям богатые и могущественные колонии атлантов еще очень долгое время боролись за существование. Во время битвы на Курукшетре, которая, согласно вычислениям брахманов, произошла более 5000 лет назад, арийские князья сражались вместе со своими атлантскими союзниками. Незадолго до этого Юдхиштхире, предводителю одной из воюющих сторон, атлант по имени Майа, унаследовавший некоторые из трансцендентальных знаний своей расы, построил дворец, превосходивший по своему великолепию дворцы любого из арийских царей.

Мы сказали, что атланты владели полным знанием некоторых тонких сил природы, теперь не являющихся общеизвестными. Именно с помощью этих знаний они довели свое развитие до точки, которую рядовому человеку наших дней трудно вообразить, а злоупотребление этим знанием и привело их к падению и потере положения доминирующей расы. Адепты наших дней владеют всем знанием атлантов и гораздо бóльшим, но их высокоразвитая нравственная природа всегда предохраняет их от злоупотребления властью. Те, кто знаком с методом обучения, которому они следуют, знают, как щепетильны они в том, чтобы не доверять оккультные знания людям, в чьей нравственности, честности и чистоте мотивов

они не могут быть полностью уверены. Широкая публика, профаны, считают науку об оккультных силах природы каким-о колдовством, которое, даже если и существует, не имеет большого практического значения. Они ни на мгновение не сознают, к каким благотворным или зловредным целям, соответственно нравственности практикующих, применяется эта наука. Так называемая магия, как указывает Булвер Литтон в своей «Странной истории», бывает двух видов:

«Темная и злая имеет отношение к колдовству и некромантии; чистая же и благотворная есть лишь философия, примененная к некоторым тайнам природы, лежащим далеко от наезженных путей науки, но она углубила мудрость древних мудрецов и даже теперь может разгадать мифы ушедших рас».

Хотя некоторые из оккультных сил природы могут быть известны и доступны людям низменного и эгоистичного характера, высшие тайны всегда будут сохранены для чистых и бескорыстных. Нам нет необходимости сейчас обсуждать, к чему в конечном счете приходят последователи черной магии в результате своих зловредных практик. Муки богословского ада – ничто в сравнении с тем наказанием, которое незыблемый закон навлекает на сынов зла. Великие катаклизмы, завершающие циклы вырождения рас, происходят, когда усиление этих духовно опустившихся черных магов делает столкновение между ними и адептами Благочестивого Закона неизбежным, и борьба продолжается, пока периодически наступающий катаклизм не сметает обреченную расу, готовя почву для роста и процветания следующей. Память о таких конфликтах под разными именами и символами сохраняется во всех религиях. Это битва Михаила и его ангелов с драконом, Сынов Света с Сынами Тьмы, дэв с асурами. За последним из этих великих столкновений последовало погружение оставшейся части континента Атлантиды. «Это великое событие, – говорит наш учитель, – победа наших сынов огненного тумана (т. е. адептов), обитателей Шамбалы, которая тогда была еще островом в Центральноазиатском море, над эгоистичными, если не всецело злыми *магами* Посейдониса (последнего атлантического континента), произошло 11 446 лет назад» (считая от 1881 г.).

Здесь нужно упомянуть, что адепты, свергнувшие власть этих черных магов, не все принадлежали к пятой расе – среди победителей в этом конфликте было много людей четвертой расы, искусной духовной культурой поднявшихся до уровня адептов пятой. Через века после этого события, которое лишило черных магов преобладающего положения, но не существования, мы могли наблюдать, как черные маги Атлантиды временами вмешивались, мешая прогрессу и развитию учеников истинной оккультной науки. Школа черной магии вовсе не исчезла даже сегодня, и фактически, в численном отношении, черные маги сильнее последователей Света, и с самого начала своего пути мистик чувствует вредное влияние этих злых сил. В великом санскритском эпосе Махабхарата мы читаем о страшной битве между Анушалвой, царем черных магов северо-восточной Бенгалии, страны и поныне знаменитой своим колдовством, и Кришной и его родом до полного поражения первого. Во время упадка буддизма в Индии штаб-квартира черных магов находилась в Малве, в Раджпутане. Сейчас же на Востоке есть две основные школы черной магии – главные позиции одной из них находятся в Кашмире и неподалеку, а другой – в Бутане и восточнее него.

Черные маги действуют под разными именами, а их практики и ритуалы весьма отвратительны и возмутительны. С их помощью они вызывают некоторые из самых низменных сил природы – опасных элементариев и еще более злобных и опасных элементариев. Силы, таким образом приобретаемые, используются ими для наказания своих врагов или для достижения иных злых целей. Величайшая разница между адептами и черными магами состоит в том, что сила последних может быть запущена в действие лишь концентрированным эгоизмом. Они акцентируют свою личность (пятый принцип), принося ей в жертву свою духовность, которая есть шестой принцип, божественная искра в человеке, и вследствие этого, когда жизнь личности угаснет, как должно со временем произойти, по мере того, как вся природа будет становиться более духовной, их постигнет судьба Маргрэйва из «Странной истории» – они потеряют все и, откатившись назад, будут вынуждены начать с самой низшей ступени лестницы жизни. Вот «вечное проклятие» злых, то

уничтожение, о котором говорится в трактатах об оккультизме. Это не означает абсолютного уничтожения, но это полная потеря всяких воспоминаний, которые собирались вокруг индивидуальности с самого начала ее циклического хода; индивидуальности же как таковые – все бессмертны.

В «Разоблаченной Изиде» тема Атлантиды рассмотрена достаточно пространно, и это дает к нашему запасу знаний ценное дополнение.^[43] Там рассказывается древняя восточная легенда о существовании острова в обширном море, на месте которого сейчас находится пустыня Гоби. На нем жила группа адептов, «сынов бога», в священных книгах Индии называемых «Брахма питри», а в халдейской Каббале – другим аналогичным термином. Как говорится в этом источнике, «они могли с равной легкостью жить в воде, воздухе или огне, ибо обладали неограниченной властью над элементами... Это они передали людям самые поразительные тайны природы и открыли им несказуемое и ныне *утраченное* „слово“... По морю с этим островом сообщения не было, но оно производилось по подземным проходам, известным только руководителям, которые поддерживали связь по всем направлениям».

Другой авторитет говорит, что «Атлантида упомянута в тайных книгах Востока, написанных священным *иератическим*, или жреческим, языком, до которых пока еще не дотянулась искажающая западная рука, но под другим именем. Они могут показать, что Атлантида – не просто название одного острова, но целого континента, из островов и островков которого многие сохранились до сего дня. Дальние предки некоторых из обитателей ныне жалкого рыбацкого поселка Акло (когда-то Атлан) недалеко от пролива Урага некогда были тесными союзниками древних греков и римлян, когда они еще были вместе с китайцами четвертой расы».

Глава VII. Ранние арьи

В пределах одного круга каждая раса развивает один из семи принципов человека. Четвертая раса основывала свою цивилизацию на развитии четвертого принципа, физического желания, и все ее усилия имели целью удовлетворение чувственной природы. Наша

пятая раса не может пройти свой путь, не развив цивилизацию, в которой все интеллектуальные способности человека (его пятый принцип) достигнут высшего в этом круге проявления. Шестая раса будет высокодуховной, и до ее завершения все человеческие существа достигнут состояния «озарения». Совершенство же людей седьмой расы для нас просто непостижимо, ибо среди ее адептов будет жить сам планетарный дух.

Цивилизация арьев была эволюцией совершенно отличающейся от предшествовавшей. Арьи не вошли в контакт с атлантами, пока в значительной мере не развили свою собственную цивилизацию. В этой главе мы собираемся соединить несколько фактов, касающихся возникновения и детства этой цивилизации, которая, хотя впоследствии и испытала большое влияние четвертой расы, должна была расти благодаря своей собственной жизненности, пока арийские народы не распространились в разных направлениях.

Пятая раса уже развила пять подрас – первой были индийские арьи, а последнюю образуют основные народы Европы. Говоря в общем, всякий человек в своем эволюционном развитии за один круг должен пройти через все расы и подрасы, но есть исключения, и весьма многочисленные, хотя в сравнительном отношении их немного. Например, брахману для завершения своего прогресса не обязательно воплощаться европейцем, если он сможет развить в себе все особые достоинства европейца и без такого воплощения. Фактически в пределах расы человек своими собственными усилиями может направлять свои воплощения даже не будучи адептом, который конечно же является хозяином своего будущего в пределах, которые здесь нет надобности обсуждать. Ясно, что арьи, будучи пятой расой нынешнего круга, занимают очень важное место в последовательности рас, первые три из которых только приготавливали почву для появления более совершенных типов. Четвертая раса отметила поворотную точку перехода от незнающей невинности к периоду ответственного знания, ибо, пройдя через нынешний цикл материального прогресса, человечество достигнет высот совершенства, которых оно никогда прежде не достигало. Пятая раса, следующая за четвертой, которая была поворотной, до окончания

своего пути продемонстрирует положительный сдвиг – человечество в весьма примечательной степени объединит материальные и духовные достоинства, и первые проблески этого наблюдались уже в цивилизации индийских арьев. Но по мере цикла подъема волны эволюции будут достигнуты гораздо бóльшие высоты совершенства, которые будут лучше выдерживать влияние времени. Ни одна раса людей, существовавшая на нашей планете, не является для нас столь важной, как самые ранние из семейства арьев.

Индоарийская цивилизация была в некотором смысле уникальной. Арьи Индии достигли высокого стандарта материального развития, в то же время сохраняя значительную долю духовного сознания своих дальних предков, третьей расы. Они совмещали материальную цивилизацию атлантов с более высокой духовностью предшествовавшего периода.

Колыбелью арийской расы была Центральная Азия, откуда она и распространилась по разным частям земного шара. Именно от этого расселения начинается настоящая история арийской расы, ибо тогда начались ее значительный рост и развитие ее успехов в искусствах и технике, которые мы ошибочно считаем сегодняшними достижениями, развитыми для удовлетворения наших потребностей. Но это нарушение жизненного уклада предков, которое привело к величайшему процветанию этой расы, в конечном счете повлекло ее упадок, а точнее – циклическое затмение. Что же привело к расселению арийских народов и разрушению дома их предков?

Непосредственной причиной была перенаселенность, ибо когда ее давление стало велико, люди стали отделяться и искать себе новый дом, и в конце концов некогда единый народ рассеялся по поверхности Земли. Это разделение и распространение привело к тому, что среди арьев прежних веков не было известно, – к пролитию крови своих братьев, и люди, бывшие первоначально едиными, стали друг для друга чужими и начали защищаться от взаимных вторжений. Эти события были ускорены недостаточным развитием памяти в ранние времена. Раз покинув дом предков, племя больше не знало своих братьев. Нужда, вызванная этой переменой, вызвала недовольство и неудовлетворенность, а разлука со счастливым домом

юности заставила блуждающие племена издать ноту горя среди своих длинных и изнурительных походов. Те, кто обосновался в более холодном климате, стали предъявлять претензии к оставшимся в Центральной Азии, тогда как отправившиеся в жаркие области пали жертвами болезней и первыми пережили печаль от безвременной кончины своих друзей. И тогда, с появлением бедности, «золотому веку» наступил конец.

Как бы странно это ни показалось, такое разделение и рассеяние народов положило начало музыке и поэзии нашей расы. Впервые эти искусства появились у того ответвления арийской расы, которое отправилось на север. Великая тоска по дому тронула их до глубины души и вылилась в грубых архаичных балладах. Росту музыки и поэзии способствовали войны, сопровождавшие расу на пути ее распространения и требовавшие ободряющих криков во время битв.

Влияние этой перемены обстановки не в меньшей степени отразилось и на религии. Музыка и поэзия придали выражению духовной мысли совершенно новую окраску. Высшие способности восприятия человека были уже притуплены, и обычно он мог усвоить духовные вещи лишь с помощью воображения. Это обстоятельство сделало поэзию подходящим носителем и проводником религиозных чувств, и в результате этого союза поэзия приобрела много духовности, тогда как религия – потеряла. В описываемый нами период идеи, как и люди, стали одеваться; и метафоры, бывшие для древних людей реальностями, а не просто манерой говорить, стали расхожими выражениями.

Прежде чем оставить эту часть предмета, мы должны постараться избежать ложного впечатления, которое могло бы иначе сложиться. Не следует полагать, что мы здесь дали хронологический отчет и что упадок арьев начался сразу же после расселения арийских народов. Просто было необходимо несколько забежать вперед и изложить некоторые связанные с этим событием факты, чтобы дать более полную картину. В действительности же между моментом оставления дома предков и последующим упадком у арьев был период великого процветания. В наши цели сейчас не входит рассказ о различных ответвлениях арийской расы, и мы скажем лишь о той более

многочисленной и важной семье, которая составила славу Индии и чьи представители все еще населяют эту страну. Ранние индийские поселенцы были цветом арийской расы и достигли уровня цивилизации, равного которому с тех пор не было. Проблески ее истинного величия пока что только забрезжили над миром. Эти арьи были воплощением высшего развития, когда-либо засвидетельствованного на этой планете. И когда доказательства этого будут даны миру, истинное значение философии, в общих чертах набросанной хранителями Древней Мудрости под именем теософии, будет должным образом оценено и понято.

Индийские арьи собрали примечательное количество знаний, добытых их предшественниками, и выяснили сами многие истины, игнорируемые сегодня всеми, кроме тех, кто опередил нынешний цикл и передает древнее послание бесшабашному и неверящему миру, в котором их слова подобны гласу вопиющего в пустыне. Поначалу арьи были более интуитивны, чем интеллектуальны, и, пока рост интеллекта почти не вытеснил способность интуиции, они не материализовывались в такой мере, чтобы испытывать недоверие к своей высшей природе.

Даже в ранние периоды жизнь арьев была по большей части скотоводческой; ошибка полагать, что эти наши предки жили охотой. Они не были отважными охотниками, поскольку у них не было склонностей к развитию таких свойств. В них не было того, что люди XIX века назвали бы энергией агрессии. Физически арьи того периода превосходили своих современных представителей. Их тела не были подвержены болезням и преждевременной смерти, а обычная для них продолжительность жизни была намного больше теперешней. Цветом кожи ранние арьи не были похожи на современных индийцев, у которых он представляет разные оттенки коричневого – он был почти чисто-белый с легким золотистым оттенком. В целом эпоха их возникновения и развития является самой примечательной во всей мировой истории.

Стоит заметить, насколько мало история этого замечательного народа известна широкой публике. Весь этот вопрос покрыт мраком, и, если бы не присутствие англичан в Индии, прошло бы еще много

времени, возможно, века, прежде чем народы Запада распознали бы драгоценности мудрости, которые они оставили далеко в прошлом. Возрождение учения, начинающееся сейчас в Индии, происходит в силу влияния Англии.

Контакт с заграничным свободомыслием, принесенным в Индию, пробуждает среди ее народа более глубокий и вдумчивый интерес к древней литературе своей страны. Первым вопросом, который задал индийцам иностранный исследователь, был такой: «Каковы ваши летописи и кто ваши предки?» – и ошарашенные люди стали осматриваться вокруг в поисках подходящих доказательств того, что они недостойные потомки могущественных праотцов.

Но время не только мстит, оно и исцеляет. Пренебрежение древними знаниями, за которым последовало вырождение этого народа, хотя и было долгим и почти безнадежным, будет искуплено, и ждать этого осталось не так уж долго. Народу, который очень долго был подчинен гнету жречества и суеверий, теперь привит исследовательский дух.

Возрождение уже началось, и новый свет, пока видящийся маленьким и удаленным, разгорается в небе Востока. Под благотворным влиянием философии, воплощающей в себе самую душу истины, этот великий народ, который никогда не

Глава VIII. Развитие языка и религии

В предыдущих главах ничего не было сказано о развитии языка. Как мог уже заметить внимательный читатель, первые семена языка были посеяны в пятой подрасе первой расы, когда появилось чувство вкуса. Приобретение человеком органа вкуса и сделало развитие языка возможным, а в комбинации с чувством слуха эта способность привела к рождению речи. Пока сохранялась духовная способность передачи мысли, ни в каком ином способе сообщения между людьми нужды не ощущалось, но увеличивающееся огрубение человеческого тела скоро навязало человеку необходимость найти какой-то иной метод. Первой попыткой в этом направлении была имитация голосов птиц и животных. Эта точка зрения, несомненно, будет сочтена еретической некоторыми школами современных филологов, яростно отрицающих то, что они называют теорией «гав и мяу». Эти философы утверждают, что язык появляется одновременно с интеллектом, и в поддержку своих взглядов среди прочих аргументов упоминают греческое слово «логос», которое означает и разум, и речь. Однако следует помнить, что язык, как и все прочее, развивается циклами.

Филология смогла заглянуть за пределы определенного отрезка одного из этих циклов не в большей степени, чем история, и отсюда возникло множество заблуждений относительно происхождения как самого первобытного человека, так и разных его способностей, включая и язык. Макс Мюллер считает невозможной датировку человеческой истории по слоям, предшествовавшим арийскому расселению. И видя, как много расовых волн, оставивших очень мало или никаких следов, доступных обычному глазу, предшествовали этому событию, нетрудно понять действительную ценность его рассуждений о происхождении языка. Неудивительно, что его исследования не привели его к тому этапу развития человечества, когда разум стал сопровождаться речью, – ведь его метод заранее исключал исследование той стадии, когда языка еще не было. Речь, которая есть синоним разума, – это вовсе не исследуемый филологами язык. Греческое слово «логос» и его санскритский

эквивалент, «вач», имеют глубоко мистическое значение. Санскритский поэт назвал вач «бессмертным лучом духа». Это первое проявление великой непроявленной реальности во вселенной явлений. Это мистический Христос гностиков – проявленный логос. Вач – отрицательный аспект Шабда Брахмы, первого движения космической воли по завершении великой ночи отдыха. В символизме индусов этот вач представлен богиней Сарасвати, известной также как Дэвасена. Ее супруг – вечный девственник, Кумара. Не вступая в рассуждения о бесконечных соотношениях духовных сил, достаточно здесь сказать, что мистический вач – вовсе не то, что следует называть языком. За эту путаницу ответственна постепенная материализация, о которой мы уже упоминали.

Самый ранний язык, знание о котором доступно не только посвященным, это язык, на котором говорили атланты. Диалект, упоминавшийся санскритскими филологами как «ракшаси бхаса», и есть язык атлантов; но не следует полагать, что та форма, что сохранилась в позднем санскрите, была в ходу у тех атлантов, с которыми соприкоснулись восточные арии. Тот же процесс ассимиляции, который превратил название озера Buthair's в Buttermere,^[44] шел вовсю, прежде чем сформировался известный диалект ракшасов.

Санскрит же из всех известных языков ближе всего стоит к гипотетическому первоначальному языку ариев. Но, как следует из самого названия этого «реформированного» языка, он был развит из какого-то ранее существовавшего. Об этом первоначальном языке сейчас не сохранилось почти никаких сведений. На санскрите он назывался «дэвабхаса», и это название в последующие века ошибочно применялось к самому санскриту. Одни лишь посвященные владеют ключом к этому языку, который является матерью всех позднейших, и во всех иератических рукописях применялся именно этот язык. У адептов Тибета этот тайный язык, первоисточник арийской речи, известен под названием «зансар». Именно по имени своего прародителя зансара священный язык зороастрийцев называется «зенд».

В тщательно разработанном ритуале древней церемониальной магии мантры всегда пелись на этом таинственном языке зансар, который в наши дни понятен только посвященным, которые во всех странах и во все века этой расы, будь то в Халдее, Египте или Индии, не пользовались для эзотерических целей никаким иным.

С точки зрения сложившегося в науке мнения было бы непозволительно высказывать что-либо подразумевающее веру в действенность заклинаний и мантр, но правда заставляет нас указать, что для должным образом подготовленного мистика они могут быть средством управления некоторыми из тонких сил природы. Конечно же неправильно было бы полагать, что, будь слова такого заклинания известны простому человеку, он мог бы пользоваться ими для любой цели, хорошей или плохой, – ведь их сила гораздо больше зависит от ритма произношения и интонации, чем от самих слов. Все мы знаем, что те же самые слова могут производить разный эффект на слушателя в зависимости от того тона, каким они произнесены. Дать верное представление о принципе действия заклинаний здесь невозможно, потому что это имеет отношение к плану существования, с которым мы обычно незнакомы.^[45] Но некоторый свет на этот предмет может бросить рассмотрение физиологического эффекта мистического слога *Ом*. Это слово, будучи верно произнесено, производит некоторую настройку процесса дыхания. Никакой иной слог не требует больше времени или ресурсов органов речи, чем этот.

Взаимозависимость состояния ума и дыхания нетрудно заметить, и мы вовсе не делаем произвольного заявления, утверждая, что постоянное повторение этого слова оказывает на ум успокаивающее действие и тем ограничивает силу страстей. В мантрах звук модулируется таким образом, чтобы создать в теле именно то состояние, которое неизменно сопровождает порождение желаемых психических или духовных сил. Одно неправильно произнесенное слово или смещенное ударение уничтожит весь эффект или произведет результаты, противоположные желаемым. Популярное поверье, что ошибающегося мага уносит смеющийся черт, имеет свои корни в этом факте.

В Ведах есть много мантр и гимнов, которые не может спеть ни один непосвященный брахман, и лишь посвященный, знающий истинные их свойства, может ими пользоваться. Некоторые из гимнов Ригведы, если их сложить по принципу анаграммы, дадут тайные мантры, которыми брахманы пользовались на своих церемониях для магических целей. Сейчас существует множество санскритских трактатов о заклинаниях, именуемых *мантра шастра*, но они являются позднейшими поделками, которые лишь вводят в заблуждение тех, кто эгоистично стремится к тайным знаниям и оккультной силе. Атхарваведа представляет собой собрание всех основных мантр, используемых брахманами, но лишь посвященные обладают истинным ключом к ней. Для обычного же читателя это собрание не более чем, как выразился Макс Мюллер, «теологическая трескотня».

У черных магов тоже есть свои особые формулы ритуалов и заклинаний. Вряд ли какой-либо из их адских ритуалов будет полон без какого-нибудь страшного заклинания. Если простой смертный произнесет сочетание звуков, которое они применяют, можно быть уверенным, что это возбудит в нем чувства ужаса и отвращения. На искаженное лицо черного мага, повторяющего эти заклинания, бывает страшно смотреть. Большинство этих заклинаний кончаются слогом «ха». Этот слог, будучи произнесен с особой резкостью, всегда неприятно воздействует на чувствительных людей (не обязательно нервных), поскольку он связан с разрушительным аспектом одной из тонких сил природы. Тот факт, что эффективность зависит в основном от интонации и ударения, уже был упомянут, и нередко колдуны берут какие-нибудь формулы настоящих религиозных ритуалов и изменением произношения обращают их для своих собственных целей. Общее поверье состоит в том, что, когда формула читается задом наперед, ее действие меняется на противоположное, но в действительности дело не столько в последовательности слов, сколько в самом издаваемом звуке и сопровождающих его психических возмущениях.

Можно привести такой пример. Во всех брахманских церемониях важную роль играет мистический слог *Ом*, являющийся фонетической

комбинацией трех букв – а, у, м, но в ритуалах тантриков эти составляющие расположены иначе, давая звук «вам». «Ом» представляет эволюционный порядок, а «вам» – инволюционный; один символизирует сохранение, и потому ассоциируется с Вишну, другой же, посвященный Шиве, есть эмблема разрушения. Вряд ли нужно упоминать эффект, оказываемый низким, монотонным напевом, – особенно на детей и нервных людей; так же и с музыкой. Даже животные и змеи подвержены влиянию звука.

В наши цели не входит составление подробного отчета об использовании звука и языка в магических церемониях, и уже сказанного вполне достаточно, чтобы дать представление о некоторых забытых способах применения человеческой речи. В эпоху своего детства язык почти всецело зависел от интонации. Разделение языка и музыки относится к гораздо более поздней эпохе, и исследование языка сохранившихся племен атлантов засвидетельствует этот факт. Китайский язык, который, несмотря на свои сравнительно недавние изменения, не потерял свой отличительный характер зависимости от интонации, являет известный пример. Вряд ли необходимо упоминать, что некоторые племена внутреннего Китая являются чистыми потомками атлантов (те, что живут ближе к побережью, – уже метисы).

До того как человек развил язык, религии как таковой не было. Раньше, когда мысли были столь прозрачны, что распознавались с такой же легкостью, как мы чувствуем разницу температур, человек жил в истине, которая была воплощена в божественной искре, образующей его истинное Я. В наши дни религия стала вопросом мнения, но у ранних людей она была наукой. Она была всем и управляла всеми делами жизни, большими и маленькими. Однако мы не должны забывать, что религия, известная миру как религия арьев, была создана для них значительно позже того времени, о котором мы говорим.

Последние остатки этой всеохватывающей веры сейчас можно обнаружить в Индии. Для индуса его религия столь же необходима, как ежедневное пропитание. Одно из самых глубоких замечаний, сделанных иностранцем об этой ветви арийской расы, теперь

населяющей Индию, состояло в том, что индус религиозно ест, религиозно мыслит и религиозно умирает.

Одна из главнейших причин, приведших к столь распространенному непониманию индийского народа, была в том, что западным наблюдателям не удалось распознать живое и всепроникающее влияние на него религии.

Жесткий консерватизм индийского народа, несмотря на все его многочисленные недостатки, имеет и заслугу, сохранив изначальный дух его религии в сравнительной чистоте. Потому неудивительно, что знание религии предков арьев должно привести и к другим знаниям, касающимся этого народа.

Религия этого древнего народа была столь же проста, как и его жизнь. Потом наступило время, когда ум человека исказил и усложнил ту простую истину, которую знали и которой восхищались его предки. Трудно нарисовать более мрачную картину, чем картина распространения заблуждений, которые медленно покрывали человека своими темными крыльями. Начав свой путь от абсолютной истины, духовная монада все глубже и глубже погружалась в трясину иллюзии, и, будучи одурманен вином материальности, человек все больше и больше терял из виду свой исток и свое будущее назначение.

Непосредственные духовные предки человека, планетные духи, были «сынами божьими», которые, находясь у престола отца своего, получали из его уст наставления и исполняли его священную волю. Несомненно, это метафорический язык позднейших дней. Но в нем больше истины, чем может признать материалистический философ, который в нервном ужасе начинает размахивать руками при одном только упоминании духа, или позволит нам видеть догматический богослов, материалист иного порядка. Великий поток творческой мысли во вселенском уме, который приводит к проявлению космоса красоты и любви, еще не загрязнен соприкосновением с так называемой материей, внешней корой бытия и каймой одежд истины, когда проходит через стадию планетных духов. Прозрачный канал, через который живительная энергия текла в этих духов, делал их сознательными сотрудниками природы. Они всегда могли проследить

нить своей жизни к родительскому источнику, великому основанию истины. Не для них сказал оракул – «познай себя»; знание себя было частью их бытия, столь же для них естественной, как для нас – сон. Они, без сомнения, знали истину, но все же они не видели ее неприкрытого великолепия. Великий Отец (пуруша) был скрыт для них в утробе Вечной Девы (мулапракрити).

Это прекрасным символизмом передано в одной из древних индийских книг. Цитата довольно длинная, но важность ее оправдывает то, что мы приводим ее целиком.

«Поистине, Брахман одержал победу ради богов. Боги возвеличились этой победой Брахмана. Они подумали: „Это – наша победа, наше величие“. Он распознал это и появился перед ними. Они не распознали его и спросили: „Что это за дух?“ Они сказали Агни: „О Джатаведас! Распознай, что это за дух“. Он ответил: „Хорошо“. Агни поспешил к нему. Брахман спросил его: „Кто ты?“ – „Поистине, я Агни, – сказал он, – я Джатаведас“. –

„Какая сила в тебе?“ – „Я могу сжечь все, что есть на земле“. Брахман положил перед ним травинку: „Сожги ее“. Тот устремился на нее со всей силой, но не смог сжечь ее. Тогда он вернулся назад и сказал: „Я не смог распознать, что это за дух“. Тогда они сказали Ваю: „О Ваю! Распознай, что это за дух“. „Хорошо“, – ответил он. Ваю поспешил к нему. Брахман спросил его: „Кто ты?“ – „Поистине, я Ваю, – сказал он, – я Матаришван“. – „Какая сила в тебе?“ – „Я могу унести все, что есть на земле“. Брахман положил перед ним травинку: „Унеси ее“. Тот устремился на нее со всей скоростью, но не смог унести ее. Тогда он вернулся назад и сказал: „Я не смог распознать, что это за дух“. Тогда они сказали Индре: „О Магхават! Распознай, что это за дух“. – „Хорошо“, – ответил он. Он поспешил к нему, но Брахман скрылся перед ним. И в этом пространстве он встретил женщину великой красоты, Уму-Хаймавати, и спросил ее: „Кто этот дух?“ Она сказала: „Это – Брахман“». ^[46]

Можно с полной уверенностью сказать, что ни один европейский ориенталист этого фрагмента не понял. Макс Мюллер оказался здесь в лабиринте безнадежной путаницы. Не сумев открыть шкатулку, он

потрясает ею и удовлетворяется звоном находящихся в ней драгоценностей.

Под Агни, Ваю и Индрой здесь представлены разные порядки планетных духов (называемых тибетскими оккультистами дхьянчоханами), причем последний – высший из них. Не нам, профанам, открывать тайны планетного существования, столь таинственно выведенные под этими мистическими именами. Для нашей цели достаточно будет сказать, что этот отрывок относится к тому объему истины, который открывается взору планетных духов. Низшие из них лишь сознают присутствие Брахмана, вселенского начала и единственной Истины, но им не удастся познать его природу. Индра, величайший из них, лишь издалека воспринимает его, но находит на его месте УмуХаймавати. Но кто же она, Хаймавати? Мюллер делает относительно нее уверенные заявления. Он переводит это как «Ума, дочь Химавата» и сообщает в сноске: «Ума может означать супругу Шивы, дочь Химавата, лучше известную под своим именем Парвати, дочь гор». Но не столь высокоученый ум тщетно будет искать какую-то особую связь между супругой Шивы и высшим принципом, Брахманом. Однако, как известно посвященным брахманам, та Ума, дочь гор, относится к более поздней эпохе и не имеет никакого отношения к этой Уме, названной Хаймавати, что здесь вовсе не означает дочь горы Химават. «Ума», как известно, означает «о нет!», а «хаймавати» – «золотая». Ума – это мулапраkritи, великий корень всего, действительный аспект Брахмана и предел всякого реального знания даже планетных богов, которым она показала скрытую в себе Вечную Единую Жизнь, которая сама по себе была для них непознаваема. Она «золотая», поскольку золото – неперенный символ божественной мудрости, принятый у всех мистиков, включая европейских алхимиков, так что она – высшая цель мудрости высших богов. Чтобы знать абсолютное сознание Брахмана во всех его аспектах, познающий должен стать познаваемым и прекратить всякое существование в мире явлений.

Арьи были самыми ранними наследниками этого божественного знания и передали его, хотя и в виде, замутненном отпечатками

времени, по нисходящей дуге цикла своим нынешним представителям.

Религия древних арьев была, как мы сказали, очень простой. Она была простой, поскольку была истинной, а истина всегда проста. В отличие от своих планетных прародителей ранним арьям уже пришлось столкнуться с великой задачей самопознания, но они решили ее удовлетворительно. Они знали, что Великое Проявленное – лишь представление Великого Непроявленного. «Воистину все сущее есть Брахман», – говорили они. Эволюция, которую прошел человек с тех времен, не делает это высказывание легко понятным. Не следует воображать, что всякая видимая нами вещь как таковая есть Брахман. Тем не менее, хотя она непрестанно меняет свою форму, она – Брахман, если рассматривать ее отдельно от изменений, которым она подвержена: способность изменяться – это свойство, присущее самой субстанции. Вот что знали они о так называемой внешней природе. Мы не можем здесь распространяться об идее, смутно набросанной выше, так как это выходит за пределы охвата данной книги. Те, кого это заинтересовало, должны обратиться к учениям Вьясы, Шанкары или Будды – в том виде, как они излагаются их представителями, махатмами Востока.

Заглянув внутрь себя, древние нашли нечто – Я, или атму, – что делает вообще возможным существование предметов. Далее они поняли, что эта атма и есть Брахман, вселенское Я. Будучи взяты отдельно от всех изменений, свойственных явлениям, субъект и объект сливаются друг с другом и обретают покой в постоянной основе всего бытия, Парабрахмане. Таковы в общих чертах религиозные знания, которыми владели древние арьи. Далее мы увидим, как это знание сказалось на их практическом поведении. Много света на этот вопрос прольет изучение высказывания из Иша Упанишады: «Отказавшись от всего этого, ты сможешь радоваться. Не завидуй ничьему богатству». Этот перевод Макса Мюллера дает достаточно точное описание того, что было естественно для ранних арьев. Аскетизм ради аскетизма более чем бесполезен, и первоначально эти люди к нему никогда не прибегали; жажда удовольствий вредна и пагубна, и ей они тоже никогда не

предавались. Великая красота и величие первобытной жизни – в ее гармонии с природой: удовольствие было свободно от желания, конфликты были неизвестны.

По мере того как вокруг человека сгущалась завеса материальности, он перестал почитать божественное в своей собственной природе и кончил поклонением внешним предметам, представлявшим, в приниженном виде, его прежние идеалы. Когда на человека спустилось восприятие темноты, она ему не понравилась. И первым предметом, которому он стал поклоняться вместо Универсальной Причины, было Солнце, которое побеждало тьму, а с ним пришла Уша, или Эос, – заря, золотой час дня, когда вся природа одушевлялась живительным сиянием возвращающегося Солнца. Сумерки также были для человека временем поклонения и мира, который он разделял со всей одушевленной и неодушевленной природой. Первобытные люди общались с Солнцем и небом и высоко ценили природу во всех ее формах; большие деревья и высокие горы для них были как боги. Поклонение богу Солнца и ненависть к демону Тьмы, т. е. фактически поклонение явлениям природы, породило умственные иллюзии, которые, после того как им предавались долгое время, стали для людей позднейших эпох объективной реальностью, и вместо просто искаженных идей мы находим у них грубоматериальные предметы, первоначально эти идеи представлявшие. На деморализации, вызванной этим идолопоклонством, мы уже останавливались в предыдущей главе.

Глава IX. Человек и другие порядки существования

Нам уже приходилось несколько раз упоминать о планетных духах, ранних наставниках и, в некотором смысле, прародителях человека. Из всех высших состояний духовного существования состояние планетного духа ближе всего к человеку. Высшее из них – это то, что на языке некоторых мистиков Индии именуется Ади-буддой. Это абсолютная реальность, стоящая за всем бытием, которую можно рассматривать как совокупность всей духовной энергии и мудрости во

вселенной. Она – синоним пракрити ведантистов или мулапракрити санкхьев. Следующим по порядку эволюции идет состояние дхьяни-будд, из которых развились небесные бодхисаттвы. Последнее из этих состояний и есть состояние планетных духов, называемых тибетскими буддистами дхьян-чоханами. Распространенная ошибка – полагать, что все эти разные состояния являются просто разными существами, тогда как каждое состояние включает в себя бесчисленное множество индивидуальных существ. Точно так же, как мозг является центром, из которого исходят бесчисленные способности – физические, интеллектуальные и эстетические, так и разные индивидуальности, оказывающие на вселенную свои особые воздействия, в своей совокупности образуют эти состояния. В задачу данного трактата не входит даже набросок тайн высшего духовного бытия, и здесь достаточно будет дать лишь общие черты состояния дхьянчоханов.

Дхьян-чоханы – это духи-хранители разных планет и, в некотором смысле, их архитекторы. Строго говоря, они не *творцы*, хотя их часто принимают за таковых. Они не творят миры из ничего, давая им существование, но они придают рождающимся мирам форму согласно неизменному закону эволюции; иными словами, часть космического закона действует через сознательные усилия этих возвышенных существ, которые бывают двух различных классов, а именно – восходящие и нисходящие дхьян-чоханы. Здесь нужно помнить, что весь ход природы управляется чередующимися периодами отдыха и деятельности, обычно известными как космические ночи и дни. Цепь этих чередований бесконечна, поскольку не может быть начала у вечности. Эта аналогия соблюдается по всей природе – даже в нашей дневной работе и ночном отдыхе. Ясно, что во все моменты периода космической деятельности должны быть какие-то человеческие существа, которые, дойдя до совершенства, превышающего высший предел, допустимый для какого-либо состояния жизни, например нашего собственного, должны перейти в состояние дхьян-чоханов. Они и есть восходящие дхьян-чоханы, но есть и другие, которые, развившись из беспредельного лона пракрити, направляются к внешним пределам существования, и они называются нисходящими дхьян-чоханами. Первые, как можно видеть, были людьми, или,

скорее, соответствующими людям существами прежнего периода космической деятельности, последние же еще станут людьми или существами, подобными им. Во владении вечного закона не может быть несправедливости, и каждая единица существования должна пройти по тому же колесу бытия. Недавно выданные теософические учения имели некоторый налет нигилизма. При достижении вселенной своего завершения все переходит в нирвану, и из этого можно было сделать вывод, что индивидуального бессмертия не существует, но даже беглый взгляд на учение о дхьян-чоханах покажет беспочвенность такого вывода. Если бы все человеческие существа уничтожались как индивидуальности, то существование восходящих дхьян-чоханов, продвинувшихся существ предыдущих великих циклов, было бы невозможным.

Во время первого цикла существования нашей планетной системы с той планетой, на которой должна быть запущена эволюционная волна, должен быть непосредственно связан дхьян-чохан, чтобы эволюции человеческих существ был этим придан необходимый импульс. В священных писаниях Индии дхьян-чоханы упоминаются под разными именами. Когда дхьянчохан воплощается на Земле вышеупомянутым способом, он называется ману-сваямбху (самосущий). Он бестелесно порождает семерых сыновей, известных как семь риши. Они называются его манасапутрами, детьми ума, или пятого принципа планеты, на которой они проявились. Все адепты являются прямыми духовными потомками этих семи изначальных мудрецов.

Наш Учитель говорит об этом: «В начале каждого круга, когда человечество появляется при совершенно иных условиях, нежели предоставляемые ему при рождении каждой новой расы и ее подрас, один планетный дух должен смешаться с этими первобытными людьми, освежить их память и раскрыть им истины, которые они знали в предыдущем круге. Отсюда спутанные предания об Иегове, Ормузде, Осирисе, Брахме и

т. п. Но это делается лишь для первой расы. Это ее долг – избрать годных преемников среди ее сыновей, которые „избираются“, если использовать библейское выражение, в качестве сосуда, чтобы

вместить полный запас знания, который будет разделен между будущими расами и потомствами до завершения этого круга». ^[47]
Сказанное в меньшем масштабе применимо и к малым кругам.

Эти семь риши были первыми адептами на этой планете и прототипами всех последующих, и каждый представлял один из семи классов адептов, всегда существующих на Земле. Каждый из этих типов соответствует как одному из этих земных риши, так и одному из семи таинственных небесных риши, «семи духов божьих», как называют их каббалисты. Когда иерархия адептов достаточно установлена, планетный дух уходит из этой сферы, но продолжает осенять высшего адепта, своего избранного преемника, до перехода человечества в следующую сферу, где этот избранный мудрец уже сам, как планетный дух, поведет рождающуюся расу и будет ее воспитывать. В течение нынешнего малого круга эта избранная индивидуальность несколько раз появлялась среди людей, основав основные мировые религии. В одном смысле, но не во всех, это был Гаутама Будда. Это, однако, тайна, которую нам не позволено открывать. ^[48]

Согласно аллегорическому учению брахманов, эти семь риши были прародителями человечества через семь питри (буквально – предков). Здесь так обозначены семь рас, которым эзотерическая истина передавалась адептами, духовными предками расы.

Учитель продолжает: «У каждой расы были свои адепты, и с каждой новой расой нам разрешается дать из нашего знания столько, сколько люди этой расы заслуживают. У последней расы будет свой будда, как был таковой у каждой из ее предшественниц, но ее адепты будут гораздо выше любых адептов этой расы, ибо среди них будет обитать будущий планетарный дух, дхьян-чохан, чей долг будет наставить или освежить память первой расы пятого круга людей после будущего затемнения этой планеты (обскурации, или цикла отдыха)».

Высшие адепты наших дней могут сознательно сообщаться с дхьян-чоханами разных степеней, таким образом добывая знания о тех тайнах природы, которые находятся за пределами непосредственной досягаемости их сознания. Адити, т. е. сыновья Адити, Безмерной (бесконечной пракрити, или природы), являются дхьян-чоханами,

которых можно считать самыми ранними потомками космической эволюции. Согласно индуским писаниям, их двенадцать, и в действительности они означают двенадцать степеней дхьян-чоханов. У индуистов, как и у буддистов, авторы также упоминают дикпал, или защитников разных сторон небес. Дхьян-чоханы курируют разрушение планет, так же как они помогали при их рождении. В этой их роли они называются двенадцатью рудрами. Это слово, хотя Макс Мюллер перевел его как «ревушие», в действительности означает «горящие гневом». В уместности этого эпитета можно убедиться, если вспомнить, что, согласно учению адептов, наша Земля будет уничтожена, когда на нее прольется неприкрытое великолепие Солнца, с удалением защитной его хромосферы.

^[49] Аллегорически сказано, что, когда Землю настигнет ее судьба, в небе воссияют двенадцать солнц.

Кроме этих высокодуховных сверхчеловеческих порядков существования в природе существуют и многие другие. «Есть расы, – говорит Булвер Литтон, – невидимые в просторах пространства, как бактерии в капле воды. Для населения капли у науки есть микроскоп, сонмы же бесконечной лазури позволяет увидеть магия, а через них – достичь и флюидических проводников, соединяющих все части мироздания. Из этих рас некоторые полностью безразличны к человеку, некоторые милостивы к нему, а некоторые – смертельно враждебны. Но во всех обычных состояниях, предписанных смертному, это волшебное царство кажется столь же пустым и ненаселенным, как чистый воздух».

Обычному человеку обитатели «невидимого пространства» неизвестны, пока его не познакомит с ними смерть. Пока двери его духа не открыты этой переменной состоянием, у него нет никакого представления об их существовании или очень малое. Но из этого общего правила есть исключения. Есть люди с особым строением, чьему взгляду врата непознанных областей открыты и которые бессознательно чувствуют влияние своих бесплотных соседей. Это медиумы, экстрасенсы и ясновидящие, о которых мы много слышим. Мы намеренно не рассматриваем здесь мистиков, чьи пробужденные духовные силы переносят их сквозь таинственные сферы природы.

Влияния, ощущаемые этими типами людей, не всегда того же характера. Для некоторых натур они нейтральны, а для других чреваты величайшим бедствием. Печальная судьба многих несчастных, которые пали жертвами этих невидимых влияний и спустились на самый низкий моральный уровень, потеряв при этом и здоровье, засвидетельствована в анналах западного спиритизма. Учитывая огромное влияние, которое спиритизм – более или менее известный во все века – оказал на современную мысль, и печальные последствия, которые принесло сообщение с так называемыми посетителями из других сфер, мы должны будем более полно рассказать о природе элементалов и элементариев, которые в большинстве случаев проявлений духов и общались через медиумов. Обычно полагают, что разумы, управляющие медиумами, – это истинные Я человеческих существ, которые пережили смерть и перешли на ту сторону.

Но что такое смерть? И чему учит эзотерическая доктрина относительно смерти и пути человека, после того как он пережил это изменение?

Мы уже видели, что смерть была принесена на эту Землю растущей материальностью человека и последовавшим из этого нарушением им законов духовной жизни. Из безболезненного перехода из одного состояния в другое смерть превратилась, изза усиления чувственности, в царицу всех страхов. Следует снова повторить, что изначально смерть не порождала элементариев, поскольку состояние человека было таково, что материальные желания не имели над ним большой власти. Когда более грубые наклонности его натуры возобладали над высшими в такой мере, что он стал испытывать «похоти жизни», была построена тюрьма «мира желаний», и часть скопления психических сил, концентрировавшихся в его личности во время жизни, должна была исчерпаться там. Эти элементарии, или так называемые духи, вызванные таким образом к существованию, побуждались своими земными склонностями общаться с физическими природами живых людей, в раппорт с которыми их вводила симпатия. Вот что говорит Учитель по этому поводу:

«То, что вы называете „раппортом“, есть просто факт тождества молекулярной вибрации между астральной частью воплощенного медиума и астральной частью развоплощенной личности. <...> Как в музыке гармония или диссонанс двух отдельно различимых звуков зависят от синхронных вибраций и дополняющих периодов, так и раппорт между медиумом и руководителем существует, когда их астральные молекулы движутся в согласии. И вопрос, будет ли сообщение больше отражать ту личность или другую, определяется относительной интенсивностью двух наборов вибраций в сложной волне акаши. Чем менее тождественны вибрационные импульсы, тем более медиумично и менее духовно будет послание».^[50]

Из вышесказанного видно, как склонности и устремления индивидуума управляют его жизнью после смерти. Согласно восточным философам, мысли при умирании – самые мощные агенты формирования будущего человека; фактически сама смерть – миниатюрное представление всех дел и мыслей его жизни.

Кришна, который символизирует божественный дух в человеке, говорит, что тот, кто покидает эту жизнь, медитируя на нем, достигает его, но, чтобы быть в состоянии сосредоточить на нем ум в момент смерти, нужно непрестанно практиковать это и при жизни, исключив блуждания чувств. Или, как говорит наш Учитель:

«Такие мысли *непроизвольны*, и у нас над ними не больше власти, чем над сетчаткой глаза, чтоб препятствовать ощущению цвета, который наиболее влияет на нее. В последний момент вся жизнь отражается в нашей памяти, и выступают из всех забытых закоулков картина за картиной, одно событие за другим. Умиравший мозг вытесняет память сильным чрезвычайным импульсом, и память точно восстанавливает каждое впечатление, доверенное ей в течение периода деятельности мозга. Те впечатления и мысли, которые были наисильнейшими, естественно, становятся наиболее яркими и переживают, так сказать, все остальное, которое исчезает, чтобы вновь появиться лишь в дэвачане. Ни один человек не умирает сумасшедшим или бессознательным, как утверждают некоторые физиологи. Даже безумный или страдающий белой горячкой будет иметь свой миг совершенной ясности в момент смерти, хотя и не

сможет сказать об этом присутствующим. Человек часто может казаться мертвым, тем не менее от последнего биения сердца и до момента, когда последняя искра живой теплоты оставляет тело, – *мозг мыслит*, и „я“ переживает в эти краткие секунды всю свою жизнь. Говорите шепотом у смертного одра и сознавайте себя в торжественном присутствии смерти. Особенно должны вы сохранять спокойствие тотчас после того, как смерть наложила свою хладную руку на тело. Говорите шепотом, повторяю я, чтобы не нарушить покойное течение мысли и не воспрепятствовать деятельной работе прошлого, отбрасывающего свое отражение на завесу будущего». ^[51]

Последний час пробивает внезапно, и сознание покидает тело столь же мгновенно, как пламя – фитиль. Эта бессознательность длится некоторое время, а затем «я» переходит в дэвачан, оставляя в кама-локе свою оболочку. Физическому телу требуется некоторое время для разложения, после того как его покинула жизнь, подобно этому и астральные соответствия материальных мыслей и желаний человека, оставленные в кама-локе, должны еще рассеиваться уже после перехода «я» в дэвачан. Но чувствует ли такое распадающееся существо уход его высшего сознания? На это Учитель отвечает:

«Нет, оно не сознает этой утраты целостности. Оно смутно сознает свою физическую смерть – после продолжительного периода времени. Немногочисленные исключения из этого правила – случаи наполовину успешных колдунов, очень злых людей, страстно эгоцентричных и привязанных к своей личности, – представляют реальную опасность для живущих. Эти очень материальные оболочки, последняя предсмертная мысль которых была: я, я, я и жить, жить, жить! – будут часто повторять и чувствовать ее инстинктивно. Также и некоторые самоубийцы, хотя не все. Что случается тогда – ужасно, ибо это становится случаем посмертной ликантропии. Оболочка будет цепляться так упорно за свое подобие жизни, что скорее станет искать пристанища в новом организме – в любом животном: собаке, гиене, птице, когда нет поблизости человеческого организма, чем подчинится уничтожению». ^[52]

Ясное понимание темы элементариев требует некоторых знаний о природе жизни и смерти. Человек, подобно маятнику, движется

между состояниями субъекта и объекта, качание от первого ко второму кончается в физической жизни, а обратное движение – в дэвачане. Когда исходящий импульс бывает исчерпан, наступает смерть, и «я» постепенно возвращается в состояние субъекта, чтобы готовиться к следующему нисхождению в предметную жизнь. Промежуточной стадией между земной жизнью и дэвачаном является кама-лока, которая не есть какое-то особое место, что вряд ли необходимо указывать.

Когда «я», или единица сознания, уходит с самого внешнего плана своего проявления, имеет место явление, называемое смертью. Смерть – это поворотная точка, где одно направление сменяется на другое, а следовательно, это состояние сравнительного покоя и бессознательности. Функции сознательной единицы на внешнем плане, образовывавшие физическое тело, постепенно переходят в состояние покоя, иными словами, тело распадается, а «я» отступает назад.

Полный распад тела отмечает полный уход сознания с плана физического существования. До этого же между телом и существом, перешедшим в потусторонний мир, всегда сохраняется некоторая связь. Известны примеры, когда жертвы убийств, проявляясь через медиумов, заявляли, что чувствуют боль от вскрытия тела.

Астральный план сознания, через который «я» проходит на пути в дэвачан, – это кама-лока. Когда «я» прекратило использовать свои физические функции, оно приступает к тем, которые составляют его жизнь в кама-локе. Очевидно, что этот перенос сознания есть обратное качание маятника. Поскольку силы, позволяющей проводить экспансию на физический план, у существа, находящегося в кама-локе, больше нет, оно не может приобретать какие-то дальнейшие знания о физическом плане. Величайшие физики не сделают в кама-локе никаких новых наблюдений – даже по тем предметам, которые в земной жизни поглощали все их внимание.

План кама-локи состоит из астральных соответствий земного существования. Когда существо нормально утверждается в дэвачане, происходит процесс, аналогичный смерти, а астральные функции оставляются на исчезновение в кама-локе, подобно тому как

физическое тело было оставлено разлагаться на земле. Такие астральные трупы и есть настоящие «оболочки», или «скорлупы». Указанную здесь аналогию можно провести и дальше.

Прежде чем оставить эту тему, нужно привлечь внимание к этическим сложностям общения с умершими, обычно практикуемого спиритами, а также колдунами. С незапамятных времен такие сообщения были запрещены как греховные. Лишь в наши дни, когда духовные знания переживают свой самый низкий спад, это сообщение с элементариями могло приобрести столь обширные масштабы. Хотя невозможно переоценить важность факта нравственного падения медиумов, истинный вред этой практики в большинстве случаев остается незамеченным. Абсолютной необходимостью для всех стремящихся к духовной жизни является умение с твердой решимостью применять духовную волю, и требование это является общепризнанным. Тот, кто не очень еще поднялся над общим уровнем, преобладающим вокруг, может плыть по жизни незаметно и не испытывать никаких бед. Непрестанная борьба всегда была уделом тех, в ком добро сильно заметно. Лишь сильный характер может пройти через трудности и испытания, которыми усеян путь тех, кто решился стать духовным, тогда как слабый обязательно отступит с тщетными вздохами и сожалениями. Учитывая это, нетрудно увидеть, какой вред причиняется медиуму из-за того, что он допускает подчинение своей воли какому-либо внешнему влиянию. Никакой человек не является в природе лишним, иначе вселенной недоставало бы смысла. Каждый человек должен пройти свой собственный путь, и потому отказ от своей воли равносителен неисполнению долга. Из этого ясно, что медиумизм наносит моральный вред человеку, который может быть бóльшим или меньшим в зависимости от его конституции. Что же касается существ, сообщающихся через медиума, то причиняемый им вред еще более серьезен. Элементарий, как мы убедились, находится в состоянии человека, который пытается заснуть и перейти на иной план сознания. Чем больше были умственные тревоги во время дня, тем большее время требуется, чтобы заснуть; точно так же чем более земной была жизнь, тем дольше задержится человек в кама-локе. Потому беспокоить душу человека во время ее

перехода в высшую жизнь еще более жестоко, чем оскорблять умирающего. Те, кто внимательно рассмотрят даже те немногие возражения, которые приведены выше, поймут, почему все духовно мыслящие люди не должны поощрять такое вредное сообщение.

Мы сказали, что после своего пребывания в кама-локе «я» переходит либо в дэвачан, либо в состояние, называемое авичи, – это те самые два состояния, которые догматическими богословами были грубо материализованы и превращены в рай и ад. Чтобы приобрести достаточно верное воззрение на эти два состояния, необходимо понимать закон кармы. Общеизвестно, что в восточных системах религиозной философии нет места искуплению чужих грехов. Каждый поступок и каждая мысль несут с собой свою награду или свое наказание. Причины, созданные и запущенные в действие поступками, мыслями или словами человека, произведут свои следствия, болезненные или приятные, совершенно независимо от какого-либо внешнего вмешательства. Нет такой силы во вселенной, которая могла бы что-то прибавить к страданиям или наслаждениям человека или убавить от них, кроме его самого. Закон кармы – это строгое приложение закона причинности к личному поведению. Карма состоит из всех дел, мыслей и слов, происходящих из мотивов личной выгоды; когда же они происходят из чисто бескорыстных мотивов, они не обуславливают жизнь человека, поскольку благодаря растворению эгоизма она все больше освобождается от ограничений и сливается с необусловленной жизнью, которая и есть само блаженство. Отсутствие ограничений или сопротивления всегда творит счастье. Карма же, какой бы хорошей она ни была, может дать лишь ограниченное и временное наслаждение. Отсутствие кармы, или исключение личности из своей жизни, – единственный путь к тому счастью, которое постоянно. Так божественное блаженство ускользает от загибающих рук тех, кто ищет его, но приходит само к тем, кто жертвует себя долгу.

Очевидным следствием семеричного состава человека является наша способность генерировать силу на разных планах бытия. Рассмотрение действия кармы на всех этих планах будет слишком сложным, чтобы предпринимать его здесь, и ради удобства мы

примем тройное деление. С этой точки зрения карма индивидуальности подразделяется на три класса – физическая, психическая и духовная.

Физической кармой будет сам поступок; психической – намерение или ментальная составляющая этого действия; духовная же карма имеет отношение к гармонии, лежащей в основе всей природы. Из закона духовной динамики, сформулированного в другом месте, ясно, что эта классификация приводится в порядке нарастания силы. Кармическая ценность всякого поступка есть результирующая этих трех типов сил. Допустим, например, два человека совершили поступки, в результате которых в следующем воплощении стали слепыми. Результат этой комбинации в одном случае сделает слепоту проклятием жизни, а в другом – принесет духовное развитие, которого иначе бы не произошло. Пока человек жив, его сознание ограничено самым низшим планом, и потому эффекты, производимые его кармой на высших планах, остаются лишь в виде зародышей; но когда после смерти его сознание, преодолев давление земных склонностей (что происходит при его проходе через кама-локу), возносится в более высокое состояние физического и духовного существования, известное как дэвачан, эти зародыши начинают раскрываться, держа индивидуальность в этом состоянии, пока неудовлетворенная физическая карма не перевесит психические и духовные силы, произведя следующее нисхождение в вещественную жизнь. Действие этого закона можно распознать и в ограниченной сфере – в том, что Дарвин называет образованием видов. Изменение окружающей среды, если животному вообще удастся пережить его, ведет к отмиранию бесполезных органов и развитию новых. Здесь мы видим, как сильное желание жить при определенном наборе обстоятельств заставляет тело соответственно измениться. Аналогично и тело, которое «я» получает в следующем воплощении, точно соответствует неудовлетворенным физическим желаниям, принесенным им из его прошлого воплощения. Повинуясь импульсу этих наклонностей, «я», ищущее воплощения, притягивается той парой, физические тела которой могут породить требуемое физическое тело. Та часть кармы

человека, которая осуществляется через унаследованные склонности, и есть то, что обычно называется законом наследственности.

Недавно закон кармы получил подтверждение из совсем неожиданных кругов. М-р Галтон, известный автор «Наследственного гения», позже написал другую важную книгу под названием «Исследования человеческих способностей и их развития».^[53] Там собрана любопытная статистика, касающаяся историй жизни близнецов. Исследовав большое количество случаев, он обнаружил, что встречались примеры, когда эти истории были практически идентичными. Близнецы, разделенные огромными расстояниями, в одно время заболели теми же болезнями, приводившими к тем же результатам – смерти или выздоровлению. На основании этого Галтон справедливо замечает: «Мы слишком склонны смотреть на болезнь и смерть как на случайность, а есть и такие, кто приписывает их прямым сверхъестественным вмешательствам; тогда как факт одинаковых заболеваний близнецов показывает, что болезнь и смерть – обязательные события в регулярной последовательности телесных изменений. Это почти буквальный перевод того, что говорит индусский моралист: болезни, печали и огорчения – плоды дерева заслуг и проступков смертного».

Вышеотмеченный факт вполне понятен на основании обычных научных гипотез. Человеческие однополые близнецы рождаются вовсе не так, как многочисленные детеныши самок животных. В отличие от последних они рождаются из одной яйцеклетки, отсюда и практическая идентичность жизней близнецов. Но есть столь же многочисленные случаи, так же хорошо подтвержденные, в которых жизни близнецов, несмотря на то что они одного пола, не имели совершенно никаких точек совпадения. Здесь мы цитируем один примечательный случай из многих приведенных Галтоном: «Близнецы получали до нынешнего момента *совершенно то же воспитание* и являются одинаково сильными и здоровыми, и в то же время во всех прочих отношениях – физическом, умственном и эмоциональном – они столь же несхожи, как и любые другие два мальчика».

Во всем, что известно ученым, причины, управляющие происхождением этих двух типов близнецов, в точности одинаковы.

Как же тогда объяснить эту разницу? Если бы наследственность была единственным фактором, то при одинаковом воспитании близнецы должны бы демонстрировать совершенное подобие во всех делах и событиях своей жизни, но факты противоречат таким ожиданиям. Если возразят, что, несмотря на утверждение противоположного, из-за неточности наблюдений не удалось распознать разницу в воспитании, то беспочвенность такого возражения будет нетрудно показать. М-р Галтон под сильным давлением фактов был вынужден заявить, что «нельзя не прийти к заключению, что природа в огромной степени преобладает над воспитанием». Достаточно взять пример кукушонка, который никогда не принимает ни одной из черт своих приемных родителей. Ясно, что все эти соображения с научной точки зрения говорят в пользу учения о карме, показывая, что на индивидуума действуют некоторые силы, отличные от тех, что действовали на его будущее тело в организмах его родителей. Потому отсюда также можно извлечь аргументы в пользу существования человеческого существа независимо от его физической телесной оболочки.

Когда в результате смерти человеческое «я» лишается физического тела и очищается в кама-локе от земных мыслей и желаний, сознательная единица, или высшее Я, переходит в более духовное состояние дэвачана, где раскрывает все психические и духовные силы, порожденные им в течение жизни на Земле. Оно продвигается на этих планах, пока латентные физические силы не начнут утверждать себя, и тогда поворачивает к новому воплощению. Небольшое рассуждение покажет, почему каждое следующее воплощение должно быть выше, чем предыдущее, и как психические и духовные силы, порожденные индивидуальностью, дают два набора следствий, один из которых определяет ее пребывание в дэвачане, а другой управляет ее следующим воплощением.

Учение о реинкарнации – это краеугольный камень эзотерической философии, так же как и всех архаических религий. Оно основывается на том факте природы, что все следствия должны быть соразмерны причинам. Энергия, запасенная за ограниченный период времени, не может создать результаты, простирающиеся на бесконечные времена. Мысленная энергия, представленная неудовлетворенными

физическими склонностями «я» и сохраняющаяся в его неразрушимой природе, требует для своего выражения физического существования; отсюда и необходимость перевоплощений. Если какое-либо человеческое «я» полностью лишено всех физических склонностей и тенденций, над ним уже не довлеет необходимость дальнейших рождений и смертей на физическом плане. Если выразиться на мистическом языке Востока, такое «я» прорвало колесо рождений (сансару) и достигло нирваны. Когда все человечество в целом достигнет совершенства и осуществит все физические возможности, сама наша Земля, завершив свой путь, перейдет в нирвану.

Дэвачан – это возвышенное состояние, вознаграждающее наши заслуги. Авичи – его противоположность, где каждое из наших духовных и психических зол приносит свое собственное наказание. Каждое действие и каждая мысль индивидуальности влекут там все свои последствия, которые фактически являются лишь развертыванием во времени самих этих мыслей или поступков, хотя ограниченность наших знаний не дает нам предвидеть их все. Никакого внешнего агента, чтобы вознаградить или наказать нас за добродетель или грех, не требуется – мы делаем это сами. Когда мы собираемся перейти из одной точки пространства в другую, мы вовсе не планируем сознательно нахождения во всех промежуточных точках, тем не менее одно намерение заключается в другом.

Вышеописанные состояния были названы дополнением к нашей земной жизни. Это создало ошибочное впечатление о степени реальности существования в дэвачане, но верное представление о том, что такое реальность, устранит такие заблуждения. В сравнении с абсолютной реальностью нереальны все явления, но каждый шаг в направлении реальности считается все более и более реальным. В этом смысле дэвачан, налагая меньше ограничений на знания, чем наша здешняя жизнь, по сравнению с нею более реален. Верно, что находящееся там существо не воспринимает земных вещей, но все физические факты, с которыми оно было знакомо при жизни (кроме самых грубоматериальных и потому обреченных на разрушение в кама-локе), существуют в дэвачане в своих духовных соответствиях. Другое возражение против реальности дэвачана состоит в отсутствии

там способности суждения, а также возможности обмена наблюдениями с другими и сравнения их. Однако оно столь же безосновательно, поскольку суждение и сравнение наблюдений вовсе не являются критерием реальности существования. Соответствия этих способностей в дэвачане определены иным характером существующих в этом состоянии представлений о времени и пространстве. Наше представление о пространстве определяется ощущением мускульных усилий, а о времени – передвижением тел; но на плане души эти представления определяются подобием и раскрытием мыслей. Люди, мыслящие схоже, будут ощущать себя в дэвачане близко друг от друга, а огромная панорама мысли может развернуться там за промежуток времени, соответствующий пяти или шести качаниям маятника. Опыт сновидения может послужить этому иллюстрацией, но аналогия со снами, которые мы считаем нереальными из-за их меньшего постоянства в сравнении с событиями обыденной жизни, не должна проводиться так далеко, чтобы придать дэвачану оттенок нереальности.

Другой трудный вопрос, связанный с этой темой, – могут ли воплощенные люди общаться с существами дэвачана. Мы решительно отвечаем «нет», исключая редкие условия. Как могут те, кто не сознает существования своей собственной души, получать впечатления от существ, живущих всецело на душевном плане? Ведь значительной части человека, а именно физического тела и физической жизни, по которой оценивают человека его собратья, у существа дэвачана нет, и потому возможности общения минимизированы. Однако из этого вовсе не следует делать вывод, что такие существа совсем не могут воздействовать на земных людей – напротив, они являются для нас неиссякаемым источником духовной энергии. Раскрывающиеся мысли высокодуховного человека, находящегося в дэвачане, будут воздействовать на высшие принципы воплощенных людей, если они вообще к ним восприимчивы, но если они при этом недостаточно духовны, чтобы сознать работу духа, они никогда не смогут проследить эти мысли к их источнику. Таким образом, будучи в дэвачане, хороший человек перестает быть *благим*, но становится *благом*. Здесь следует предупредить читателя, что

различные описанные нами сферы не есть какие-то особые места, а лишь состояния бытия, соответствующие разным принципам Земли.

Дальнейшее объяснение этих состояний мы дадим словами нашего любимого Учителя: «Арупа-лока, рупа-лока и кама-лока – три сферы возрастающей духовности, в которых несколько групп субъектных существ находят свои центры притяжения. В кама-локе (полуфизической сфере) обитают оболочки, жертвы несчастных случаев и самоубийцы. Эта сфера разделена на бесчисленные области и подобласти, отвечающие умственному состоянию приходящих в час их смерти. <...> Кто на Западе знает что-нибудь об истинном хилиокосме,^[54] состоящем из многочисленных областей, из которых лишь три могут быть названы внешнему миру? <...> После кама-локи и открывается этот великий хилиокосм. Раз пробужденные из своего посмертного оцепенения, вновь перенесенные „души“ идут (все, кроме оболочек), согласно своим притяжениям, в дэвачан либо в авичи. А эти состояния опять подразделяются до бесконечности, и их возрастающие степени духовности получают названия от лок (сфер), в которых они были наведены. Например, чувствования, восприятия и представления дэвачани в рупалоке, конечно, будут менее субъективного свойства, чем они были бы в арупа-локе; в обеих из них опыт дэвачана будет поразному представлять существу-субъекту – не только в том, что касается формы, цвета, субстанции, но также и в их образующих потенциальностях. Но даже самый возвышенный опыт монады в высочайшем состоянии дэвачана в арупа-локе (последнее из семи состояний) не может быть сравним с совершенно субъектным состоянием чистой духовности, из которого монада вышла, чтобы спуститься в материю, и к которому при завершении великого цикла она должна будет вернуться. Да и сама нирвана не может быть сравнима с паранирваной».^[55]

Суммируя, можно сказать, что разные порядки существования, окружающие нас, образуют семь классов, а именно:

1) Рупа-дэвы – планетные духи, связанные с рупа-локой. Они принадлежат не к самому высшему порядку, будучи еще во владениях рупы (формы).

2) Арупа-дэвы – высшие планетные духи, правящие арупалокой, у которой нет формы, – эти существа чисто субъектные.

3) Пишачи – оболочки, оставшиеся в кама-локе после перехода «я» в дэвачан.

4) Мара-рупа – оболочки личностей, необычайно привязанных к материальному, чья духовная и психическая жизнь, будучи совершенно пустой, не может перенести их в дэвачан.

5) Асуры – элементалы, имеющие человеческую форму.

6) Звери – элементалы низшего порядка, связанные с животными и разными элементами.

Два последних класса в будущем разовьются в людей.

7) Ракшасы (демоны) – души, или астральные формы, колдунов, людей, достигших вершины знаний в запретных искусствах. Мертвые или живые, они, так сказать, обманули природу и не подчинятся общему порядку эволюции, пока наша планета не перейдет в пралаю, когда им придется повернуть и, упав в общий поток, начать жизненный путь заново. Под этим именем в санскритских писаниях часто упоминаются атланты.

Большинство магических операций, проводимых занимающимися черной магией, совершается при помощи элементалов, а в редких случаях – также и при помощи элементариев. Более мощные злые силы, существующие в природе, известны лишь регулярным адептам этой зловредной науки. Некоторые развращенные люди добывают себе мужей и жен из элементальных существ, которые, не имея своей определенной формы, легко воплощают тот идеал, который находят в уме мага. Элементарии самоубийц или жертв несчастных случаев, в особенности погибших от молнии, усиленно разыскиваются черными магами, и причина такого предпочтения очевидна. Черная магия также дает своим приверженцам способность одержания живущих людей. Это подлое искусство достигло вершины к концу периода атлантской расы, когда вечная борьба черных магов с адептами Благочестия шла особенно жаростно.

Колдуны и черные маги, самые могущественные члены этих зловредных групп, достигают в завершение великого цикла деятельности того, что называется авичи-нирваной. В начале

следующего периода они начнут жизнь духовного зла, которой нет названия и которая окончится только к следующему периоду покоя. Имя этих несчастных и ужасных существ, проклятых и человеком, и богом, никогда не произносится и не пишется, но можно сказать, что они не имеют ничего общего с простыми смертными, которые проходят через семь сфер. Они – обитатели восьмой сферы, у которой есть шестнадцать степеней. В первых четырнадцати из них существо после продолжительных периодов страдания теряет семь своих астральных и семь духовных чувств. Тайны же последних двух степеней никогда не сообщаются вне святилищ посвящений. Однако можно сказать, что из последней, потеряв всю накопленную злую энергию прошлого, существо выходит новой индивидуальностью, чтобы начать новый путь с самой низшей ступени лестницы жизни.

Давая объяснение этому так называемому уничтожению личности, наш Учитель говорит: «В этот момент великий закон начинает свою работу по отбору. Материя, которая отвратилась от духа настолько, насколько это возможно, ввергается в еще более низкие миры, в шестые „врата“ или на путь повторного рождения в растительном и минеральном мирах, а также в примитивных животных формах. Оттуда материя, отход в мастерской природы, бездушной отправляется к своему материнскому источнику, тогда как Я, очищенные от своего шлака, получают возможность еще раз возобновить свой прогресс на земле. Именно здесь „я-трутни“ погибают миллионами. Серьезный момент выживания наиболее приспособленных – уничтожение негодных. Это лишь материя (или материальный человек) побуждается своим собственным весом опуститься на самое дно „круга необходимости“, чтобы принять затем животную форму... Конечно же монада никогда не погибает, что бы ни случилось».

Чтобы не создалось неверного представления, необходимо указать, что сказанное Учителем не оправдывает веру в регресс душ. Человеческий дух никогда не будет населять форму животного. В своем нисхождении через «круг необходимости» монада теряет все следы человеческих качеств и, обесцвеченная, начинает вновь

подниматься через различные стадии. Столь же абсурдно обвинять человека в людоедстве,

Глава X. Оккультная иерархия

Данная книга оказалась бы совсем уж отрывочным фрагментом, если бы мы позволили ей остаться без более подробного отчета о тех духовно возвышенных людях, адептахучителях эзотерической доктрины, ссылки на которых постоянно делались на этих страницах. Эта тема уместна здесь не только потому, что одному из них авторы в значительной мере обязаны получением тех учений, которые они здесь столь несовершенно представили, но и потому, что из всех фактов, касающихся человека, которые человек забыл, природа и существование этих существ являются самыми важными. До того как темные тени материализма, церковного и научного, распростерлись над человечеством, было время, когда адепт, как царь и как первосвященник, направлял прогресс нашей расы, и даже в период запустения, через который человечество проходило во время цикла своего нисхождения, поток адептства прекратился не полностью. Лишь в течение последних пятисот лет храмы пришли в полное запустение, и голос священника оказался совсем задүшен тяжестью эгоизма и материализма. Духовное знание, хранителями которого являются адепты, – результат исследований, проводившихся и накапливавшихся их поколениями, начиная от первого появления человечества. Ранее уже упоминалось, что при рождении человека на нашу планету пришел дхьян-чохан, чтобы обитать здесь и наставлять детей Земли. Для тех же целей необходимо, чтобы эти духовные существа являлись на важных поворотах, и особенно в двух концах великих циклов. Но, как говорит наш Учитель, «они остаются с человеком не дольше, чем требуется для того, чтобы вечные истины, которым они учат, так сильно запечатлелись в пластичных умах новых рас, чтобы они не могли быть полностью потеряны или забыты будущими поколениями в последующие века». Миссия планетарного духа – лишь задать основной тон Истины. Но раз направив ее вибрацию, чтобы она непрерывно шла вместе с цепью рас до конца цикла, этот житель высшей из обитаемых сфер исчезает с поверхности нашей планеты до следующего оживания плоти. Эти вибрации

изначальных истин есть то, что ваши философы называют врожденными идеями.

Почти все основные мировые религии сохранили предания о явлении этого планетарного духа и передаче им человечеству вечных истин через человека, «избранного» для этой цели. Брахманы называют его Брахмой, великим Творцом (но не высшим принципом), явившимся на Землю возле озера Манасаровар в Тибете и открывшим Веды семи риши. Это экзотерическая версия того факта, что планетарный дух передал человечеству духовное знание и основал иерархию адептов. Предание зороастрийцев о первом Зороастре тоже относится именно к этому. Можно провести исследования египетской, халдейской и прочих древних религий, и они дадут те же неизменные результаты. Согласно учению эзотерической доктрины, брахманы, маги и прочие священнодейственные ордена происходят из того же источника. Иерархия адептов многие века состояла из людей, глубоко сведущих в физической и психической науке и унаследовавших знание, переданное планетарным духом. Все они хранили безбрачие и сохраняли свои знания путем посвящения в них неофитов-добровольцев. Со временем количество адептов стало слишком велико, чтобы все они умещались в своем первоначальном доме, и поэтому они распространились по всему земному шару, основывая новые центры оккультной организации по образцу первоначальной. Постоянный приток новых членов в оккультное братство в конце концов привел к установлению более строгих правил принятия и отклонению менее компетентных. Именно в это время был предпринят эксперимент на предмет того, можно ли продолжать линию адептов наследственно. Главы иерархии посоветовали частичным адептам, чьи шансы на дальнейший прогресс не были велики, вернуться в мир и жениться. Эксперимент не удался и принес миру тиранию жречества, которая продолжается до наших дней. Не следует, однако, забывать, что, хотя этот эксперимент и не дал желаемых результатов, класс людей, созданный им, дал впоследствии больше адептов, чем какой-либо другой. Возвращение этих полуадептов в мир положило начало ритуалам церемониальной магии, в более или менее разработанной форме существующим во

всех церковных системах, а во множестве случаев превратившимся в колдовство и черную магию. Институт женатых жрецов, санкционированный предписаниями религий, поглощал все больше неофитов, искавших допуска в братство адептов. И никто из тех, чьи духовные устремления не превышали те, что могли быть удовлетворены в обычном жречестве, не отправлялся дальше на поиск знаний. Истинным адептам, которых мир не мог отличить от общей массы жрецов, разве что по их безбрачию, пришлось для продолжения своего развития и наставления учеников найти прибежище в храмовых мистериях и других тайных учреждениях. Изолированные мистические общины, преследуемые или просто не удостоиваемые внимания, являются их остатками. Они не относятся к какой-либо из регулярных лож и очень редко имеют в своих рядах каких-либо настоящих адептов.

Иерархия адептов, как мы увидели, была учреждена дхьянчоханом для присмотра за растущим человечеством и его защиты. Понять, что за сферу занимает она в общей схеме эволюционной необходимости, не очень трудно. Во все века была известна истина, что Неизвестное Нечто, стоящее за всеми феноменальными проявлениями, в совокупности своей образующими космос, есть абсолютное сознание, и даже сейчас отзвуки этой истины отчетливо слышимы. От этой реальности путем процесса, который идеалисты и мистики всех веков считали ошибкой или выступлением в долгий путь блужданий, возникла вселенная. Эта реальность – единственная вечная субстанция, и поскольку ее проявление подразумевает необходимость времени, это проявление, рассматриваемое само по себе, должно быть конечным. Космос должен будет вернуться в безмолвие непроявленности, которое, конечно, вовсе не уничтожение. А поскольку проявленное однажды возникло из непроявленного, оно должно в отсутствие всяких причин к противоположному повторять этот процесс. Такова метафизическая необходимость доктрины циклов, или периодичности, которая раздробляет вечность на неопределенное количество проявлений и поглощений. Следуя этой великой истине, мы обнаруживаем, что проявление сознания, ныне известное как человек, снова достигнет состояния непроявленного

сознания. Но чтобы такое завершение было возможно, оно должно присутствовать в виде постоянной возможности; или, скорее, серебряная нить, соединяющая разные состояния, действительные и потенциальные, должна поддерживаться их осуществлением во вселенной во всякий момент времени. Чтобы сделать конечное возвращение каждой заключенной монады к породившему ее источнику реальным, во вселенной должны всегда присутствовать все различные состояния сознания – от состояния этой монады до состояния непроявленного сознания, ибо если даже на один момент эта цепь прервется малейшим зазором, то не будет мыслимой причины, почему бы этот разрыв мог быть снова заполнен и соединен. Всякое противоположное предположение лишило бы сам смысл осмысленности.

Очевидно, что и в меньшем масштабе, в силу этих соображений, на Земле всегда должны присутствовать человеческие существа разных планов сознания (*не* разума). Вряд ли необходимо указывать, что объекты сознания будут варьироваться соответственно этим планам и что степень знания будет также зависеть от того, приближаемся ли мы к пределу всезнания, осуществимому в абсолюте, или удаляемся от него. Адепты и их иерархия – логический результат этой необходимости.

Классов адептов – семь. Следует помнить, что это число взято не произвольно, но потому что природа действует семерками, и все усилия по оправданию великой важности, придаваемой этому числу мистиками всех веков и стран, указывают, что это факт. Семь является мистическим числом, потому что существует универсальный закон, по которому каждый естественный порядок завершается семерками. Абсолютная мудрость вселенной – это центральное духовное Солнце, упоминаемое в мистических трактатах. Когда наступает день природы, это Солнце посылает семь лучей, каждый из которых опять семерично подразделяется. Все люди, или, скорее, их духовные Я, находятся на том или ином из этих семи лучей мудрости. Отсюда и необходимость семи типов адептов. Из этих семи обычно говорится лишь о пяти; последние же два понимаются только высшими посвященными. Главы этих пяти классов известны в Тибете как хутукту, или драгоценности

мудрости. Все адепты в мире, за исключением немногих, принадлежащих к двум таинственным орденам, должны быть верны одному из этих пяти, которые не связаны с какой-то конкретной ложей адептов, но являются признанными главами всех лож, из которых сейчас существуют три – одна в Тибете, другая – в Египте, а третья – в месте, которого нам не позволено называть. Хутукту должны периодически посещать эти разные ложи, но обычно они живут в Тибете. Два высших адепта, насколько известно, живут в одном оазисе в пустыне Гоби, где посещать их дозволяется только высшим адептам. Их природа и характер столь же мало понимаются рядовыми посвященными, как природа адептов – внешним миром. Разные ложи, хотя и следуют в своих занятиях тем же общим принципам, имеют различия в процедуре, касающиеся подробностей. Адепты, как хорошо известно, не хранят верность какой-либо конкретной церковной системе, и фактически на определенной стадии своего развития они даже должны торжественно провозгласить свою независимость от любой формальной религии; не позволено им участвовать и в каком-либо ритуале, имеющем магические цели. Кроме того, адептство не ограничено какойлибо страной. Среди ныне живущих адептов есть англичане, венгры, греки и индейцы, не говоря уж об азиатах всех национальностей.

Есть девять степеней адептов, и у каждой степени – семь подразделений. В системе брахманов эти степени упоминаются как девять драгоценностей (нава нидхи). Когда какая-либо индивидуальность достигает десятого посвящения, Земля больше не может предоставить ей дальнейшего пространства для эволюции. В некоторых тантрических трактатах первая степень представлена следующим образом. На земле лежит расprostертое тело человека, обвитое змеями. Ногами на его груди стоит темная женщина устрашающего вида. В ее руках оружие, ее украшения состоят из ожерелий отрубленных голов асуров (гигантов), а пояс – из их отрубленных конечностей, из которых льется кровь. Это Кали, или Бхавани, – богиня, столь неправильно понятая и извращенная недоброй памяти тэгами.

^[56] Змеи здесь символизируют мудрость, с помощью которой неофит связывает свое физическое тело, представленное распростертой фигурой, которую попирает его пробужденная духовная природа. Тогда истинный человек, обычно неактивный и потому уместно олицетворяемый женщиной, супругой физического человека, после страшной борьбы сбрасывает ярмо мучившего ее супостата и, истребляя полчища асуров, т. е. отсекая страсти и желания нашей земной природы, украшает ее персону их отсеченными конечностями. Весь этот символ представляет ужасную сторону усилий человека по избавлению от уз плоти. Он также означает, что адепту придется бороться со всеми злыми силами, существующими в природе, – не только с его собственными, но также и с соотносящимися с ними силами во внешнем мире, имеющими весьма зловредный характер.

Когда человек доходит до этой стадии, он становится членом тайного братства и готовит себя к другим, более высоким степеням. Его символом является также нищий, у которого есть девять драгоценностей, каждая из которых символически представляет одну из степеней посвящения, способ, каким она достигается, и результаты, которые за ней следуют.

Десятая же не достигается на этой Земле. Как только человек готов для десятой степени, он переходит в другие сферы. Это передается весьма впечатляющей картиной, где изображается женщина, стоящая на нераскрывшемся лотосе, которая держит в одной руке свою голову, а в другой – меч, которым она ее отрубила. Из шеи этой обезглавленной женщины вытекают три потока крови. Один падает в ее собственный рот, а два других – в рты двух ее товарищей. Смысл этого символа таков: лотос всегда представляет наш космос, а не раскрыт он потому, что космос не может быть *вполне* постижим для человека, пока эта последняя стадия не достигнута. Отсечение своей головы показывает необходимость полного избавления от своего эгоизма, а три потока крови указывают на то, что когда человек таким образом освобождается от своей личности и эгоизма, он приобретает способность вливать жизнь в три мира, которые здесь означают совокупность нашей вселенной.^[57]

Ниже самой низшей из степеней адептов есть разные степени посвящения. Неофит по достижении низшей из этих степеней перестает принадлежать к профанам,^[58] допускается в святилище и с тех пор признается членом оккультного братства.

Ученики эзотерической науки, стоящие ниже ранга посвященных, в Индии обычно называются *челами*, которые опять же подразделяются на два класса – регулярные, принятые, челы и челы на испытании. Последние – это предложившие себя в качестве кандидатов на обучение и получившие от адептов согласие, что им будет позволено попытаться. Находясь на трудном пути, который они отважились предпринять, они получают не больше помощи и ободрения, чем могут дать их собственная серьезность намерения и сила воли. Эмоциональный сентименталист, приступающий к учению со смутным чувством духовной жажды, мало сознает, какие качества требуются для этой задачи. Ученичество – это суровое испытание на силу воли и отсутствие эгоизма, и если у человека нет этих качеств, он может быть уверен в неудаче.

Обычно такие люди из-за своего интереса к оккультной литературе мечтают стать учениками адептов, владеющих тайнами природы и обладающих духовной властью в степени, которая и не снилась большинству человечества. Такой интерес растет или ослабляется соответственно побудительному мотиву, управляющему характером человека. Научиться высоко ценить такое обучение – это первый шаг, а стремление к большему свету допускает кандидата к стадии испытания. Его прогресс зависит от нескольких условий, которые вкупе с основным обеспечат ему разумную надежду на успех. Это здравый ум и здоровое тело, верные нравственные принципы и хорошо дисциплинированная природа. Затем начинается работа, и в чем, как вы думаете, она состоит? В исполнении неких установленных правил и уставов, выпускаемых, подобно указам царя или командам военачальника? Многим хотелось бы их получать, потому что легче следовать указаниям вождя, чем открывать путь самостоятельно, без внешнего руководства. Но нет – побуждающая сила должна быть в самом неофите, и без нее ему не на что надеяться. Как только он показал, что его желание добиться успеха сильнее, чем отвлекающие,

засасывающие материальные заботы жизни, которые захватывают огромное большинство людей, следующий шаг становится для него ясен, но он может потребовать более долгого времени и большего испытания на терпение, чем под силу даже человеку с сильной волей. Те, кто настойчиво движутся в верном направлении, достигают успеха, но для того, чтобы открыть, который путь верный, должна быть развита интуиция.

Различия в темпераментах таковы, что то, что легко для одного, оказывается безжалостным испытанием для другого, и непреклонное правило адептов оккультной науки – предоставлять каждого самому себе, не давая для совершения попытки никакого иного стимула, чем их собственный возвышенный пример. Если достиг успеха один, то может его достичь и другой, и стремящийся может оставить битву или выиграть ее – как решит он сам. Это всецело вопрос стойкости, решительных и непрестанных усилий в верном направлении. Пройдя стадию испытания, принятый чела встречается с новыми трудностями, но у него теперь есть и дополнительная сила, чтобы бороться с ними. Раз принятое решение стать челою подкрепляется постоянными умственными усилиями, а учителю надлежит распознать качества этого челы и направить его будущие шаги.

Челы, по правде сказать, не рождаются от внезапного рвения или эмоционального желания. Это те, кто знают и сознают, что есть знание, которым они овладеют, если смогут найти его, что есть в них способности, которые они могут развить, если только поймут законы, управляющие этими силами, и что есть учителя, обладающие мудростью и способные передать ее, если ученик заслуживает их одобрения. Принятые челы живут в свете знания, приобретенного через духовное раскрытие, они видят мир взглядом, менее замутненным и менее искаженным иллюзиями и плотскими желаниями. Нередко они идут к своей цели мучительными путями и достигают победы, проходя через испытания, перед которыми отступили бы все, кроме самых стойких и решительных. Дорога, которой прошел чела, на каждом своем дюйме усыпана остатками битв, которые ему приходилось вести с самим собой. У него нет и вполтину столь сильного врага, как его собственная эгоистическая

земная природа, за дисциплину которой он взялся и о силе которой он не имеет представления, пока основательно и серьезно не возьмется за работу очищения. Избавиться от «я», заботиться о благе других так, как если бы это было его собственным истинным интересом, быть чистым и целомудренным, скромным и терпеливым – вот какие он ставит себе задачи. Дельфийский оракул сказал: «Человек, познай себя», – и единственный путь к этому самопознанию лежит через знание долга. Жертвовать своим «я» иначе как при исполнении своего долга – это форма эгоизма, столь же опасная, как и незаметная. Кришна говорит Арджуне в Бхагавад-гите: «Праведно умереть при исполнении своего долга, чужой же долг окружен опасностями». И так же, как скупость происходит от извращенного понимания ценности денег, так и болезненное желание самопожертвования, отделенное от исполнения долга, порождено искаженным умом, по ошибке принявшим средство за саму цель.

Для истинного челы условности повседневной жизни столь же неудовлетворительны, как противен ему и материализм экзотерических религиозных доктрин, и он, не находя там покоя для своего духа, обретает прибежище в долге как единственном средстве, предохраняющем от отчаяния. Он тот, кто жил столь мудро, что нашел пути эгоизма в себе, как и в других, слишком тяжелыми, и для кого нет иной жизни, чем жизнь высших начал его существа.

Счастливы такие натуры, если они находят путь и истину, и трижды счастливы те, кто, найдя ее, принимаются в ученики Великих Учителей, в которых нет ни тени эгоизма, ни признака несправедливости, ни мысли о земных наградах и признании!

Согласно брахманским трактатам об оккультизме и свидетельствам его живых приверженцев, есть четыре шага, технически именуемых «достижениями», которые ведут неопита к степени принятого челы.

Первое необходимое достижение – это знание реального и нереального. Цель, которой достигают с помощью «Великой науки», как она называется, – это осознание истинного, а адептство – лишь признак определенной стадии этого осознания. Ясно, что первый шаг к этому – приобретение интеллектуального понимания того, что такое истина. Но что есть истина? Негоже неопиту задавать этот вопрос,

подобно насмехавшемуся проконсулу, и отказываться ждать ответа. Задай Пилат этот вопрос на санскрите, ответ был бы на его собственных устах. Ибо само санскритское слово предлагает ключ к природе истины. В этом языке истина и реальность носят то же имя, и реальность определяется как то, что неподвержено времени, или, по причудливому выражению оригинала, остается свидетелем трех делений времени – прошлого, настоящего и будущего. Первое достижение поэтому состоит в глубокой интеллектуальной убежденности в том факте, что все, что кажется обладающим существованием, отдельным от

Парабрахмана, есть просто видимое изменение (майа).

Второе достижение отмечает следующий шаг пути, и это – постоянный эффект, оказанный на ум теоретическим знанием, составлявшим предыдущее достижение. Раз поняв иллюзорный характер окружающих его предметов, неофит перестает их желать, и таким образом он готов ко второму достижению – совершенному безразличию к получению удовольствия от плодов своей деятельности, как получаемых сейчас, так и будущих.

Экзотерические изучающие из-за своей неспособности схватить истинный дух предписания против действия по импульсу желания впадают в прискорбную ошибку – они полагают, что лучшая подготовка к духовной жизни – насильственное подавление всех внешних проявлений желания, совершенно упуская из виду тот факт, что даже самое строгое воздержание от физических действий не останавливает действия на высших планах духовного или ментального существования. Шанкарачарья в своих комментариях к Бхагавад-гите – одному из самых авторитетных священных писаний брахманов – говорит, что такое заключение – просто заблуждение. Здесь могут сделать поспешное предположение, что такие соображения приведут к потворствованию пороку, но когда желание совершенствоваться присутствует в уме постоянно, а характер зла основательно осознан, каждая неудача в усилиях привести в гармонию внешнюю и внутреннюю природу станет благодаря отвращению к вызванному этим чувству укреплять решимость в такой степени, что порочное желание будет быстро сокрушено. Вот почему Элифас Леви столь

яростно отвергал институт насильственного безбрачия у католических священников. Личность человека в любой момент является результатом всех его прежних поступков, мыслей и эмоций, энергия которых постоянно склоняет ум действовать тем или иным образом. Потому все попытки исцелить эту умственную наклонность путем подавления ее выражения на внешнем плане столь же вредны, как были бы попытки вернуть в организм нездоровую кровь, ищущую естественного выхода. Внутреннее желание всегда куёт новые звенья в цепи материального существования, даже если ему отказывают во внешнем проявлении. Единственный способ освободиться от уз кармы, приносящей рождение и смерть, – это позволить накопленной энергии исчерпаться просто как части великой космической энергии и не окрашивать ее личностью, относя ее к себе. Сама Бхагавад-гита говорит об этом без всякой тени сомнения. Великий Учитель Кришна укоряет своего ученика Арджуну за выраженное им нежелание исполнять долг, относящийся к его месту в жизни. Причина этого совершенно ясна: в сравнении с великой реальностью все в этом мире нереально, и потому отказываться от обязанностей, наложенных на нас рождением, ради чего-то столь же нереального – только подчеркивать невежество, которое и заставляет нереальное казаться реальным. Самый мудрый порядок действий, предложенный Кришной, состоит в том, чтобы Арджуна исполнял все свои обязанности бескорыстно. «В твоём праве – только действие, – говорит Учитель. – Оно оканчивается с совершением поступка и никогда не распространяется на его результат». Мы должны исполнять свой долг ради самого долга и никогда не должны позволять уму, будь то с удовольствием или с болью, сосредотачиваться на плодах наших действий. Очищенное от корыстной окраски действие проходит подобно воде, текущей по листу лотоса, не смачивая его. Но если поступок совершается как средство достижения какой-либо личной цели, ум приобретает склонность повторять этот поступок, тем вызывая необходимость дальнейших воплощений, чтобы эту тенденцию исчерпать.

Из вышеприведенных соображений достаточно ясно, что оккультизм предписывает своим последователям необходимость

неусыпного и пылкого устремления к исполнению долга, сфера которого расширяется первым достижением, требующим основательного признания единства своей индивидуальности со всем сущим. Сентиментального восприятия этой великой истины недостаточно – она должна проживаться в каждом поступке жизни. Потому для начала ученик должен сделать все, что в его силах, чтобы приносить всем пользу на обычном, физическом плане, однако перенося по мере своего развития свою деятельность на высший интеллектуальный и духовный планы.

Это подводит нас к рассмотрению третьего достижения, которое состоит в приобретении шести необходимых качеств в том порядке, в каком они здесь разбираются. Первое из них называется на санскрите «шама» и состоит в достижении полного господства над умом (местопребыванием эмоций и желаний), чтобы он действовал в подчинении разуму, который был очищен и укреплен достижением тех двух степеней развития, на которых мы уже останавливались. Когда это сделано, ум полностью очищается от всех злых и глупых желаний.

Предписание очистить свой ум, прежде чем очищать свои поступки, с первого взгляда кажется странным, но практическая полезность такого порядка действий по размышлении станет очевидной. Мы уже видели, какие разнообразные следствия производятся тем же количеством энергии, в зависимости от того, на каком плане она была израсходована, и конечно же план ума выше плана наших чувств. Кроме того, насильственное воздержание от физических зол очень мало помогает развитию той энергии, которая лишь одна и может дать нам силу приблизиться к истине. Наши мысли, при обычных обстоятельствах управляемые законом ассоциации, заставляют нас созерцать случаи, имевшие место ранее в нашей жизни, таким образом производя столько же ментального возмущения и забирая у нас столько же ментальной энергии, как если бы мы действительно повторяли эти поступки много раз. Потому на самом деле шама – прерывание действия закона ассоциации идей, который порабощает наше воображение, а когда воображение очищено, устраняется и главная трудность.

Следующее качество, полное господство над телесными поступками, называемое на санскрите «дама», происходит как неизбежное следствие от ранее описанного качества и не требует большого объяснения.

Третье качество, известное брахманам как «упарати», – это отречение от всякой формальной религии и способность при исполнении поставленных перед собой великих задач смотреть на вещи, нисколько не беспокоясь. Здесь от стремящегося к духовному знанию требуется не позволять, чтобы его полезность и симпатии были сужены преобладанием какой-либо конкретной церковной системы, а его отречение от мирских вещей не должно происходить просто от неспособности их оценить. Когда это состояние достигнуто, опасность искушения устранена. Как сказал индийский поэт, только те обладают истинной стойкостью, кто сохраняет уравновешенность своего ума в присутствии искушения.

Четвертым по порядку идет прекращение желания и постоянная готовность расстаться с чем угодно в этом мире (титикша). Типичная иллюстрация этого качества, дающаяся в нашей мистической литературе, – это отсутствие обиды на несправедливость. Когда это качество вполне достигнуто, в уме возникает неистощимый источник бодрости, смывающий всякие следы озабоченности и беспокойства.

Затем приобретается качество, именуемое «самадхана», которое делает ученика органически неспособным отклониться от правильного пути. В некотором смысле оно является дополнением третьего из вышеперечисленных. Сначала все эгоистические мотивы, соблазняющие человека сойти с избранного пути, теряют свою хватку и уже не властны над ним, и наконец он совершенствуется до такой степени, что по зову долга без колебаний может взяться за любое мирское занятие с уверенностью, что вернется к своей обычной жизни по выполнении взятой им на себя задачи.

Еще одно качество, необходимое, чтобы увенчать работу неофита, – это безусловная уверенность в способности Учителя научить его и в своей собственной способности научиться (шраддха). Важность этого качества может быть неправильно понята. Доверие к учителю требуется не как средство для построения священнической иерархии,

но по совершенно другой причине. Вероятно, вы охотно признаете, что способность к восприятию истины не одинакова у всех умов. Для истины в уме человека есть точка насыщения, подобная точке конденсации, существующей для водяных паров в атмосфере. Во всяком уме, когда он достигает этой точки, свежая истина становится неотличимой от лжи. Истина должна прорасти в наших умах медленно и постепенно, и в Бхагавад-гите содержится строгое предписание против «поколебания веры народа» слишком внезапным откровением эзотерического знания. В то же время следует помнить, что ни от кого не требуется стремиться к вещи, реальность которой невероятна, и страна грез наркомана никогда не будет предметом исследований кого-то другого. Истина, воспринятая высшими способностями адептов, не может быть подтверждена тем, кто еще не развил эти способности, кроме как путем демонстрации того, что она связывается с другими, уже известными истинами, и принятием заявлений тех, кто заявляет, что знает ее. Подтверждение со стороны знающего авторитета – достаточная гарантия того, что исследование не будет бесплодным. Но принимать какой-либо авторитет как конечный, отвергая необходимость независимого исследования, губительно для всякого прогресса. Фактически ничто не должно безоговорочно и слепо приниматься на веру. Более того, восточный мудрец заходит так далеко, что говорит, что полагаться только на авторитет грешно, даже если это авторитет писаний.

Наш Учитель говорит: «Адептам, т. е. воплощенным духам, нашими мудрыми и непреложными законами запрещено полностью подчинять себе другую, более слабую волю человека, который рожден свободным». Мудрость принятого ими порядка действий почти самоочевидна. Разумность – это незамедлительное постижение того факта, что лишь вечное истинно, а размышление – это попытка проследить существование вещи по всей шкале времени; чем длиннее период, на который простирается эта операция, тем более полным и удовлетворительным считается размышление. Но в момент, когда познанный факт осознается на плане вечности, разумность превращается в сознание – сын соединяется с отцом, как выразился бы христианский мистик. Почему же тогда, могут спросить, доверие к

знаниям учителя вообще должно быть неременным условием? Ответ лежит на поверхности. Никто не возьмет на себя труд предпринимать исследование того, во что он не верит. Но такое доверие никоим образом не требует отказа от разума. Вторая часть этого требования – уверенность в своей собственной способности учиться – необходимая основа для всех усилий по продвижению вперед. Поэт изрек более глубокую истину, чем понимал сам, сказав: «Самоуничтожение ведет к рабству у деспотов и негодяев».

В тот момент, когда человек полностью поверит, что он не способен достичь высшего идеала, который только может представить, он и теряет эту способность; убежденность в своей слабости, которая, как ему кажется, его поддерживает, в действительности лишает его силы; ведь никто не стремится к тому, что он считает абсолютно за пределами достижения. Оккультизм учит нас, что человек наследует бесконечное совершенство. Он не должен возводить хулу на свое внутреннее божественное Я, аугэйдос греков и атму брахманов, путем самоуничтожения, ибо это будет непростительный грех, грех против Святого Духа. Христианские доктора-богословы тщетно пытались выяснить, что же это за грех, который страшнее всех, но истинное его значение лежит за пределами узкого горизонта их богословия.

Последнее требуемое достижение – это сильное устремление к освобождению от обусловленного существования и к преображению в Единую Жизнь (мумукшатва). Сперва могут подумать, что это требование излишне, поскольку практически подразумевается вторым достижением. Но такое предположение будет столь же ошибочным, как и отождествление нирваны с уничтожением всякой жизни. Второе достижение – это отсутствие желания жизни как средства эгоистического удовольствия, тогда как четвертое имеет позитивный характер стремления к той жизни, верного представления о которой не может иметь никто, кроме уже имеющих три первых достижения. Все, что здесь нужно указать, – это что неопит должен узнать истинную природу своего «я» и приобрести решимость постоянно сохранять это знание, таким образом избавившись от тела, созданного

из-за того, что его представление о «я» цеплялось за иллюзорный предмет.

Теперь мы перейдем к рассмотрению минимального количества этих достижений, которое необходимо для успешного изучения оккультизма. Если стремление к освобождению, составляющее четвертое условие, лишь умеренно, но второе, безразличие к плодам своей деятельности, развито вполне, и шесть качеств, составляющих третье, достаточно развиты, успех достигается при помощи учителя, который направляет будущие воплощения ученика и выравнивает его путь к адептству. Но если все достижения одинаково велики, ученик становится адептом в том же воплощении. Развитие же шести качеств без второго и четвертого достижений будет подобно поливанию бесплодной земли.

Принятые ученики – это те, кто развили четыре достижения до определенной степени и проходят практическую подготовку, чтобы стать адептами в этой жизни; к испытуемым же относятся те, кто готовится под руководством своих учителей к принятию в ученики.

Несколько слов здесь можно сказать о «мирских челах» – тех, кто изучает оккультизм без всяких намерений претендовать на регулярное ученичество. Очевидно, что теоретическим изучением эзотерической доктрины можно прийти к первому достижению из четырех, и эффект, оказываемый этим на следующее воплощение человека, нельзя переоценить. Порожденная таким образом духовная энергия приведет его к рождению в условиях, благоприятных для приобретения прочих качеств и духовного прогресса в целом.

Мирские челы, как следует из названия, – это живущие в миру мужчины и женщины, которые, уже понимая высшее учение и высшую жизнь и почитая Учителей, еще не способны преодолеть свое личное желание мирских успехов. Они ограничивают свой духовный рост приверженностью тем узам, которые они наложили на себя своей собственной кармой, и, сознавая возможности человеческого духа, еще не достигли той точки, когда они с помощью железной воли могут пробудить спящие в них силы. Они – пленники в мирских цепях, которые, выглядывая из-за тюремных стен, шлют пламенный привет своим товарищам, занятым борьбой по покорению самих себя. Во

власти мирских чел когда угодно прекратить свое добровольное заточение и стать челами на испытании, и когда они готовы, дверь перед ними открывается. Достичь всего, что возможно для человека, – привилегия каждого; ибо всеми и каждым управляют те же законы кармы. Немецкий поэт и философ Гете мудро заметил: «Единственный настоящий атеизм – это отчаяние».

Интеллектуальное понимание эзотерической доктрины не лишено своих преимуществ. Об этом величайший из оккультных учителей Индии, Шанкара, говорит: «Теоретическое изучение философии, хотя бы и не сопровождаемое требуемыми достижениями, дает в восемьдесят раз больше заслуг, чем исполнение всех формальных обязанностей, налагаемых религией».

Во внешнем мире распространилось весьма превратное представление о махатмах, и многие придерживаются совершенно искаженных взглядов на их природу, духовные достижения и их братские отношения с другими людьми. Их ошибочно представляют полностью лишенными человеческих чувств и сопереживания несовершенствам и слабостям человечества. Их рисуют стражами непреклонного закона, не знающего пощады и сострадания, которому безразличны повседневные испытания и печали человеческой природы. Такое ложное представление о них сложилось по нескольким причинам, главная из которых – наш собственный эгоизм, не позволяющий нам понять совершенное *бескорыстие*. Они – приверженцы абстрактной справедливости, служители неизменного, незыблемого закона, и чем больше их власть, тем больше и их повиновение этому закону. Не будучи привязаны к «я», они не имеют и личных интересов или индивидуальных предпочтений. Поскольку они таковы и не выказывают в своих действиях ни дружбы, ни вражды, людьми, которые не могут оценить столь возвышенные мотивы и идеалы, они понимаются превратно. В отличие от обычных людей с их личными слабостями, находясь выше ограничений повседневных желаний и потребностей, не скованные цепями, которые держат в подчинении человека плотского, они живут всецело в духе. Озеро на горной вершине их существа никогда не возмущается, потому что шквалы капризов никогда не проносятся через их души.

Оно всегда – ясное зеркало, отражающее жизнь вечную и простирающее над «домом жизни» образ мира и безмятежности. Бескорыстие махатмы дает такой стандарт справедливости, который не допустит поступка, несправедливого даже к малейшему из нас, даже если это послужило бы благу большинства. На индивидуальное стремление достичь нирваны (кульминации всего знания) они смотрят как на в конечном счете лишь возвышенный эгоизм, и только самопожертвование в стремлении найти лучшие средства, чтобы привести наших ближних на правильный путь и дать возможность получить от этого преимущество как можно большему числу своих собратьев, составляет, по их мнению, истинное адепство. Они отбрасывают свое личное, иллюзорное и кажущееся «я» и признают свое истинное Я трансцендентальной божественной жизни. Наш Учитель говорит: «Если мы не хотим быть эгоистами, мы должны стараться побудить других людей увидеть эту истину и распознать реальность этого трансцендентального Я, Будды, Христа, Бога каждого существа».

Если бы люди могли понять, какой бы стала жизнь без этой «борьбы за существование», которая является настоящим и самым плодотворным источником всех горестей, бед и преступлений, они могли бы приобрести первое осознание нравственных высот жизни махатмы и духовный взгляд на нее. Распознав причины этой борьбы и верно оценив мотивы, побуждающие человека в своих стремлениях быть выше личных нужд и желаний и должным образом исполнять свои обязанности главы семьи и члена общества, можно констатировать, что есть план жизни, на котором эти причины не существуют и борьба неизвестна. Убежденность в этой истине, скрытой в самых глубинах нашего внутреннего существа, приходит от внутреннего духа, а приносит ее знание цены и никчемности этой земной жизни и бесконечных возможностей, которые лежат за ее пределами. Махатмы не игнорируют условий повседневной жизни; они сознают ее ограничения, которые люди сами налагают на себя, и вполне симпатизируют и сочувствуют борющимся массам человечества. Но высшее не может спуститься к низшему – это низшее должно узреть высоты и взобраться на них, если есть на то воля. Ни в коем случае не

следует думать, что махатмы – создатели; они лишь вдохновители и просветители. Когда своим совершенным духовным оком они могут различить малейшую искру духовности, мерцающую в груди человека, они не упускают возможности раздуть это пламя до полной жизни и активности. И лишь духовные самоубийцы или преступно безразличные, довольствующиеся отрицательными добродетелями, ^[59] будут полностью отсекают себя от благотворного влияния этих великих душ.

У махатм, несомненно, есть человеческая сторона характера, но она столь неразделимо слита с их высшей духовной природой, что никто не сможет, пытаясь разделить эти две части их существа, верно понять ни ту, ни другую. Обычные

Заключение

Читателю следует напомнить, что этот небольшой документ указывает лишь на несколько станций, которые человеческая эволюция миновала в ходе своего циклического прогресса, и вовсе не является исчерпывающим трактатом. Он начинается с нынешнего цикла, четвертого круга, с момента, когда человек и его вселенная были бесплотными, или, точнее говоря, находились в астральном состоянии, и оставляет за пределами рассмотрения более высокие степени развития, достигаемые в бóльших циклах. Однако тот, кто изучает вдумчиво, сможет провести исследование этих высших сфер и бóльших циклов с помощью закона соответствий, который незыблемо правит по всему спектру бытия. На астральной фазе своего существования человечество развило семь рас, прежде чем оно вошло в первое подобие вещественной жизни, знакомой нам теперь, и начало то, что называется «нисхождением в материю». Человеческие зародыши при их первом предметном появлении были «крылатыми шарами», или скарабеями египтян.

В семи подрасах первой вещественной расы человек развил самые ранние зародыши пяти чувств, которыми мы теперь обладаем в несравнимо более высокой степени совершенства, и двух других, еще не общепризнанных сегодня по причинам, которые сейчас станут ясны. Каждая последующая раса, в семи своих подрасах, во вполне определенном порядке продвигала вперед развитие этих чувств до предела, достижимого на данное время. Мы, принадлежа к пятой расе, пять подрас которой уже развились, обладаем пятью вполне развитыми чувствами, а два других на этом плане находятся еще в зародыше. В пределах нашей расы каждая подраса особенно акцентировала одно из этих пяти чувств. Арийские азиаты, первая подраса, лучше всего развили чувство зрения, о чем свидетельствует их превосходное умение различать цветовые оттенки и гармонично их сочетать; тогда как у пятой подрасы, основных европейских народов, видное положение, занимаемое чувством вкуса, излишне даже упоминать.

Не обладая в сколько-нибудь заметной степени двумя другими чувствами, мы относим их проявления к смутной области интуиции. У остатков ранних рас, сейчас быстро исчезающих с поверхности Земли, эти два чувства были развиты, хотя и в значительно меньшей степени, чем наши пять чувств. Многие восприятия, которые мы считаем интуитивными и поэтому недостоверными, для рассудка дикаря имеют такой же вес, как для нас сведения, получаемые от обычных чувств. Но в силу действия закона замедления, по которому появление более высокого типа эволюции всегда тормозит развитие низших, эти чувства сейчас почти исчезли. Осознающие взаимозависимость сознания человека и его окружения поймут, как видоизменения земных условий, сопровождающие более мощную жизненную энергию доминирующей расы, придают иной оборот линии эволюции более низкой расы, постепенно заставляя ее либо перековаться в более высокий тип, либо вымереть совсем. Этот закон и вызывает периодические природные катаклизмы, завершая период господства одной расы и полагая начало другой.

Зрение было первым из развитых чувств, за ним следовало осязание, а затем по порядку шли слух, обоняние и вкус. В каждой следующей расе развитие чувств продолжалось на более высоком уровне, и в третьей расе, наделившей человеческие существа личной волей, они стали во многом такими, какими мы знаем их сейчас – подверженными физическому рождению и смерти, чему предшествовало разделение полов из андрогинного человеческого существа. Цивилизация, хоть как-то напоминающая нашу, тоже появилась в этой расе, но великие природные катаклизмы, являющиеся столь важным фактором в эволюции рас, смели ее следы с Земли. Четвертая раса, атланты, об исчезнувшем континенте которых какая-то память сохранилась среди нас до сих пор, построила цивилизацию, по материальному великолепию превосходившую нашу собственную, которая, будучи основана на интеллекте, а не только на физических желаниях, в действительности стоит на более высоком уровне. Правящая сейчас раса, пятая, к которой принадлежит арийская семья народов, имеет свои истоки в Центральной Азии, откуда она распространилась по всем частям земного шара. Ее

расселение положило начало большому развитию наук и искусств и привело к разнообразным проявлениям ее изначального языка и религии.

Эти предметы столь обширны, что не позволяют дать исчерпывающее изложение в любых разумных пределах, но нынешняя попытка их изложения не пропадет зря, если приведет к более широкому исследованию и лучшему пониманию человека, его происхождения и его судьбы.

Конец фрагментов

Чарлз Ледбитер. Очерки доисторических цивилизаций

Выдержки из книги «Человек: откуда, как и куда»

Когда, рассказывая о ясновидении, я упомянул о великолепных возможностях исследования прошлого, которые открываются перед историками, некоторые читатели сообщили мне, что, если бы любые фрагменты результатов таких исследований были представлены публике, они вызвали бы у теософов глубокий интерес. Несомненно, это так, но оказалось не так легко исполнить это пожелание, как можно было бы полагать. Следует помнить, что такие исследования предпринимаются не для удовольствия, не для удовлетворения обычного любопытства, а лишь когда они оказываются необходимы для должного выполнения какой-то части работы или для объяснения какого-то темного момента наших исследований. Большинство сцен из давней истории мира, которые столь интересовали и восхищали наших исследователей, прошли перед нашим взором в ходе исследования той или иной из последовательностей жизней, прослеживавшихся в глубину веков, чтобы собрать информацию о работе великих законов кармы и реинкарнации. Поэтому наши знания об отдаленной древности имеют скорее характер последовательности проблесков или галереи образов, чем целостной картины и связной истории.

Тем не менее даже в этих сравнительно случайных и несвязанных наблюдениях перед нашими глазами открылось множество вещей, представляющих чрезвычайный интерес – не только касавшихся великолепных цивилизаций Египта, Индии и Вавилонии и более современных государств Персии, Греции и Рима, но и других, превосходивших по масштабу даже вышеупомянутые, которые по сравнению с ними были уже поздними цветами. Эти могущественные империи начинались еще на самой заре человечества, хотя некоторые

фрагменты их следов еще остаются на Земле для имеющих глаза, чтобы видеть.

Пожалуй, величайшими из них всех были охватывающие весь мир владения божественных правителей Города Золотых Врат древней Атлантиды, поскольку, за исключением первоначальной арийской цивилизации по берегам Центральноазиатского моря, почти все империи, которые люди называли великими, были лишь бледными и частичными копиями этой удивительной организации. До нее же не существовало ничего, что можно было бы вообще с ней сравнить, и единственными попытками учредить правление в действительно большом масштабе были государства яйцеголовой подрасы лемурийцев и мириад тлаватлей, строителей курганов, живших на дальнем западе ранней Атлантиды.

Некоторые черты политической системы, которая столь много тысячелетий сосредоточивалась вокруг великолепного Города Золотых Врат, уже набрасывались в одном из Протоколов Лондонской ложи; сейчас же я собираюсь предложить вам легкий набросок одной из ее позднейших копий, которая, хотя и в малом масштабе в сравнении со своей великой родительницей, все же сохранила в себе многое из великолепного общественного духа и верховенствующего чувства долга, которые были самой жизнью этой великой древней схемы, — и все это уже почти в то время, которое мы привыкли относить к историческим периодам.

Часть света, к которой мы ради этого обратим свое внимание, — это древнее Перуанское царство, которое, однако, охватывало гораздо большую часть южноамериканского континента, чем та республика, которая сейчас носит название Перу, или даже чем та страна, которой владели инки в XVI столетии, когда их застали испанцы. Верно, что система правления в этом позднейшем царстве, вызвавшая восхищение Писарро, старалась воспроизвести условия более великой и древней цивилизации, о которой я собираюсь сейчас рассказать, но все же, как бы ни была удивительна эта бледная копия, мы должны помнить, что это была именно копия, созданная через тысячи лет более низкоразвитым народом в попытке возродить те традиции, некоторые лучшие моменты которых уже были забыты.

Первое знакомство наших исследователей с этой интереснейшей эпохой произошло в ходе стараний проследить длинную цепь воплощений. Было выяснено, что после двух благородных жизней, прожитых в великих трудах и напряжении (что было, очевидно, следствием серьезной неудачи в одной из предшествовавших жизней), субъект, историю которого мы решили проследить, родился в благоприятных условиях в этой великой Перуанской империи и прожил там жизнь, которая хотя и была так же полна тяжелой работы, как и предшествовавшие, все же отличалась тем, что там он удостоился счастья и успеха в куда большей степени, чем обычно выпадает на долю человека.

Естественно, зрелище государства, в котором большинство социальных проблем, похоже, были решены (там не было бедности, недовольства и почти не было преступности), сразу же привлекло наше внимание, хотя в то время мы не могли задержаться, чтобы исследовать его более пристально. Но когда линии некоторых других исследовавшихся нами жизней тоже привели нас в эту страну в тот же период и мы стали узнавать все больше и больше о ее манерах и обычаях, то постепенно мы осознали, что наткнулись на настоящую осуществленную утопию – время и место, где, по крайней мере, физическая жизнь была лучше устроенной, счастливой и полезной, чем, вероятно, где-либо еще.

Несомненно, найдутся многие, которые зададут вопрос: откуда нам знать, что это описание отличается от описаний всех прочих утопий, и как мы можем быть уверены, что исследователи не обманывали себя красивыми мечтами и не считывали свои же собственные идеи, превращая их в видения и убеждая себя в том, что они действительно это видели? То есть как мы можем убедиться, что это более чем просто сказка?

Единственный ответ, который можно дать таким вопрошателям, – что такой гарантии *нет*. Сами исследователи в этом уверены – благодаря долгому накоплению многочисленных доказательств, которые сами по себе зачастую были малы, но в совокупности своей достаточны. Они также были уверены в своих знаниях о разнице между наблюдением и воображением, постепенно приобретенных в

долгих терпеливых опытах. Они очень хорошо знают, как часто им приходилось встречаться с вещами совершенно невообразимыми и неожиданными и как часто в результате этого им приходилось расставаться со своими прежними представлениями, которые они долго лелеяли.

Кроме этих исследователей были и другие люди, которые уверены в этом практически в той же мере – как благодаря собственной интуиции, так и тому, что они хорошо знали тех, кто выполнял эту работу. Для остального же мира все эти исследования столь отдаленного прошлого неизбежно должны остаться лишь гипотезой. Они могут считать это описание древней перуанской цивилизации просто сказкой, и все же я надеюсь, что они признают, что это сказка прекрасная.

Я полагаю, что кроме как методами ясновидения окажется невозможным восстановить какие-либо следы цивилизации, которую мы здесь исследуем. Я почти не сомневаюсь, что такие следы существуют, но, чтобы приобрести достаточные знания, позволяющие уверенно отделить их от следов других, позднейших рас, потребуются весьма обширные и тщательные раскопки. Может статься, что в будущем историки и археологи обратят больше внимания на эти удивительные страны Южной Америки, чем они уделяют сейчас, и тогда, возможно, им удастся выявить следы разных рас, которые, одна за другой, заселяли их и правили ими. Но пока что все, что мы знаем о древнем Перу (если не считать данных ясновидения), – это то немногое, что было рассказано нам испанскими конкистадорами, а ведь цивилизация, которая столь удивила их, была лишь бледным и отдаленным отражением более древней и великолепной реальности.

Сама раса с тех пор изменилась, ибо те, кого там застали испанцы, были лишь боковым отростком великолепной третьей подрасы атлантов, у которой, похоже, было много больше жизнестойкости, чем у любой из последовавших, хотя очевидно, что эта ветвь во многих отношениях демонстрировала последнюю стадию дряхлости, будучи во многом более варварской, деградировавшей и менее утонченной, чем та более ранняя ветвь, о которой мы будем говорить.

Этот маленький листочек из подлинной истории мира, беглый взгляд на одну лишь картину из огромной галереи природы открывает нам то, что в сравнении со всем ныне существующим вполне может показаться идеальным государством. Частично наш интерес к нему был вызван тем, что там были вполне осуществлены все те вещи, к которым стремятся современные социальные реформаторы, но достигнуты они были методами, диаметрально противоположными тем, которые предлагаются сейчас. Народ жил в мире и процветании, такая вещь, как бедность, была неизвестна, и практически не было преступлений. Ни у кого не было причин для неудовольствия, поскольку у каждого были возможности для раскрытия своего гения (если он таковым обладал) и он мог выбрать себе любую профессию или линию деятельности, какой бы она ни была. Ни на одного человека не возлагалась работа, слишком тяжелая для него, у каждого было много свободного времени для любого желаемого занятия или достижения; образование было полным, бесплатным и эффективным, а о больных и стариках прекрасно заботились. И вся эта тщательно разработанная система материального благосостояния была осуществлена, и, насколько мы можем видеть, только и могла быть осуществлена при такой абсолютной монархии, которую только видал мир.

Толтекская цивилизация в древнем Перу, XIII тысячелетие до н. э.

Цивилизация Перу в XIII тысячелетии до н. э. столь близко напоминала Толтекскую империю в ее зените, что мы, поскольку тщательно исследовали этот период, используем его здесь как пример цивилизации атлантов. Египет и Индия в атлантский их период дали другие примеры, но в целом основные черты Толтекской империи лучше всего были представлены в Перу описываемого нами периода. Правление было самодержавным – никакое иное правительство в те времена не было возможным.

Чтобы показать, почему это было так, мы должны мысленно вернуться в более ранний период – к первоначальному выделению великой четвертой коренной расы. Станет очевидно, что когда Ману и его сподвижники – великие адепты из намного более высокой

эволюции – воплотились среди молодой расы, над развитием которой они работали, для этого народа они были совершенными богами как в знаниях, так и в силе, настолько они опережали его во всех мыслимых отношениях.

В таких обстоятельствах не могло быть иной формы правления, кроме автократии, поскольку правитель был единственным человеком, который действительно что-то знал, и поэтому ему приходилось принять на себя управление всем. Потому эти великие стали естественными правителями и водителями человечества-ребенка, и им всегда выказывалось охотное повиновение, потому что благодаря их мудрости авторитет их был общепризнан, равно как и то, что самая большая помощь, которую только можно оказать невежественным, – это вести и обучать их. Отсюда и произошел тот общественный порядок, как и должен приходить всякий истинный порядок, – сверху, а не снизу, и по мере распространения новой расы этот принцип сохранялся. На его основании были созданы могущественные монархии отдаленной древности, в большинстве случаев начинаясь с правления царей-посвященных, мудрость и власть которых вела их младенческие государства через все начальные трудности.

Таким образом, получилось, что даже когда первоначальные божественные правители передали свои посты в руки своих учеников, истинный принцип правления все еще понимался, и потому, когда основывалось новое царство, всегда предпринимались усилия как можно более точно имитировать в новых условиях великолепные институты власти, которые божественная мудрость уже дала миру. Только лишь когда и у народа, и у правителей возрос эгоизм, прежний порядок постепенно стал меняться, уступив место немудрым экспериментам и правительствам, движимым жадностью и честолюбием, а не вдохновляемым исполнением долга.

В рассматриваемый нами период – около 12 000 г. до н. э. – ранние Города Золотых Врат уже не существовали, так как многие тысячи лет назад они скрылись под волнами океана, и хотя главный из царей острова Посейдониса все еще высокомерно короновался прекрасным титулом, некогда принадлежавшим царям Атлантиды, он уже не

претендовал на то, чтобы следовать методам правления, которые обеспечивали им стабильность, намного превосходящую ту, что дает обычное человеческое устройство правления. Однако за несколько столетий до этого царями страны, позже названной Перу, была предпринята хорошо задуманная попытка возродить – хотя конечно же в значительно меньшем масштабе – жизнь этой древней системы, и в эпоху, о которой мы говорим, это возрождение вполне состоялось и было, вероятно, в зените своей славы, хотя система эта сохраняла свою эффективность и впоследствии, на протяжении множества веков. Именно это перуанское возрождение мы сейчас и рассматриваем.

Несколько трудно дать представление о физической внешности расы, населявшей страну, поскольку ни одна ныне существующая на Земле раса не напоминает ее достаточно, чтобы послужить сравнением, не сбивая с верной мысли в том или ином направлении. Представители великой третьей подрасы атлантской коренной расы, еще сохранившиеся на Земле, значительно выродились и измельчали в сравнении с тем, какой была эта раса во времена ее славы. У наших перуанцев были высокие скулы, и общий их облик ассоциировался у нас с высшим типом индейцев, хотя контур лица имел отличия, делавшие его скорее более арийским, чем атлантским, и выражение его фундаментально отличалось от выражения лиц современных краснокожих, будучи открытым, радостным и мягким, а у высших классов на лицах были явные признаки проницательного интеллекта и благосклонности. Цвет кожи был красновато-бронзовым, в целом более светлый у высших классов и более темный у низших, хотя классы были так перемешаны, что вряд ли можно было выделить даже такое различие.

В целом расположение духа народа было счастливым, довольным и мирным. Законы были немногочисленными, удобными и хорошо исполнялись, так что население было, естественно, законопослушным; климат был по большей части приятным, позволяя людям не утомляться чрезмерно на земледельческих работах, поскольку при умеренных усилиях давал богатый урожай. Это делало людей довольными и позволяло получать от жизни максимум. Очевидно, что

такое настроение народа давало правителям страны огромные начальные преимущества.

Как было уже замечено, монархия была абсолютной, но все же она настолько отличалась от всего существующего сейчас, что простое упоминание монархии не даст никакого представления о фактах. Тон во всей системе задавала ответственность. У царя конечно же была абсолютная власть, но он также нес и абсолютную ответственность за все происходящее. С ранних лет его учили понимать, что где бы в его обширной империи ни существовало какое-нибудь зло, которого можно было избежать, – например, человек, желающий работать, не мог найти себе подходящий вид работы, или больной ребенок не получал должного внимания, – это было упущением в его руководстве, пятном на его правлении и на его личной чести.

У него имелся большой правящий класс, помогавший ему в его работе, и, будучи на попечении этого класса, вся нация подразделялась самым тщательным и систематическим образом. Прежде всего, империя разделялась на провинции, над каждой из которой был поставлен вице-король, за ними шли те, кого мы могли бы назвать генерал-губернаторами округов, а за теми – губернаторы городов и небольших областей. Каждый из них прямо отвечал перед вышестоящим начальником за благосостояние каждого человека в его ведении. Это подразделение ответственности продолжалось, пока мы не доходили до своеобразного сотника – чиновника, на попечении которого была сотня семей, за которые он был полностью ответственен. Это был самый низший представитель правящего класса, но ему, в свою очередь, обычно помогали добровольные помощники, взятые им из каждого десятого семейства, доставлявшие ему самые последние новости обо всем, что требовалось или шло не так. ^[60]

Если кто-либо из чиновников, входивших в эту тщательно разработанную систему, пренебрегал своей работой, сообщение вышестоящему начальнику вызывало немедленное расследование, поскольку честь последнего зависела от полного довольства и благосостояния каждого, кто находился в его юрисдикции. Такая неусыпная бдительность при исполнении общественного долга не

столько вменялась законом (хотя, несомненно, закон такой был), сколько вызывалась общим для всего правящего класса чувством, схожим с чувством чести джентльмена, что было силой, превосходящей силу любого внешнего закона, поскольку в действительности тут действовал высший закон изнутри – указание пробуждающегося Я личности, касающееся того, что оно *знает*.

Таким образом, видно, что мы познакомились с системой, во всех отношениях основывавшейся на том, что было полным антитезисом всем тем идеям, которые провозглашаются сейчас прогрессивными. Фактор, делавший такой вид правления возможным и действенным, – существование среди всех классов просвещенной части общества глубоко укоренившегося мнения – столь сильного и определенного, что делало практически невозможным для любого человека неисполнение своего долга перед государством. Всякий, кто не исполнял его, считался бы нецивилизованным существом, недостойным высокой привилегии гражданства в этой великой империи «Детей Солнца», как называли свою страну эти ранние перуанцы. На него смотрели бы примерно с таким же ужасом и жалостью, как в средневековой Европе – на отлученного от Церкви.

Из этого положения дел – столь отличного от чего-либо существующего сейчас, что нам очень трудно его представить, – возникал другой факт, почти столь же трудный для нашего осознания. В древнем Перу почти не было законов, а следовательно, и тюрем, и наша система исполнения наказаний показалась бы тому народу, о котором мы сейчас говорим, совершенно бессмысленной. В их глазах жизнь гражданина империи казалась единственной стоящей жизнью, и все хорошо понимали, что каждый человек занимал свое место в обществе только на условиях исполнения своего долга перед ним. Если кто-нибудь каким-либо образом не исполнял его (а это был почти неслыханный случай из-за уже упомянутой силы общественного мнения), от чиновника, управляющего областью, где он жил, требовали объяснений, и если расследование показывало, что он достоин осуждения, то он получал от этого чиновника выговор. Что-либо подобное систематическому пренебрежению своим долгом расценивалось как одно из ужасных преступлений, подобное убийству

или воровству, и за все подобные преступления наказание было только одно – изгнание.

Теория, на которой основывалось подобное общественное устройство, была исключительно проста. Перуанцы придерживались мнения, что цивилизованный человек принципиально отличается от дикаря тем, что понимает и разумно выполняет свои обязанности перед государством, часть которого составляет. Если же он *не* выполняет эти обязанности, он сразу же становится опасностью для государства. Он показал, что недостойн участвовать в его благах, и, следовательно, исключается из него, чтобы жить среди варварских племен на границах империи. Отношение перуанцев к этому вопросу, может быть, хорошо характеризует само слово, которым у них назывались эти племена, – с их языка оно буквально переводилось как «беззаконные».

Однако к этой крайней мере – изгнанию – приходилось прибегать лишь изредка. В большинстве случаев чиновников любили и уважали, и одного намека с их стороны было более чем достаточно, чтобы призвать нарушителя к порядку. Да и те немногие исключенные изгонялись из родной страны не навсегда – после определенного периода им, после испытательного срока, позволялось вновь занять свое место среди цивилизованных людей и снова получать удовольствие от преимуществ гражданства, как только они покажут себя достойными этого.

Среди многих функций чиновников (или «отцов», как они назывались) была обязанность судей, хотя законов, в нашем понимании, там практически не было; скорее всего, они больше соответствовали нашим третейским или арбитражным судьям. Все споры, которые возникали между двумя людьми, передавались им, и в этом случае, как и во всех других, неудовлетворенный решением мог подать апелляцию вышестоящему судье, так что в пределах возможного было и то, что какое-нибудь запутанное дело доходило до подножия трона самого царя.

Высшими руководителями предпринимались все усилия к тому, чтобы быть доступными для всех, и частью составленного для этой цели плана была тщательно разработанная система визитов. Раз в

семь лет сам царь совершал для этой цели объезд империи, и точно так же губернатор провинции должен был объезжать ее ежегодно, а его подчиненные в свою очередь должны были постоянно наблюдать собственными глазами, все ли хорошо у вверенных им людей, а тем, кто хотел бы проконсультироваться с ними или обратиться к ним, предоставлять для этого всякую возможность. Эти царские и губернаторские поездки обставлялись с достаточной торжественностью и всегда были поводом к радости народа.

Система правления, по меньшей мере, в том имела что-то общее с современной, что существовала полная и тщательная система регистрации. Рождения, браки и смерти фиксировались со скрупулезной точностью, из чего составлялась статистика во вполне современном стиле. У каждого сотника был подробный список всех его подопечных, и на каждого из них у него была заведена любопытная маленькая табличка, на которую заносились основные события его жизни, по мере того как они происходили. Но вышестоящему начальнику он уже не сообщал имен, а отчитывался в цифрах – сколько больных, сколько здоровых, сколько родилось, сколько умерло и т. д., и эти маленькие отчеты постепенно сводились воедино и передавались все выше и выше по чиновничьей иерархии, пока их резюме периодически не доставлялось самому монарху, у которого, таким образом, всегда под рукой были результаты этой постоянной переписи населения империи.

Другой момент сходства между этой древней системой и нашей собственной можно найти в том, насколько тщательно отмерялась и нарезалась земля, и прежде всего – как она *анализировалась*, ибо главной целью всех этих обследований было выяснить точное состояние земли в разных частях страны, чтобы можно было засадить ее наиболее подходящей культурой и получить от нее максимум в целом. В самом деле, можно сказать, что наибольшая важность в сравнении со всеми прочими направлениями работы придавалась тому, что мы назвали бы научным ведением сельского хозяйства.

Это прямо подводит нас к рассмотрению того, что, наверно, было самым примечательным из всех институтов этой древней расы, – ее земельной системы. Это уникальное устройство столь прекрасно

подходило этой стране, что куда более низкоразвитая раса, которая через тысячи лет покорила и поработила выродившихся потомков наших перуанцев, постаралась поддерживать ее, насколько ей это удавалось, и ее остатки, которые еще действовали, вызвали восхищение заставших ее испанских завоевателей. Можно сомневаться, могла ли такая система успешно проводиться на менее плодородных и более заселенных землях, но, во всяком случае, она превосходно работала в то время и в том месте, где мы ее обнаружили. И теперь мы должны постараться объяснить эту систему, сначала для ясности набросав лишь ее общие контуры и оставив многие жизненно важные моменты для объяснения в другом месте.

Каждому городу или деревне отводилось для обработки определенное количество пахотной земли вокруг, и оно было строго пропорционально количеству жителей. Из этих жителей всегда назначалось значительное количество работников для обработки земли, которых можно было назвать рабочим классом. Не то чтобы другие не работали, но эти были выделены для данного конкретного типа работы. Как набирался этот рабочий класс, мы объясним позднее, а пока что нам будет достаточно сказать, что его члены были мужчинами в расцвете сил, в возрасте от 25 до 45 лет – стариков, детей, больных или слабых людей в его рядах не было.

Земля, отведенная каждой деревне для обработки, прежде всего делилась на две половины, которые мы можем назвать частной и общественной землей. Обе они должны были обрабатываться рабочими – частная земля для их собственных нужд и выгоды, а общественная земля – для блага общества. Обработка общественной земли, так сказать, выполняла роль налогов, собираемых в современных государствах. Естественно, сразу может возникнуть представление, что налог, составлявший половину дохода человека или отнимавший половину его времени и энергии (что в данном случае то же самое), чрезмерно тяжел и несправедлив. Но пусть читатель подождет, пока не узнает, что делалось с продуктом этой общественной земли и какую роль он играл в жизни нации, прежде чем станет осуждать это как тираническую эксплуатацию. Нужно усвоить, что практически выполнение этого правила вовсе не

приводило к суровым результатам – обработка и своей, и общественной земли означала куда менее тяжелую работу, чем выпадает на долю английского крестьянина. И хотя по меньшей мере дважды в год она требовала нескольких недель непрерывной работы с утра до ночи, были длинные периоды, когда все необходимое легко делалось за два часа в день.

Частная земля, которой мы займемся сначала, разделялась между жителями с самой скрупулезной справедливостью. Каждый год после сбора урожая каждому взрослому, будь то мужчина или женщина, давался определенный участок земли, хотя вся обработка выполнялась мужчинами. Таким образом, женатый мужчина без детей мог иметь в два раза больше земли, чем холостой, а, например, вдовец с двумя незамужними дочерьми – в три раза больше, но, когда дочь выходила замуж, ее надел переходил вместе с ней к ее мужу. С рождением каждого ребенка паре давался дополнительный участок, который увеличивался по мере того, как дети росли, – это делалось, чтобы у каждой семьи было необходимое пропитание.

Человек мог выращивать на своей земле все что угодно, но не мог оставлять ее необработанной. Конечно, он должен был выращивать то или иное зерно для своего пропитания, но, коль скоро этого было достаточно для жизни, остальное было его собственным делом. В то же время к его услугам всегда были эксперты, от которых он мог получить самый лучший совет, так что он не мог пожаловаться на незнание, если его выбор оказывался неподходящим. Человек, не принадлежащий к этому классу сельскохозяйственных рабочих, т. е. зарабатывающий каким-то иным способом, мог либо обрабатывать свой участок в свободное время, либо нанять одного из этих рабочих, но в этом случае продукт принадлежал не ему, а человеку, который выполнял работу. Тот факт, что один такой рабочий мог выполнять работу двоих, что он часто совершенно добровольно и делал, доказывает, что этот фиксированный объем работы в действительности был весьма нетрудным делом.

Приятно отметить, что в связи с этой сельскохозяйственной работой всегда выказывалось много дружеских чувств и изъяслялась готовность помочь. Человек, имевший много детей и потому

необычно большой земельный участок, всегда мог рассчитывать на любезную помощь своих соседей, как только они закончат свои более легкие труды, и всякий, у кого были основания устроить себе выходной, никогда не оставался без помощи друга, который занимал его место на время его отсутствия. Вопросы болезни мы здесь не касаемся по причинам, которые скоро станут ясны.

Что касается урожая, то с тем, как им распорядиться, не было никаких трудностей. Большинство людей выбирали для выращивания те зерновые культуры, фрукты и овощи, которые они сами могли использовать в пищу, а излишек можно было продать или обменять на одежду или иные товары. В худшем случае правительство всегда было готово купить любое количество предложенного зерна по фиксированной цене, которая была чуть меньше рыночной, для своих запасов, которые всегда содержались в огромных зернохранилищах на случай голода или иной чрезвычайной ситуации.

Но давайте теперь посмотрим, что делалось с урожаем другой половины обрабатываемой земли, которую мы называли общественной. Она сама подразделялась на две равные части (каждая из которых, таким образом, составляла четверть всей пахотной земли в стране), и одна из них называлась землей царя, а другая – землей Солнца. Существовал закон, что прежде всего должна была обрабатываться земля Солнца, а когда это было сделано, человек мог заняться своей личной землей, и только когда вся эта работа была выполнена, он должен был внести свой вклад в обработку земли царя. Так что, если плохая погода задерживала урожай, потери в первую очередь нес царь, и это, за исключением совсем уж неурожайных лет, не влияло на личную долю. Земля же Солнца была застрахована почти ото всех возможных случайностей, за исключением полной гибели посевов.

Что касается вопроса орошения, всегда важного в стране, большая часть которой бесплодна, всегда соблюдался тот же порядок. Пока не были полностью орошены земли Солнца, ни одна капля драгоценной воды не направлялась в другие места, и пока личные участки всех людей не получали требуемого, вода не направлялась на царские

земли. Смысл такого распределения будет очевиден позже, когда мы поймем, как использовалась продукция с этих разных наделов.

Таким образом, мы видим, что четверть всего богатства страны направлялась непосредственно в руки царя, поскольку с деньгами, выручаемыми от производства или добычи полезных ископаемых, поступали так же – первая четверть Солнцу, затем половина рабочим и оставшаяся часть – царю. Что же делал царь с этим громадным доходом?

Во-первых, он содержал всю правительственную машину, о которой уже упоминалось. Жалованье всему классу чиновников – от вице-королей больших провинций до сравнительно скромных сотников – выплачивалось им, и не только жалованье, но и все их расходы, связанные с визитами и прочими поездками.

Во-вторых, на эти доходы он осуществлял все гигантские общественные работы своей империи, даже отдельные руины которых все еще удивляют нас и четырнадцать тысячелетий спустя. Замечательные дороги, соединявшие города и городки по всей империи, прорубались сквозь гранитные горы и огромными мостами пересекали непреодолимые пропасти. Великолепная система акведуков, которые в инженерном отношении несколько не уступали современным, могла доставлять жизнедающую воду в самые дальние уголки засушливой и часто бесплодной страны. Все это строилось и поддерживалось на доходы, получаемые с царских земель.

В-третьих, он строил и всегда держал полными огромные зернохранилища, расположенные с частым интервалом по всей империи. Ведь иногда случалось, что дождливый сезон вообще не приходил и несчастным крестьянам мог угрожать голод, – потому существовало правило, что всегда должен поддерживаться двухлетний запас продуктов для всей нации – запас, который, вероятно, никакая другая нация не пыталась держать. И каким бы колоссальным ни было это предприятие, это правило всегда выполнялось, несмотря на все затруднения. Возможно, даже великая власть перуанского императора не смогла бы добиться этого, но у него имелся способ создания концентрированной пищи, который был одним из открытий его химиков, – этот метод будет упомянут позже.

В-четвертых, на эти средства он содержал армию – ибо у него была армия, и очень хорошо подготовленная, хотя он использовал ее для многих других целей, кроме военных, поскольку для нее нечасто находилась такая работа – менее цивилизованные племена, окружавшие империю, знали и научились уважать ее силу.

Здесь лучше не останавливаться для описания особой работы армии, дабы закончить наш грубый набросок устройства этого древнего государства, показав место, занимаемое в нем великим сословием жрецов Солнца, – насколько это касается светской стороны их работы. Как же использовали они свои огромные доходы, в общей сумме равные доходам царя, когда последние достигали своего максимума, да еще и лучше застрахованные от снижения в годы неурожая?

Царь на свою долю доходов действительно совершал чудеса для благосостояния страны, но его достижения меркнут в сравнении с достижениями жрецов.

Во-первых, они содержали великолепные храмы Солнца по всей стране, причем в таком масштабе, что маленькая деревенская часовня имела золотые украшения, вес которых можно было бы считать на тонны, а уж храмы больших городов сияли таким великолепием, к которому с тех пор никогда не приближались нигде на Земле.

Во-вторых, они давали бесплатное образование всей молодежи империи – как юношам, так и девушкам. Это было не просто начальное образование, но тщательное техническое обучение, которое длилось до двадцатилетнего возраста, а иногда и заметно дольше. Подробности о нем мы приведем позже.

В-третьих (и это, возможно, покажется нашим читателем самой необычайной из их функций), они полностью заботились обо всех больных. Это не значит, что они были просто врачами (хотя и ими они тоже были), но с того момента, как мужчина, женщина или ребенок заболели, они сразу же переходили под опеку жрецов, или, по тогдашнему изящному выражению, становились «гостями Солнца». Больной незамедлительно освобождался от всех своих обязанностей по отношению к государству, и до его выздоровления не только необходимые лекарства, но и продукты питания поставлялись ему

бесплатно из ближайшего храма Солнца, тогда как в серьезных случаях его обычно забирали туда как в больницу, чтобы обеспечить ему более тщательный уход. Если заболевший был кормильцем семьи, его жена и дети тоже становились «гостями Солнца» до его выздоровления. В наши дни любая система, хотя бы отдаленно напоминающая эту, непременно привела бы к мошенничеству и симуляции, но это из-за отсутствия у современных наций того просвещенного и повсеместно распространенного общественного мнения, которое в древнем Перу делало такие вещи невозможными.

В-четвертых, – и, возможно, это заявление сочтут даже более поразительным, чем предыдущее, – *все люди* старше сорокапятилетнего возраста (за исключением чиновников) тоже становились «гостями Солнца». Считалось, что человек, проработавший 25 лет после двадцатилетнего возраста, когда на него впервые возлагались обязанности по внесению своего вклада в государство, заслужил отдых и комфорт до конца своей жизни, сколько бы она ни продлилась. Поэтому всякий человек, достигнув возраста 45 лет, мог, если желал, прикрепиться к одному из храмов и жить жизнью изучающего, подобной монашеской, или, если он предпочитал остаться со своими родственниками, он мог жить и с ними, распоряжаясь своим досугом, как ему угодно. Но в любом случае он освобождался от всякой работы на государство, а его пропитание обеспечивалось жрецами Солнца. Конечно, ему вовсе не возбранялось продолжать любой вид работы, какую он пожелает, и фактически большинство людей предпочитало найти себе какое-нибудь занятие, даже если это было всего лишь хобби. В действительности большинство самых ценных открытий и изобретений были сделаны теми, кто, будучи свободен от постоянных трудов, был волен следовать своим идеям и экспериментировать на досуге так, как не мог никто из занятых людей.

Члены класса чиновников, однако, не удалялись от активной жизни в возрасте 45 лет, кроме как в случае болезни; не делали этого и жрецы. В этих двух классах считалось, что мудрость и опыт, накопленные с годами, были слишком ценными, чтобы их не

использовать, так что в большинстве случаев жрецы и чиновники умирали, будучи еще на службе.

Теперь станет очевидно, почему работа жрецов считалась самой важной и почему вклад в богатства Солнца не должен был снижаться, даже если другие доходы страдали – ведь от них зависели не только религиозные дела, но и образование молодежи и забота о больных и стариках.

Этой странной системой еще в те отдаленные времена было достигнуто следующее: каждому человеку было обеспечено полное образование со всеми возможностями развития любых его особых талантов, затем следовали 25 лет работы – довольно упорной, но никогда не чрезмерной по количеству или неподходящей по характеру, после чего был обеспечен комфорт и свободное время, и человек был совершенно свободен от всяческих забот или беспокойств. Конечно же некоторые были беднее других, но то, что мы называем бедностью, было неизвестно, и нужда была невозможна; а в дополнение к этому почти не было преступности. Неудивительно, что изгнание из этого государства считалось самым страшным земным наказанием и что варварские племена на границах сразу же включались в эту систему, как только им удавалось ее понять.

Интересно будет исследовать религиозные представления этих людей древних времен. Если бы нам нужно было классифицировать их веру, поместив ее среди уже нам известных, нам пришлось бы назвать ее культом Солнца, хотя конечно же они и не думали поклоняться физическому Солнцу. Все же они считали его чем-то бóльшим, чем просто символ. Если мы постараемся выразить их чувства в теософической терминологии, пожалуй, ближе всего мы подойдем к их идее, если скажем, что они смотрели на Солнце как на физическое тело Логоса, хотя этим мы припишем им такое представление, которое они сами, вероятно, сочли бы непочтительным. Они сказали бы вопрошающему, что поклоняются Духу Солнца, от которого все пришло и к которому все вернется, и это вовсе не неудовлетворительное представление великой истины.

Похоже, у них не было ясного представления о доктрине перевоплощения. Они были совершенно уверены, что человек

бессмертен, и придерживались мнения, что в конечном счете ему было предназначено вернуться к Духу Солнца, возможно, став единым с ним, хотя это в их учениях не было ясно определено. Они знали, что до этого конечного свершения должно было пройти множество других длительных периодов существования, но мы не находим, что они с уверенностью сознавали, что какая-то часть этой будущей жизни будет вновь проведена на этой Земле.

Самой выдающейся чертой их религии был ее радостный характер. Всякая грусть или печаль считалась злом и полной неблагодарностью, поскольку эта религия учила, что Божество желает видеть своих детей счастливыми и само бы опечалилось, увидев их печаль. Смерть не считалась поводом для скорби, но скорее для чего-то вроде торжественной и почтительной радости, поскольку Великий Дух счел еще одного из своих детей достойным приблизиться ближе к нему. Напротив, самоубийство, ввиду этой идеи, считалось самым отвратительным поступком и актом грубейшей самонадеянности – человек, совершивший самоубийство, пытался без приглашения войти в высшие царства, годным для которых он еще не был сочтен единственным авторитетом, обладавшим знаниями, требуемыми для решения этого вопроса. Но в действительности во времена, о которых мы пишем, самоубийства были практически неизвестны, потому что народ в целом был очень довольным.

Публичные службы были самого простого характера. Ежедневно воздавались хвалы Духу Солнца, но они никогда не были молитвами. Религия учила, что Божество лучше знает, что нужно людям для их блага, – хотелось бы, чтобы эту доктрину полнее понимали и в наши дни. В храмах жертвовались плоды и цветы – не потому, что Бог Солнца желал таких приношений, но просто в знак того, что всем этим люди были обязаны ему, ибо одной из самых заметных теорий в их вероисповедании была та, что весь свет, жизнь и сила приходят от Солнца, – теория, вполне подтверждаемая открытиями современной науки. На их великих праздниках устраивались великолепные процессии, и жрецы обращались к народу с увещеваниями и наставлениями, но даже в этих проповедях самой заметной чертой была их простота, и учения давались в основном в образах и притчах.

Однажды, в ходе исследований жизни конкретного человека, мы проследовали за ним на одно из этих собраний и слушали с ним проповедь, прочитанную по этому случаю старым седобородым жрецом. Несколько простых слов, сказанных им тогда, возможно, дадут лучшее представление об этой религии древнего мира, чем любое описание, которое можем предложить мы сами. Жрец, одетый в нечто вроде золотой ризы, которая была знаком его сана, встал на вершине ступеней храма и оглядел аудиторию. Затем он обратился к людям мягким, но звучным голосом, скорее как отец, рассказывающий детям историю, чем как оратор, выступающий с речью.

Он говорил им об их Господе, Солнце, призывая их помнить о том, что все, что им нужно для их физического благосостояния, вызывается к существованию Солнцем, что без его великолепного света и тепла мир был бы холоден и мертв и жизнь была бы невозможна и что именно благодаря ему растут плоды и зерно, составляющие основу их питания, и даже берется свежая пресная вода, самая драгоценная и необходимая для всех. Затем он объяснил им, что мудрецы древности учили, что за этим действием, которое могут видеть все, всегда есть другое, более великое действие, которое невидимо, но все же ощущаемо теми, кто живет в гармонии со своим Господом, и что подобно тому, что делает Солнце для их тел, в другом, и более удивительном аспекте, оно делает то же и для жизни их душ. Он указал на то, что оба этих действия совершенно непрерывны – и хотя Солнце иногда бывает скрыто от взора своих детей, причина этого временного затемнения обнаруживается в Земле, а не в Солнце, поскольку достаточно лишь забраться высоко в горы и подняться выше облаков, чтобы убедиться, что Господь всегда сияет во всей своей славе, совершенно не завися от той завесы, которая казалась нам столь плотной, будучи наблюдаема снизу.

Отсюда было легко перейти к теме подавленности духа или сомнений, которые, похоже, иногда отсекают высшие влияния, идущие от души, и проповедник самым решительным образом утверждал, что, несмотря на видимость противного, эта аналогия хорошо соблюдается и здесь – облака всегда являются собственным

порождением людей, и им нужно лишь достаточно высоко подняться, чтобы осознать, что Господь неизменен и духовная сила и святость изливаются вниз все время так же ровно, как и всегда. Потому депрессию и сомнение нужно отбросить как порождение неразумия и невежества; более того, их нужно осудить как неблагодарность к Даятелю всего благого.

Вторая часть проповеди была столь же практичной. Пользу от деятельности Солнца, продолжал жрец, могут в полной мере испытать лишь те, кто и сам в совершенном здравии. Знаком совершенного здравия на всех уровнях будет подобие человека своему Господу, Солнцу. Человек, наслаждающийся полным физическим здоровьем, – сам, как маленькое солнце, излучает силу и жизнь на все окружающее, так что даже от самого его присутствия слабые становятся сильнее, а больные и страдающие получают помощь. Точно так же, указывал жрец, и человек, совершенно здоровый нравственно, является духовным солнцем, излучающим любовь, чистоту и святость на тех, кому посчастливилось встретиться с ним. Таким образом, сказал он, долг человека – выразить благодарность за благие дары Господа, во-первых, приготовив себя, чтобы принять их во всей полноте, а во-вторых – передавая их без уменьшения своим собратьям. И обе эти цели могут быть достигнуты одним, и только одним путем – постоянным следованием примеру доброй воли Духа Солнца, что является единственным путем, по которому его дети могут приблизиться к нему.

Такой была эта проповедь, прочитанная четырнадцать тысячелетий назад, и при всей ее простоте мы не можем не признать, что это учение является по сути теософическим и демонстрирует большее знание фактов жизни, чем многие более красноречивые проповеди, которые читаются в наши дни. Повсюду в этой проповеди мы замечаем малые моменты особой значимости – например, точное знание об излучении излишней жизненности здоровым человеком указывает на владение способностью ясновидения теми предшественниками, от которых происходила эта традиция.

Следует помнить, что, помимо того, что можно назвать чисто религиозной деятельностью, в ведении жрецов полностью находилось

образование всей страны. Все образование было совершенно бесплатным, и его начальные стадии были совершенно одинаковыми для обоих полов. Дети шли в подготовительные классы с раннего возраста, и мальчики и девочки обучались совместно. Там давалось нечто соответствующее нынешнему начальному образованию, хотя охватываемые им предметы значительно отличались. Конечно же там учили чтению, письму и некоему подобию арифметики, и всякий ребенок должен был легко писать, читать и считать, но в эту систему входило и многое другое, что несколько трудно классифицировать, – набор базовых знаний об общих правилах и интересах жизни, так что дети обоих полов к десятиодиннадцатилетнему возрасту уже не пребывали в невежестве относительно того, как обеспечиваются обычные потребности жизни и как выполняются любые обычные работы. В отношениях между учителями и детьми преобладали доброта и любовь, и не было ничего хотя бы отдаленно соответствующего безумной системе принуждения и наказаний, которая занимает столь заметное и губительное место в современной школе.

Учебное время было длительным, но занятия были столь разнообразными и включали в себя так много всего того, что мы и не подумали бы отнести к школьным занятиям, что дети никогда не утомлялись зря. Например, каждого ребенка учили, как приготовить некоторые простые блюда, как отличать ядовитые плоды от съедобных, как находить еду и укрытие, заблудившись в лесу, как пользоваться простейшими инструментами, применяемыми в столярном деле, строительстве и сельском хозяйстве, как находить путь по солнцу и звездам, как управлять лодкой, плавать, взбираться в горы и прыгать с удивительной ловкостью. Их учили также методам оказания первой помощи при травмах и прочих несчастных случаях и разъясняли назначение разных растительных лекарств. Весь этот замечательный и разнообразный курс вовсе не был чисто теоретическим – от детей постоянно требовали применять все это на практике, так что, прежде чем они заканчивали эту начальную школу, они должны были стать весьма умелыми молодыми людьми,

способными в какой-то мере самостоятельно действовать почти в любой ситуации, в которой они могли оказаться.

Они также получали тщательные наставления касательно государственного устройства своей страны, и им объяснялся смысл разных обычаев и правил. С другой стороны, они оставались в полном неведении относительно многих вещей, которым учатся европейские дети, – они не знали ни одного языка, кроме своего собственного, и хотя большой упор делался на чистоту речи и умение точно выражаться, это достигалось скорее постоянной практикой, чем соблюдением грамматических правил. Они совсем не знали алгебры, геометрии и истории, а из географии не знали ничего, кроме своей собственной страны. По окончании этой начальной школы они могли бы построить удобный дом, но не могли бы нарисовать вам его чертеж; они ничего не знали из химии, но были основательно обучены принципам практической гигиены.

Прежде чем дети могли считаться окончившими эту начальную школу, они должны были достичь во всех этих предметах определенного стандарта, требуемого от добропорядочного гражданина. Большинство из них легко достигали этого уровня к двенадцатилетнему возрасту, некоторым менее способным требовалось еще несколько лет. На главных учителях этих подготовительных школ лежала серьезная ответственность за определение будущей карьеры учеников, а точнее – за совет по выбору ее, поскольку никого из детей не заставляли посвятить себя той работе, которая ему не нравилась. Однако какой-то определенный путь ребенок должен был избрать, и, сделав это, он определялся в нечто вроде техникума, который должен был подготовить его к выбранному им образу жизни. Здесь он проводил оставшиеся девять или десять лет своего ученичества в основном в практической работе, которой он решил посвятить свою энергию. Эта черта являлась самой заметной во всей системе обучения – там было сравнительно мало теоретического образования, но мальчики и девочки, после того как им что-нибудь несколько раз покажут, должны были сделать это сами, повторяя снова и снова, пока не достигали в этом легкости.

В этом плане была значительная доля гибкости – например, если ребенок после особого теста оказывался негоден к избранной им работе, ему позволяли, посоветовавшись с учителями, избрать себе другое призвание и перейти в соответствующую школу. Однако такие переходы, похоже, были редки, поскольку в большинстве случаев после окончания начальной школы ребенок выказывал явную годность к тому или иному направлению деятельности, открывавшемуся перед ним.

Каждый ребенок, независимо от происхождения, обладал возможностью пройти соответствующую подготовку, чтобы стать членом правящего класса страны, если сам он того желал и его учителя не возражали. Но подготовка, позволяющая удостоиться этой чести, была столь суровой, а необходимые требования – столь высокими, что количество желающих никогда не было чрезмерно большим. В действительности наставники всегда присматривались к детям с необычайными способностями, чтобы попробовать подготовить их к этому почетному, но нелегкому делу, если сами они выражали желание взяться за него.

Помимо чиновников и жрецов было множество профессий, которые мог выбрать себе ученик. Было много видов мастеров, и это давало большие возможности для разнообразного развития художественных способностей. Были разные направления работы по металлу, созданию и совершенствованию машин и всех видов архитектуры. Но, пожалуй, главным направлением в этой стране было научное земледелие.

От него в большой мере зависело благосостояние страны, и потому ему всегда уделялось много внимания. Путем долгого ряда кропотливых экспериментов, продолжавшихся много поколений, были точно выяснены плодородные свойства разных видов почв, так что к тому времени, которое мы описываем, уже сложилась обширная традиция по этому вопросу. Подробные отчеты обо всех опытах хранились в месте, которое мы теперь назвали бы архивом министерства сельского хозяйства, но общие их результаты для всеобщего пользования были сведены в набор кратких принципов, изложенных так, чтобы они легко запоминались студентами.

Однако те, кто избрал своей профессией сельское хозяйство, вовсе не должны были обязательно полагаться на мнения своих праотцов. Напротив, всячески поощрялись новые эксперименты, и всякий, кому удавалось изобрести новое и полезное удобрение или экономящую труд машину, высоко почитался и награждался правительством. По всей стране было рассеяно множество государственных ферм, на которых тщательно обучалась молодежь, и опять же, как и в начальных школах, обучение было менее теоретическим и более практическим – каждый студент основательно обучался, как самостоятельно выполнить каждую деталь работы, которой ему в будущем придется руководить.

На этих учебных фермах и проводились все новые эксперименты, причем за счет правительства. Изобретатель был свободен от хлопот по поиску спонсора, который финансировал бы испытания его изобретения, что в наши дни так часто бывает фатальным препятствием для успеха. Он просто представлял свою идею начальнику своей области, который при необходимости советовался с экспертами, и если они не могли указать на какое-то очевидное упущение в его рассуждениях, новый метод испробовался или конструировалась его машина, что делалось под его надзором, но совершенно без всяких издержек и беспокойств с его стороны. Если опыт показывал, что в изобретении что-то есть, оно сразу же принималось правительством и применялось повсюду, где могло быть полезным.

Фермеры были вооружены тщательно разработанными теориями применения разных видов удобрений к разным почвам. Они не только пользовались материалом, который мы для этих же целей и сейчас импортируем из этой самой страны, но и пробовали все виды химических соединений, из коих некоторые давали примечательный успех. У них была искусная, хотя и громоздкая, система утилизации сточных вод, которая, впрочем, была не менее эффективной, чем любая канализация, которой мы располагаем в наши дни.

Они достигли заметного прогресса в конструировании и применении машин, хотя большая часть их техники была проще и грубее нашей и в ней не было ничего подобного той величайшей

точности подгонки мельчайших деталей, которая столь характерна для современной механики. С другой стороны, хотя их машины были часто большими и громоздкими, они были эффективными и, по всей видимости, вовсе не склонными к выходу из строя. Одним из примеров их техники, на который мы обратили внимание, была любопытная сеялка, основная часть которой была сделана по образцу яйцеклада какого-то насекомого. Она была устроена в виде очень широкой и низкой телеги, и, когда ее тянули по полю, она автоматически делала десять линий лунок на равных расстояниях, бросала в каждую зерно, поливала его и опять засыпала грунтом, заравнивая почву.

Они, очевидно, располагали и некоторым знанием гидравлики, поскольку многие их машины работали на гидравлическом принципе – особенно те, которые использовались в их тщательной системе орошения, которая была необычайно совершенной и эффективной. Значительная часть страны была холмистой и не могла с пользой обрабатываться в своем естественном состоянии, но ее древние обитатели ввели террасное земледелие, во многом такое же, как применяется сейчас в гористой части Шри-Ланки. Всякий, кому приходилось путешествовать по железной дороге из Рамбукканы в Перадению, не мог не заметить многочисленных примеров такой работы. В древнем Перу каждый клочок земли вблизи больших населенных центров использовался самым тщательным образом.

Они обладали множеством научных знаний, но вся их наука имела сугубо практический характер. У них не было никакого представления об абстрактном изучении науки, подобном нашему. Они тщательно изучали, например, ботанику, но вовсе не с нашей точки зрения. Их совершенно не заботила классификация растений на эндогенные и экзогенные, количество тычинок в цветке или расположение листьев на стебле. Что они хотели знать о растении – так это его свойства и какое ему можно найти применение в медицине или для изготовления продуктов или красок. Это они знали, и очень основательно.

Такой же была и их химия: они не располагали знаниями о количестве и расположении атомов в молекуле углерода; на самом

деле у них вообще не было представления об атомах и молекулах, насколько мы могли видеть. То, что их интересовало, – это те химикаты, которым можно найти применение – составить из них ценные удобрения, использовать на различных производствах, получая красивые краски или полезные кислоты. Все научные исследования проводились с какой-нибудь практической точки зрения; они все время старались открыть что-нибудь, но всегда с определенной целью, связанной с жизнью человека, а не просто ради абстрактных знаний.

Возможно, ближе всего к абстрактной науке было их изучение астрономии, но ее они считали скорее религиозным, чем просто светским знанием. От остальных наук она отличалась тем, что была чисто традиционной, и не делалось никаких попыток пополнить запас знаний в этом направлении. Запас этот был невелик, но достаточно точен в том, что он охватывал. Они понимали, что планеты отличаются от звезд, и называли их «сестрами Земли» – ибо знали, что Земля является одной из них, – иногда они называли планеты «старшими детьми Солнца». Они знали, что Земля круглая и что день и ночь происходят от ее вращения вокруг своей оси, а времена года – от ее обращения вокруг Солнца. Также им было известно, что звезды находятся вне Солнечной системы, а кометы они считали посланцами от этих других великих существ к их Господу Солнцу, но вряд ли они имели какое-то адекватное представление о действительном размере любого из этих небесных тел.

Они могли предсказывать и солнечные, и лунные затмения с большой точностью, но это делалось не на основании наблюдений, а с помощью традиционной формулы; они понимали их природу и не придавали им большой важности. Имеются обильные свидетельства, показывающие, что те, от кого они унаследовали свои традиции, должны были либо вести непосредственные научные наблюдения, либо обладать способностями ясновидения, делающими эти наблюдения излишними; но перуанцы той эпохи, которую мы исследуем, не располагали ни одним из этих преимуществ. Единственной замеченной нами попыткой с их стороны сделать что-то вроде личных наблюдений было точное определение момента

полудня путем тщательного измерения длины тени высокой колонны во дворе храма; чтобы точно ее отметить, применялся набор маленьких колышков, передвигаемых по канавкам, вырезанным в камне. Этот же примитивный аппарат применялся для определения летнего и зимнего солнцестояний, поскольку с этими датами были связаны особые религиозные службы.

Архитектура этой древней расы во многих отношениях отличалась от любой нам известной, и ее изучение представило бы огромный интерес для любого ясновидящего, обладающего техническим знанием этого предмета. Недостаток такого знания у нас самих делает для нас трудным точное описание подробностей, но мы надеемся передать хотя бы общее впечатление, которое с первого взгляда производит эта архитектура на современного наблюдателя.

Она была колоссальна, но не помпезна, и здания строились определенно для пользы и удобства, а не напоказ, во многих случаях являя свидетельства многих лет кропотливой работы. Многие здания были огромны, но большинство из них показались бы на современный взгляд несколько непропорциональными – почти всегда потолки были слишком низкими в сравнении с площадью комнат. Например, вполне обычным делом было обнаружить в доме губернатора несколько комнат размером с Вестминстерский зал, и при этом высота потолков ни в одной из них не превышала 3 м 75 см. Колонны не были неизвестны вообще, но использовались редко, и там, где у нас применили бы изящную колоннаду, в древнем Перу обычно строили стену с частыми проемами. Те же колонны, которые использовались, были массивными и часто монолитными.

Настоящая арка с венечным камнем была им, по всей видимости, неизвестна, хотя окна и дверные проемы с полукруглым верхом вовсе не были редкостью. В самых больших из них иногда использовалась массивная металлическая дуга, упиравшаяся с двух сторон, но обычно они всецело полагались на мощный скрепляющий раствор, которым пользовались вместо цемента. Состав этого материала нам неизвестен, но он был, несомненно, эффективен. Они вырезали и подгоняли свои огромные каменные блоки с величайшей точностью, так что место соединения едва можно было заметить; затем они

залепляли внешнюю поверхность каждого соединения глиной и заливали между камнями свой горячий и жидкий «цемент». Как бы ни были малы щели между камнями, жидкость находила в них путь и заполняла их, и когда она застывала, то становилась твердой, как кремнь, который, впрочем, тогда и напоминала по внешнему виду. Тогда глину соскребали с поверхности, и стена была готова; и если через столетия в этой кладке появлялась трещина, она обязательно оказывалась в камне, а не в соединениях, поскольку они были крепче самого этого камня.

Большинство крестьянских домов были построены из того, что мы должны бы назвать кирпичами, поскольку делались они из глины, но «кирпичи» эти были большими кубами, достигавшими в размере почти метра. Глина не обжигалась, но смешивалась с особым химическим реагентом и оставлялась на открытом воздухе на несколько месяцев для затвердения, так что по виду и консистенции эти кубы скорее напоминали бетонные блоки, чем кирпичи, и построенный из них дом во всех отношениях почти не уступал каменному.

Все дома, даже самые маленькие, строились по классическому восточному плану с внутренним двориком, и у всех их стены были необычайной, по нынешним понятиям, толщины. Самый простой и бедный домик имел четыре комнаты, по одной с каждой из сторон дворика, на который они выходили, и поскольку у этих комнат обычно не было внешних окон, снаружи эти дома выглядели голо и угрюмо. В более бедных частях города или деревни делалось очень мало попыток внешнего украшения домов – однообразие глухих стен нарушалось лишь чем-то вроде фриз с очень простым узором.

Вход всегда был на углу квадрата, и в ранний период дверь была просто огромной каменной плитой, которая, подобно подъемным решеткам в древних замках или современным выдвижным оконным рамам, двигаясь по пазам, поднималась с помощью противовесов. Когда дверь была закрыта, противовесы могли быть помещены на полку или отсоединены, так что дверь становилась совершенно неподъемной массой, которая определенно бы обескуражила вора-домушника, если бы такой человек действительно существовал в столь

хорошо устроенном государстве. В домах высших классов эта дверная плита была искусно украшена резьбой, а в более поздний период часто заменялась толстой пластиной из металла. Принцип действия, однако, менялся лишь незначительно, хотя в немногочисленных случаях наблюдались тяжелые металлические двери, поворачивавшиеся на осях.

Более крупные дома первоначально строились по тому же плану, хотя имели гораздо больше украшений – не только в виде резьбы по камню, но и в виде широких полос металла, которые разнообразили его поверхность. В таком климате столь основательно построенные здания были почти вечными, и большинство домов, существовавших и использовавшихся в то время, которое мы описываем, были этого типа. Однако некоторые более поздние – очевидно, построенные в те века, когда население убедилось в стабильности системы правления и способности правительства обеспечить законность, – имели два ряда комнат вокруг внутреннего двора, как бывает в современных домах, и один ряд комнат выходил во двор (который у них обычно был красиво устроенным садом), а другой смотрел наружу. В этих комнатах были большие окна, или, скорее, проемы, поскольку, хотя в стране производилось несколько типов стекла, его не использовали для окон, которые закрывались по тому же принципу, что и двери.

Хотя общий стиль архитектуры этих домов, и маленьких, и больших, был несколько суровым и однообразным, зато он прекрасно подходил к тамошнему климату. Крыши были в основном массивные и почти плоские и делались либо из камня, либо из листов металла. Одной из самых примечательных черт их строений было почти полное отсутствие дерева, которого избегали из-за его горючести, и вследствие этой предосторожности большие пожары в древнем Перу были неизвестны.

Способ, которым возводились эти дома, был своеобразным. Строительных лесов не применялось, но по мере того, как дом возводился, он наполнялся землей, так что, когда стены поднимались до полной высоты, внутри была ровная земляная поверхность. На это все клались камни крыши, а затем между ними, как обычно, заливался горячий цемент. Как только он застывал, землю выбирали, и крыша

оказывалась в состоянии выдержать своей громадный вес, будучи благодаря этому удивительному цементу совершенно безопасной. На самом деле все строение – и стены, и крыша, – когда было закончено, становилось во всех отношениях одним монолитным блоком, как если бы оно было вырезано из одной целой скалы, что, кстати, в некоторых горных местностях тоже применялось.

К некоторым столичным домам добавлялся второй этаж, но идея эта не пользовалась популярностью, и такие смелые нововведения были чрезвычайно редки. Нечто, напоминавшее многоэтажные дома, достигалось в любопытных зданиях, в которых размещались монахи или жрецы Солнца, но это устройство было таково, что не могло широко применяться в густонаселенном городе. Сначала делалась огромная квадратная земляная платформа 300 метров в ширину и 5–6 метров в высоту, а затем на ней делалась другая подобная платформа в 270 метров шириной, отступавшая от краев предыдущей на 15 метров, на ней – последовательно платформы в 240 и 210 метров, и так они возвышались, постепенно уменьшаясь, пока не достигали на десятом уровне размера в 30 метров. В центре этой последней платформы строился небольшой храм Солнца.

В целом это производило эффект огромной плоской ступенчатой пирамиды. В вертикальной поверхности каждой из этих огромных платформ выкапывались кельи, в которых жили монахи и их гости. В каждой келье была внешняя и внутренняя комната, причем в последнюю свет проникал только из первой, которая была полностью открыта своей внешней стороной, – фактически у нее были только три стороны и потолок. Обе комнаты были облицованы и вымощены каменными плитами, скрепленными обычным образом. На террасах были разбиты сады и проложены дорожки, так что в целом эти кельи были приятными местами обитания. В некоторых случаях для устройства таких террас использовалась естественная возвышенность, но большинство этих пирамид были насыпаны искусственно. Часто вовнутрь нижнего яруса вели туннели, и там были устроены погреба для зерна и других надобностей.

В дополнение к этим примечательным уплощенным пирамидам существовали и обычные храмы Солнца, некоторые из которых были

огромного размера и занимали большую площадь, хотя все они, на европейский взгляд, имели один общий недостаток – были несоразмерно низкими по отношению к своей ширине. Они всегда окружались приятными садами, под деревьями которых в основном и проходило обучение, которым эти храмы столь заслуженно славились.

Внешний вид этих храмов иногда был менее внушительным, чем того можно было желать, но, во всяком случае, внутреннее их убранство более чем компенсировало все другие возможные недостатки. Значительное применение драгоценных металлов для украшения было чертой перуанской жизни и тысячи лет спустя, когда горстка испанцев смогла покорить сравнительно выродившуюся расу, занявшую место тех, чьи обычаи мы пытаемся описать. В те времена, о которых мы пишем, обитатели Перу не были знакомы с нашим искусством позолоты, но были чрезвычайно искусны в ковке больших тонких пластин, и было вовсе не редкой вещью, когда храмы были буквально облицованы золотом и серебром. Пластины, покрывавшие стены, часто были толщиной более полусантиметра, и все же они повторяли тонкий рельеф камня, будто были с лист бумаги, так что с современной точки зрения храм часто был хранилищем несметных богатств.

Но раса, построившая эти храмы, вовсе не считала это богатством в нашем смысле слова, а лишь подходящим и годным украшением. Следует помнить, что применение подобных украшений вовсе не ограничивалось храмами – стены всех достаточно приличных домов были покрыты каким-нибудь металлом, подобно как наши бывают оклеены обоями, и голая каменная стена внутри дома была для них примерно тем же, чем для нас – просто побеленная; применение таких стен было практически ограничено хозяйственными постройками или домами крестьянства. Но чистым золотом, как храмы, были отделаны только дворцы царя и генерал-губернаторов, для простого же народа делались все виды красивых и полезных сплавов, и богатый эффект достигался сравнительно низкой ценой.

Думая об их архитектуре, мы не должны забывать цепь крепостей, воздвигнутых царем на границах империи, чтобы сдерживать жившие за ее границами варварские племена. Для точного их описания и

оценки, которая хоть чего-нибудь стоила бы, нам потребовались бы услуги эксперта, но даже совершенно гражданский человек мог видеть, что во многих случаях расположение этих фортов было прекрасно выбрано и при отсутствии у наступающих артиллерии они должны были быть практически неприступными. Высота и толщина их стен была в некоторых случаях необычайной, и у них была та особенность (как, впрочем, и у всех высоких стен в стране), что они постепенно утончались с толщины нескольких метров у основания до более обычной толщины на высоте 7 или 10 метров. В этих замечательных стенах были проделаны тайные проходы и наблюдательные камеры, а внутри крепость была так устроена и снабжена провизией, что ее гарнизон мог выдерживать длительную осаду без особого неудобства. Особенно наблюдатели были поражены искусным устройством серии вложенных ворот, соединенных узкими и извилистыми проходами, оставлявших войска, штурмующие крепость, полностью на милость обороняющихся.

Но самой удивительной работой этого странного народа были, без сомнения, их дороги, мосты и акведуки. Эти дороги тянулись по стране на сотни километров (а некоторые более чем на тысячу), невзирая на все трудности рельефа, что вызвало бы восхищение самых смелых современных инженеров. Все делалось в колоссальных масштабах, и хотя в некоторых случаях количество требовавшегося труда было почти неисчислимым, результаты были великолепными и долговечными. Вся дорога была вымощена плоскими каменными плитами, во многом так же, как и тротуары наших лондонских улиц; с каждой стороны на всем ее протяжении были высажены деревья, дававшие тень, и цветущие кустарники, наполнявшие воздух благоуханием, так что страна была пересечена сетью великолепных мощеных бульваров, по которым ежедневно туда и сюда спешили гонцы царя. Эти люди были также и почтальонами, поскольку в их обязанности входило бесплатно доставлять письма любого, пожелавшего их послать.

Терпеливый гений и неукротимое упорство этого народа особенно были видны там, где строителям дороги приходилось преодолевать ущелье или реку. Как мы уже говорили, принцип настоящей арки был

этому народу неизвестен, и самым большим приближением к нему в мостостроении была укладка камней по такому принципу, чтобы каждый следующий камень немного выдавался над предыдущим, пока две опоры моста, наконец, не соединялись; а их удивительный цемент скреплял все строение до прочности монолита. Они ничего не знали и об изолирующих дамбах и кессонах, так что часто им приходилось проводить огромную работу по отводу реки в другое русло на время, пока строился мост, или, в других случаях, они строили своеобразный волнорез, выдававшийся до того места, где нужно было установить опору, а затем, по завершении работы над ней, разрушавшийся. По причине этих трудностей там, где это было возможно, они предпочитали строительству мостов насыпку дамб и часто вели дорогу и акведук через ущелье, по которому протекала достаточно большая река, с помощью огромной дамбы с многочисленными трубами в ней вместо постройки обычного моста.

Их система орошения была удивительно совершенной, и в значительной мере она поддерживалась даже сменившим их народом, так что большая часть страны, снова превратившаяся сейчас в пустыню, была зеленой и плодородной, пока не попала в руки еще более некомпетентных испанских завоевателей. Возможно, не было в мире более масштабных инженерных подвигов, чем создание дорог и акведуков в древнем Перу. И все это делалось не принудительным трудом рабов или пленников, а получавшими регулярную плату крестьянами, которым в значительной мере помогала армия.

Царь держал многочисленную армию, чтобы всегда быть в состоянии бороться с пограничными племенами, но поскольку вооружение этой армии было очень простым и обучения требовалось совсем немного, большую часть времени солдаты были доступны для привлечения к разного рода общественным работам. В их руках полностью были все ремонтные работы, связанные с общественными сооружениями, и также они поддерживали постоянный поток гонцов-почтальонов, доставлявших отчеты и депеши, равно как и личную корреспонденцию по всей империи. Армия хорошо справлялась с поддержанием всей существующей инфраструктуры, но когда должна

была быть построена новая дорога или крепость, обычно нанималась дополнительная рабочая сила.

Конечно, иногда случалась война с менее цивилизованными племенами, жившими на границах, но в то время, о котором мы пишем, они редко причиняли серьезное беспокойство. Их легко отбивали и налагали на них дань, или, если представлялось, что они могут воспринять более высокую цивилизацию, их страна присоединялась к империи и подпадала под ее законы. Естественно, поначалу с такими новыми гражданами были некоторые трудности – они не понимали новых обычаев и не видели причин, почему нужно следовать им, но через некоторое время большинство из них легко входили в колею, а те, кто оказывались неисправимыми, высылались в другие страны, еще не поглощенные империей.

В ведении войны эти перуанцы были достаточно гуманны, и поскольку в войне с дикими племенами они почти всегда оказывались победителями, это было для них сравнительно легко. У них было высказывание: «Ты никогда не должен быть жесток к своему врагу, потому что завтра он будет твоим другом». Покоряя окружающие племена, они всегда старались сделать это с наименьшим кровопролитием, чтобы эти народы охотно входили в империю и могли давать хороших граждан, испытывающих братские чувства к своим завоевателям.

Их основным оружием были копья, мечи и луки; также они давали значительное применение боласам, оружию, которое до сих пор применяется южноамериканскими индейцами. Оно состоит из двух каменных или металлических шаров, соединенных веревкой, и бросается так, чтобы запутать ноги человека или коня и повалить его на землю. Защищая крепость, они всегда скатывали на нападающих большие камни, и сооружения были специально так устроены, чтобы это удобно было делать. Применявшийся меч был коротким, больше похожим на мачете, и использовался, только когда было сломано или потеряно копье. Обычно они деморализовывали врага непрерывным потоком стрел и, пока он не успевал опомниться, нападали на него с копьями.

Оружие было сделано хорошо, потому что перуанцы превосходно владели искусством работы по металлу. Они использовали железо, но не знали, как сделать из него сталь, и потому оно для них было менее ценным, чем медь и различные латуни и бронзы, которые они могли делать чрезвычайно твердыми, сплавляя их с разновидностью своего примечательного цемента, тогда как железо не могло сплавляться с ним столь совершенно. Процесс упрочнения давал замечательные результаты, и даже медь, будучи подвергнута ему, могла быть выкована так же тонко и быть при этом такой же острой, как наша лучшая сталь, и нет сомнений, что некоторые из их сплавов были тверже любого металла, который мы в состоянии изготовить сейчас.

Возможно, самой красивой чертой их работы по металлу была ее чрезвычайная тонкость. Некоторые из их гравировок были просто удивительны – узор был почти неразличим невооруженным глазом, во всяком случае глазом современного человека. Лучшее всего была удивительная работа, подобная филиграни, в которой они так преуспели, – невозможно понять, как им удавалось выполнить ее без увеличительного стекла. Большая ее часть была столь неописуемо утонченной, что ее нельзя было чистить любым обычным способом. При попытке тереть или чистить ее, как бы осторожно это ни делалось, она была бы сразу испорчена; так что, когда это было необходимо, ее приходилось чистить чем-то вроде выдувной трубки.

Другим производством, ставшим особенностью этой цивилизации, было гончарное дело. Они придумали, как, смешивая глину с особым химикатом, придавать ей красивый розовый цвет, и инкрустировали ее серебром и золотом так, что достигался эффект, не виданный нами где-либо еще. Здесь нас опять восхитила чрезвычайная тонкость линий. Достигались также и другие прекрасные цвета, а одна из модификаций оказывавшегося повсюду полезным кремневого цемента, будучи смешана с приготовленной глиной, делала ее прозрачной, почти как наше лучшее стекло. Огромным преимуществом такого стекла было то, что оно было значительно менее хрупким, чем современное, – оно почти что напоминало «ковкое стекло», о котором иногда приходится читать как о средневековой выдумке. Они, несомненно, владели искусством

изготовления определенного вида тонкого фарфора, который мог гнуться, не разбиваясь, о чем пойдет речь, когда мы перейдем к их литературным достижениям.

Поскольку у этой нации не в обычае было использование дерева, металлическое и гончарное производство в значительной мере его заменяли, причем с бóльшим успехом, чем нам бы показалось возможным в наши дни. Несомненно, что древние перуанцы в своих постоянных химических исследованиях открыли некоторые процессы, которые до сих пор остаются тайной для наших производителей, но со временем они будут вновь открыты и нашей пятой расой, и когда это случится, настоятельные потребности и конкуренция нашего времени приведут к применению их в областях, о которых в древнем Перу и не мечтали.

Искусство живописи практиковалось там в значительной мере, и всякому ребенку, показавшему особую склонность, помогали развить свой талант до предела. Однако методы, принятые там, совершенно отличались от наших собственных, и их специфика необычайно увеличивала трудности обучения. В качестве поверхности не использовалось ни бумаги, ни холста, ни деревянных досок, но вместо этого применялись листы особого материала на основе кремния. Его точный состав оказалось трудно выяснить, но у него была нежная кремовая поверхность, напоминающая тонкий и еще не покрытый глазурью фарфор. Он не был ломким, но мог сгибаться, как лист фольги, а толщина, в соответствии с размером, варьировалась от толщины плотной бумаги до толстого картона.

На эту поверхность краски большой яркости и чистоты наносили кистью, предоставленной самой природой. Это был просто кусок, отрезанный от треугольного в сечении стебля какого-то распространенного там волокнистого растения. У этого куска последние два сантиметра или чуть больше толкли, пока не оставались только волокна, тонкие, как волос, но почти такие же жесткие, как проволока; и так получалась кисточка, тогда как остальная часть служила ей ручкой. Такую кисть, конечно же можно было снова и снова обновлять по мере износа, подобно тому как мы чиним карандаш. Художник просто отрезал износившиеся волокна и

размягчал следующий отрезок ручки. Острое треугольное сечение этого инструмента позволяло умелому художнику применять его и для тонких линий, и для широких мазков, используя в первом случае угол, а во втором – сторону треугольника.

Краски были обычно в виде порошка и по мере надобности разводились, но не маслом и не водой, а каким-то особым составом, который моментально высыхал, так что раз нанесенный мазок уже больше не мог быть изменен. Никаких эскизов не делалось – художник должен был научиться работать верными и быстрыми мазками, добиваясь нужного цвета и нужной формы одним исчерпывающим усилием, во многом так же, как это делается при создании фресок или в некоторых японских техниках. Эти краски были чрезвычайно эффектными и яркими, и некоторые из них превосходили по чистоте и тонкости цвета любые, применяемые сейчас. Например, была удивительная голубая краска чище любого ультрамарина, а также розовая и фиолетовая краски, непохожие ни на один современный пигмент, при помощи которых великолепие закатного неба воспроизводилось гораздо точнее, чем представляется возможным в наши дни. Украшения из золота, серебра, бронзы и металла, имевшего глубокую малиновую окраску и неизвестного сейчас науке, изображались на картине с помощью порошка из самих этих металлов, во многом как на средневековых миниатюрах. И каким бы эксцентричным ни казался этот метод на современный взгляд, нельзя отрицать, что он производил эффект варварского богатства, по своему чрезвычайно поразительный.

Перспектива выдерживалась хорошо, рисунки были точны и совершенно свободны от грубоватой неуклюжести, характерной для позднего периода центрально– и южноамериканского искусства. И хотя их пейзажное искусство было определено хорошо, в то время, которое мы изучали, оно не было самоцелью, а использовалось лишь как фон для человеческих фигур. В качестве темы часто выбирались религиозные процессии, а иногда сцены, где заметную роль играл царь или местный губернатор.

Когда картина была закончена (а опытные художники это делали с замечательной быстротой), она покрывалась каким-то лаком, который

обладал свойством высыхать почти моментально. Картина, обработанная им, становилась практически несмываемой и могла быть на долгое время выставлена под дождь или на солнце без всякого заметного ущерба для нее.

Близко связана с искусством этой страны была и ее литература, поскольку книги писались или, скорее, рисовались на том же материале и такими же красками, что и картины. Книга состояла из набора тонких листов, обычно форматом 45 на 15 сантиметров, которые иногда скреплялись проволокой, но гораздо чаще их просто хранили в ящичках от 7 до 13 сантиметров глубиной. Эти ящички делались из разных материалов и более или менее богато украшались, но чаще всего они были из металла, напоминающего платину, и отделывались резным рогом, который каким-то образом прикреплялся к металлической поверхности путем размягчения, что позволяло ему держаться без помощи клея или заклепок.

Насколько мы могли видеть, ничего подобного книгопечатанию известно не было; наибольшим приближением к нему было применение трафарета для размножения копий официальных циркуляров, чтобы доставить их всем губернаторам империи. Однако мы не наблюдали ни одного примера попыток применить этот метод для размножения какой-либо книги. Очевидно, такой эксперимент был бы сочтен святотатством, поскольку вся нация глубоко чтит книги и относилась к ним так же, как средневековые монахи. Изготовление копии книги считалось определенно заслугой, и многие книги были переписаны очень красиво и с большим искусством.

Разнообразие их литературы было несколько ограниченным. Было несколько трактатов, которые можно было бы определенно классифицировать как религиозные или, во всяком случае, этические, и в основном направление их было подобно той проповеди старого жреца, краткое изложение которой было приведено нами выше. Два или три из них имели даже определенно мистическую склонность, но они читались и распространялись меньше, чем те, которые считались более непосредственно применимыми к практике. Наиболее интересная из этих мистических книг столь близко напоминала китайский «Канон чистоты», ^[61] что вряд ли можно сомневаться в том,

что они представляют собой варианты того же текста, лишь незначительно расходящиеся.

Большую же часть их литературы можно было грубо разделить на две группы – содержащую научные сведения и истории с моралью. Существовали трактаты или руководства по всякому производству, ремеслу или искусству, применявшемуся в стране, и они имели характер официальных справочников – обычно они не были сочинением конкретного человека, но скорее являлись записью всех знаний по тому или иному предмету, существовавших на момент их написания. По мере новых открытий или при пересмотре старых взглядов к ним постоянно выпускались приложения, и всякий, у кого имелся экземпляр, вносил в него поправки в соответствии с ними, будто это был его религиозный долг. Поскольку распространение такой информации входило в обязанности губернаторов, они обеспечивали ее распространение среди всех, кого она могла интересовать, и перуанское руководство по любой теме было настоящим компендиумом всех полезных знаний, ее касающихся, и давало студенту в сжатой форме весь опыт его предшественников в этом направлении.

Истории же почти все принадлежали к одному общему типу и, как я уже сказал, всегда были поучительными. Главный герой неизменно был царем, губернатором или чиновником, и в рассказе говорилось, как они справлялись с различными ситуациями, с которым им приходилось сталкиваться в ходе их работы, будь это успешно или нет. Многие из этих историй были классическими и вошли в поговорку, подобно библейским историям в Европе, и постоянно упоминались и цитировались как примеры того, как надо или не надо было поступать. Таким образом, почти в любой мыслимой затруднительной ситуации человек уже знал некий прецедент, которым мог руководствоваться. Были ли все эти рассказы достоверными или часть их была вымышленной – нельзя быть уверенным, но несомненно, что там они признавались как правдивые.

Если сцена такого рассказа разыгрывалась на границе провинции, то нередко в сюжет входило множество захватывающих приключений, но (к счастью для наших друзей перуанцев) утомительное бремя и

пугало для современного читателя – любовные романы – среди них не встречались. Многие ситуации, возникавшие в рассказах, были не лишены юмора – народ был радостным и любил смех, но специальной юмористической литературы у них не было. Другим и еще более достойным сожаления пробелом было полное отсутствие поэзии как таковой. Некоторые максимы и выражения, сложенные так, чтобы их можно было читать звучно и размеренно, были широко известны и постоянно цитировались, подобно некоторым стихотворным строфам у нас, но какими бы поэтическими ни были некоторые из этих идей, в их форме не было ничего определенно ритмического. В некоторых из этих коротких сентенций, что давались детям для запоминания, прибегали к помощи аллитерации, а на религиозных службах некоторые фразы распевались под музыку, но даже они приспособлялись к пению точно так же, как у нас приспособляют псалмы к григорианскому тону, на который они распеваются, а не писались специально на определенную музыку, как наши гимны.

Это подводит нас к рассмотрению музыки древних перуанцев. У них было несколько видов музыкальных инструментов, среди которых мы заметили трубу и разновидность арфы, из которых извлекались дикие, отрывистые, но приятные мелодии, напоминающие звук эоловой арфы. Но главный и самый популярный их инструмент был вроде фисгармонии. Звук создавался с помощью вибрации металлических язычков, но воздух подавался в инструмент не с помощью ног, а искусным механическим устройством. Вместо клавиш, подобных нашим, были верхушки группы маленьких металлических колонн, на которые и нажимал пальцами музыкант, так что игра на таком инструменте с виду напоминала печатание на машинке.

На этом инструменте достигалась значительная сила и красота выражения, но древнеперуанская гамма была такой же, как и в Атлантиде, и столь радикально отличалась от нашей, что нам почти невозможно верно оценить производимый этой музыкой эффект. Насколько мы могли видеть, этот народ не знал такой вещи, как музыкальные пьесы, которые бы записывались нотами и затем многократно исполнялись: каждый исполнитель импровизировал сам,

и музыкальным искусством считалось не умение интерпретировать, а способность к сочинению и импровизации.

Скульптура тоже была искусством, вполне хорошо развитым, хотя их стиль можно было бы скорее назвать смелым и эффектным, чем изящным. Почти все статуи были огромных размеров, и некоторые из них были просто колоссальными, но глазу, привыкшему к греческому искусству, в массивной силе древнеперуанской скульптуры виделся какой-то грубоватый налет. Тонкая работа, однако, выполнялась барельефом, который почти всегда покрывался металлом, поскольку талант этого народа особенно был развит в направлении работы по металлу, где постоянно создавались самые утонченные украшения.

В повседневной жизни этой нации, в ее манерах и обычаях были некоторые моменты, сразу привлечшие наше внимание как необычные и интересные. Например, их брачные обычаи были особенными, поскольку браки заключались только в один день в году. Согласно общественному мнению, в браке должен был состоять каждый, если у него не было уважительных причин поступить иначе, но ничего такого, что можно было бы считать принуждением, здесь не было. Браки несовершеннолетних были запрещены, но как только молодые люди достигали совершеннолетия, они были вольны выбрать себе партнеров из своей среды. Однако свадьба не могла состояться до того дня, когда губернатор области или города наносил формальный визит, и все молодые люди, достигшие брачного возраста за предыдущий год, не вызывались к нему, где им официально сообщалось, что теперь они могут вступить в брак. Некоторые из них уже делали к тому времени свой выбор и тут же не упускали случая воспользоваться возможностью, обращаясь с прошением к губернатору, который, задав им несколько вопросов, совершал простое оформление и объявлял их мужем и женой. Он также давал указание выделить землю согласно новым обстоятельствам, так как новобрачные уже не считались членами семей своих отцов, а были самостоятельными и полноценными домохозяевами. Потому женатый мужчина получал в два раза больше земли, чем холостой, но даже в этом случае ее обработка редко требовала чрезмерного труда.

Была замечена одна особенность, связанная с основной пищей нации. Конечно же люди употребляли различные виды пищи, как и сейчас. Мы не знаем, было ли запрещено мясо, но его точно не ели в исследованный нами период. Выращивались картофель и ямс, также в рацион в различных сочетаниях входили кукуруза, рис и молоко. Однако у них был один любопытный искусственный вид пищи, который можно было бы назвать их хлебом, поскольку он занимал то основное место, которое хлеб занимает у нас. В основе его была кукурузная мука, но с ней смешивались разные химические добавки, и все это подвергалось огромному давлению, так что в результате получались твердые и концентрированные хлебцы. Компоненты были тщательно подобраны, чтобы в минимальном объеме содержалось все необходимое для совершенного питания, и эксперимент этот был столь успешен, что маленького кусочка такого хлебца было достаточно на целый день, и человек мог без малейшего неудобства нести с собой запас провизии для длительного путешествия.

Самый простой метод употребления этой пищи был медленно сосать ее, как конфету, но, если время позволяло, ее можно было сварить или приготовить различными способами, при которых она всегда значительно разбухала в объеме. Сама по себе она вряд ли обладала каким-то вкусом, но обычно ей придавали тот или иной вкус в процессе производства, и этот вкус указывался различными цветами. Например, у розовых хлебцев был вкус граната, у голубых – ванили, у желтых – апельсина, у полосатого бело-розового – гуавы и т. д., так что каждый мог найти что-нибудь себе по вкусу.

Эти любопытные сжатые конфеты были основным продуктом в стране, и множество людей не питалось практически ничем другим, даже если у них был выбор многих других блюд. Они производились в таких огромных количествах, что были чрезвычайно дешевы и доступны всем, и для занятых людей обладали многими очевидными преимуществами. Там выращивалось множество фруктов, и люди, любившие их, ели их вместе с этими хлебцами, но делали это скорее для вкуса, а не по необходимости.

Весь этот народ любил разнообразных домашних животных, и за века были выведены самые необычайные их породы. Наиболее

частыми любимцами были кошки и маленькие обезьянки, и было много их причудливых разновидностей, отошедших от первоначального вида настолько же, насколько отошли от обычной собаки наши современные таксы. Что касается кошек, то особенно там специализировались на породах разных необычных цветов, и им удалось вывести даже кошку такого цвета, который вообще не встречается у четвероногих, – ярко выраженного голубого!

Многие любили и птиц, что вполне ожидаемо на континенте, где встречаются столь великолепно окрашенные образцы, и в действительности вовсе не исключено, что существованием некоторых красивых разновидностей птиц, ныне населяющих леса Амазонии, мы обязаны их заботе. Некоторые из более богатых женщин имели во дворах огромные вольеры для птиц, сделанные из золотой проволоки, и все свое свободное время посвящали попыткам развить разум и привязанность у своих питомцев.

Национальная одежда была простой, и ее было немного – просто свободное ниспадающее одеяние, не лишенное сходства с некоторыми из тех, что носят сейчас на Востоке, с той разницей, что древние перуанцы носили меньше белого и были больше привержены к цвету, чем средний индеец наших дней. Перуанская праздничная толпа была чрезвычайно ярким зрелищем, с которым в наши дни сможет сравниться разве что толпа бирманцев. Женщины, как правило, демонстрировали склонность к голубым одеяниям, и платье, довольно часто изображавшееся средневековыми художниками на Деве Марии, было в то время, о котором мы пишем, одним из самых распространенных. Материалом обычно был хлопок, хотя иногда использовался тонкий сорт шерсти ламы и вигони. Очень прочная разновидность ткани выделялась также из волокон американской агавы, которые проходили какую-то химическую обработку, чтобы стать годными для такого применения.

Нация легко применяла чисто механические методы быстрого счета, столь характерные для расы атлантов. Они использовали абак (счета), близко напоминающий применяемый теперь с такой же ловкостью японцами; также они изготавливали ему более дешевую замену из бахромы веревок с узелками, что, вероятно, было первоначальным

вариантом *кипу*, увиденного испанцами в применении в этой стране тысячи лет спустя.

При изучении древней цивилизации, подобной этой, обнаруживаются столь многие интересные моменты, как сходные, так и контрастирующие с современной жизнью, что трудно принять решение скорее что опустить, чем то, о чем рассказать в своем отчете. Мы не можем передать нашим читателям то чувство живой реальности, которое испытали видевшие все это, но надеемся, что хотя бы для немногих наша попытка оживить на краткий миг это давно ушедшее прошлое оказалась не совсем безуспешной. Ведь нужно помнить, что это мы сами, многие из нас, живущих сейчас и работающих в Теософическом обществе, жили в то самое время среди обитателей древнего Перу, и многие наши любимые друзья тоже были нашими друзьями и родственниками в эти отдаленные времена, так что память обо всем том, что мы старались описать, должна в спящем виде сохраняться глубоко в каузальных телах многих наших читателей, и вовсе не невозможно, что у некоторых из них эта память может быть постепенно оживлена путем спокойного размышления над нашим описанием. И если кто-то достигнет в этом успеха, он осознает, как любопытно и интересно оглянуться на те давно забытые жизни и увидеть, что мы смогли приобрести с тех пор и чего нам приобрести не удалось.

На первый взгляд может показаться, что с тех пор во многих отношениях был сделан регресс, а не прогресс. Физическая жизнь со всей ее обстановкой была устроена там, несомненно, лучше, чем когда-либо позже, насколько нам известно. Правящему классу предоставлялись, пожалуй, непревзойденные возможности для бескорыстного труда и исполнения своего долга, хотя надо признать, что менее интеллигентным классам там не требовалось никаких умственных усилий, хотя, если таковые и проявлялись, вознаграждались они щедро.

Несомненно, состояние общественного мнения применительно к исполнению долга сейчас не так высоко и не так сильно, каким оно было тогда. Но, по правде, такое сравнение вряд ли можно назвать честным. Мы еще сравнительно молодая раса, тогда как та, которую

мы исследовали, была одним из самых великолепных отростков расы, давно миновавшей свой расцвет. Сейчас, по причине нашего невежества, мы проходим через период испытаний, бурь и стресса, но со временем, когда мы разовьем немного здравого смысла, из всего этого мы перейдем в период покоя и успеха, и когда для нас наступит это время, то благодаря закону эволюции мы достигнем даже более высокого уровня, чем они.

Мы должны помнить, что, какой бы прекрасной ни была их религия, у них, насколько нам известно, не было ничего, что можно было бы на самом деле назвать оккультизмом, и они не обладали таким пониманием великой схемы развития вселенной, как мы, располагающие привилегией изучать теософию. Когда наша пятая коренная раса достигнет той же стадии своей жизни, мы непременно можем надеяться на то, что совместим такие же хорошие физические условия, как у них, с истинным философским учением и более высоким интеллектуальным и духовным развитием, чем было для нас возможно, когда мы составляли часть этого великолепного остатка цивилизации атлантов четырнадцать тысяч лет назад.

Цивилизация Атлантиды

Хороший отчет об этой цивилизации можно прочитать в «Истории Атлантиды». Авторы данной книги были среди сотрудников, собиравших материал, который был в ней столь удачно представлен и расположен, так что тема эта нам хорошо знакома.

Атланты своими подрасами населяли множество стран и построили много великолепных цивилизаций. Их знали Египет, Месопотамия, Индия, Северная и Южная Америка, и воздвигнутые ими империи сохранялись долгое время, достигнув такой славы, которой арийская раса пока что не смогла превзойти. Главы данной работы о Перу и Халдее показывают остатки их величия, и к ним можно добавить некоторые дополнительные подробности.

М-р Скотт Эллиот так описывает знаменитый Город Золотых Врат: «Великолепная лесистая местность, подобная парку, окружала город. Виллы представителей более богатого класса были разбросаны вокруг на обширном пространстве. На западе простиралась горная цепь,

откуда в город поступала вода. Сам город был выстроен на склонах холма, который возвышался на 150 метров над равниной. На вершине этого холма находился дворец императора, окруженный садами, посреди которых бил ключом никогда не иссякающий родник воды, снабжая ею прежде всего дворец и другие фонтаны в саду, а затем, разделившись на четыре части, этот родник протекал по четырем различным направлениям и падал каскадом в нечто вроде канала или рва, окружавшего территорию дворца, отделяя таким образом его от города, простиравшегося внизу со всех сторон. Четыре канала, которые выходили из этого рва, отводили воду в четыре квартала города, образуя каскады, снабжающие в свою очередь водой следующий окружной канал, расположенный уровнем ниже. Было три таких канала, расположенных концентрическими кругами, причем внешний и самый нижний все же лежал выше уровня равнины. Четвертый канал, находившийся на этом низшем уровне, был прямоугольной формы, принимал постоянно стекающие воды и выносил их в море. Город занимал часть равнины до края этого большого наружного канала, окружавшего и защищавшего его прямоугольной водной преградой, простиравшейся в одном направлении на двенадцать, а в другом – на десять миль.

Таким образом, можно видеть, что город был разделен на три больших пояса, окружавшихся каналами. Характерной чертой верхнего пояса, который следовал сразу же за дворцовой территорией, было круглое поле для скачек и огромные публичные сады. Большинство домов придворных сановников находились в этом же кругу; там же было и учреждение, которому нет аналогии в наши времена. Термин

„странноприимный дом“ внушает нам представление о бедном здании в убогих окрестностях, но в Атлантиде это был настоящий дворец, где все посещающие город иностранцы получали гостеприимство так долго, как это им нравилось, – к ним относились как к гостям правительства. Отдельные частные дома и разбросанные по городу различные храмы занимали два других пояса. Во времена величия толтеков настоящей бедности, похоже, не существовало – даже рабы, прислуживавшие в большинстве домов, были хорошо

накормлены и одеты. Однако же были, конечно, и сравнительно бедные жилища, они находились в нижнем круге, на севере города, равно как и за последним каналом, в сторону моря. Большинство жителей этой части города были связаны с мореходством, и их дома хотя и не были скучены, но все же стояли друг к другу ближе, чем в остальных кругах».

Другие большие города, построенные на равнинах, были защищены огромными земляными валами, пологими в сторону города, и иногда спускающимися к нему террасами, тогда как внешняя крутая сторона была облицована склепанными между собой толстыми металлическими пластинами, которые поддерживались деревянными балками. Столбы вкапывались глубоко в землю и соединялись тяжелыми поперечными балками; к ним и крепились пластины, перекрываясь, подобно чешуйкам. Затем пространство между валом и этим барьером также засыпалось землей, плотно утрамбовывавшейся. Все это образовывало практически неприступный барьер против копий, мечей и стрел, которые были обычным оружием того времени. Но такой город неизбежно оказывался открыт для нападений с воздуха, а атланты довели изготовление воздушных кораблей, или, как бы мы их назвали, самолетов, до высокой степени совершенства. И если нужно было атаковать такой город, то туда посылались эти птицы войны, сбрасывавшие на него бомбы, взрывающиеся в воздухе и обрушивавшие дождь тяжелого ядовитого пара, смертельно опасного. Намеки на это можно найти в описаниях столкновений, содержащихся в великих эпосах индусов и Пуранах. У них также было оружие, исторгавшее снопы стрел с огненными наконечниками, которые разлетались повсюду, проносясь по воздуху, как смертоносные ракеты, и много другого подобного оружия, сконструированного людьми, весьма сведущими в сложнейших областях научных знаний. Многие из них тоже описаны в упомянутых древних книгах как дары того или иного высшего существа. Знания, необходимые для их создания, никогда не делались общим достоянием.

Земельная система толтеков описана нами в главе о Перу, и отсутствие бедности и всеобщее благосостояние народа достигались в

основном благодаря всеобщему начальному образованию. Вся система правления была разработана мудрыми на благо всех, а не только для выгоды избранных классов. Потому общий комфорт был несравнимо выше, чем в современных цивилизациях.

Наука продвинулась далеко, ведь благодаря тому, что применение ясновидения было обычным делом, природные процессы, теперь невидимые для большинства, могли легко наблюдаться. Ее применение к искусствам и ремеслам также было широким и полезным. Солнечные лучи, пропущенные через цветные стекла, применялись для улучшения роста растений и животных,^[62] тщательно проводилось научное совершенствование многообещающих видов. Проводились и эксперименты по скрещиванию пшеницы с различными травами для получения разных видов зерна. Менее удовлетворительными были другие попытки, в результате которых из пчел получились осы, а из муравьев – термиты.^[63] Банан без семян был получен из предшественника, подобного дыне, который, как и она, имел в себе большое количество семян. Науке того времени были известны силы, знание которых теперь утеряно. Одна из них использовалась для передвижения как воздушных, так и водных судов, а другая позволяла так изменить взаимодействие тяжелых тел и Земли, что вместо того, чтобы притягиваться, они отталкивались, что делало подъем гигантских камней на большую высоту весьма легким делом. Более тонкими из этих сил управляли не с помощью технических устройств, а силой воли, используя досконально понятый и развитый механизм человеческого тела – «тысячеструнную вину».

Металлы использовались широко, и их обработка была достойна восхищения. Для украшения и изготовления домашней утвари больше всего использовались золото, серебро и орихалк. Гораздо чаще они получались алхимически, чем добывались из недр Земли, и очень часто с большим искусством вводились в схемы украшения, добавляя богатство к их ярким цветам. Оружие богато инкрустировалось ими, и то, которое использовалось только для шествий и церемоний, часто целиком делалось из драгоценных металлов. Золотые шлемы, доспехи и наголенники надевались по таким случаям поверх туник и

чулок самых ярких цветов – алого, оранжевого и очень изысканного пурпурного.

Еда подразделялась на разные классы. Народные массы ели мясо, рыбу и даже рептилий – впрочем, можно и не говорить «даже», если вспомнить, что и у нас отцы города лакомятся черепахой. Целая туша животного, со всем ее содержимым, разрезалась по груди и животу и подвешивалась над большим костром. Когда она была полностью готова, ее снимали с огня, содержимое вычерпывалось и раскладывалось по тарелкам – у людей более утонченных, тогда как более грубые люди собирались вокруг самой туши, запуская в нее руки, и вырывали кусочки повкуснее, что иногда приводило к ссорам. Остальное выбрасывали или бросали домашним животным – к самому мясу относились, как у нас к потрохам. Высшие классы употребляли подобную же пищу, но те, кто принадлежал непосредственно ко двору, старались держать подобные пиршества в секрете. Конечно же божественный царь и его приближенные питались лишь пищей из разнообразно приготовленных зерен, овощами, фруктами и молоком; последнее и пили, и готовили из него многие сладкие блюда. Фруктовые соки также в значительной мере использовались в качестве напитков. Можно было наблюдать, как некоторые из придворных и сановников, публично принимавших эту более легкую пищу, потом тихо пробирались в свои личные покои и лакомились более скромной пищей, среди которой не последнюю роль играла рыба «с душком».

Правление было самодержавным, и в дни расцвета толтекской цивилизации это правление божественных царей было для народа самой счастливой системой. Когда же неограниченная власть, которой они обладали, перешла к более молодым душам, начались злоупотребления, и бедствия увеличивались, ибо здесь, как и везде, рыба гнила с головы. Система заключалась в том, что губернаторы отвечали за благоденствие и счастье своих провинций и преступность или голод считались результатом их небрежности или непригодности. В основном они назначались из высших классов, но особо многообещающие дети, где бы они ни обнаруживались, набирались в высшие школы для подготовки к государственной службе.

Дискриминации по половому признаку, подобной существовавшей в XIX веке, не было, и для женщин была доступна любая должность в государстве.

Огромный рост богатства и роскоши постепенно подорвал самую великолепную из цивилизаций, которую только видел мир. Знание prostituteировалось для целей личной корысти, и контроль над силами природы вместо служения был обращен на подавление. Потому Атлантида пала, несмотря на все свои достижения и мощь ее империй, и мировое лидерство перешло в руки дочерней, арийской расы, которая, хотя в прошлом и имела на своем счету множество великолепных достижений, еще не достигла зенита своей славы и своего могущества и через несколько столетий поднимется даже выше, чем возвышалась Атлантида в свои лучшие дни.

Туранская цивилизация в древней Халдее, XIX тысячелетие до н. э.

Еще одна древняя цивилизация, по-своему заинтересовавшая нас почти так же, как перуанская, возникла в той части Азии, которая впоследствии была названа Вавилонией, или Халдеей. У этих цивилизаций была одна общая любопытная черта – обе они в период своего упадка, через много веков после периода великолепного расцвета, в который и было полезнее всего их изучать, были покорены народами, стоявшими гораздо ниже них по шкале цивилизации, но тем не менее попытавшимися принять – в той мере, в какой они могли, – обычаи, религию и государственное устройство покоренных ими вымирающих рас. И точно так же, как и Перу, открытое Писарро, было почти во всех отношениях бледной копией древнего Перу, которое мы пытались описать, так и Вавилония, известная изучающим археологию, была во многих отношениях выродившимся отражением более ранней и великой империи.

Во многих отношениях, но, пожалуй, не во всех. Возможно, позднейшее царство в зените своей славы превосходило своего предшественника в военной мощи, по территориальным владениям и масштабам торговли; но в том, что касается простоты жизни, искренней приверженности принципам своей замечательной религии и истинного знания фактов природы, мало может быть сомнения, что преимущество было за ранней расой.

Пожалуй, трудно найти больший контраст между двумя странами, чем мы обнаруживаем между Перу и Вавилонией. Самой выдающейся чертой Перу была примечательная система правления, а религия играла в жизни народа сравнительно небольшую роль, и в действительности гражданские функции жрецов как просветителей, врачей и участников огромной системы обеспечения продовольствием гораздо больше бросались в глаза, чем их проповеди и хвалы, время от времени произносимые по случаю храмовых служб. В Халдее, напротив, система правления никоим образом не была необычной, но главным фактором в жизни была именно религия, ибо ни одно предприятие какого бы то ни было рода не начиналось без особого к ней обращения. Фактически религия проникала в жизнь народа и преобладала в ней в степени, которая может сравниться лишь с той, в какой она управляет жизнью брахманов Индии.

Вспомним, что у перуанцев культ состоял в простой, но исключительно красивой форме поклонения Солнцу или, скорее, духу Солнца; догматы их религии были ясными и немногочисленными, а главной чертой ее был всепроникающий дух радости. В Халдее вера была более суровой и мистической, а ритуалы были более сложными. Там почитали не только Солнце, но весь сонм небес, и фактически религия была чрезвычайно сложной схемой поклонения великим звездным ангелам, причем в качестве практического руководства к повседневной жизни в нее входила тщательно разработанная система астрологии.

Давайте пока что отложим описание их великолепных храмов и пышных ритуалов и рассмотрим сначала отношение этой странной религии к жизни людей. Чтобы понять ее эффект, мы должны попытаться понять их взгляд на астрологию, и я думаю, что мы найдем его в целом выражением здравого смысла, и он дал бы большие преимущества, будь он принят профессорами этого искусства наших дней.

Конечно же в ранний период, о котором мы говорим, никто из жрецов или наставников, да и, насколько мы могли видеть, даже самый невежественный человек из простого народа не

придерживался того взгляда, что сами физические планеты могут влиять на дела людей. Тщательно разработанная математическая теория жрецов, вероятно, была передана им по непрерывной линии традиции от ранних учителей, обладавших непосредственным знанием великих фактов природы, полученным на собственном опыте. Общее представление об их схеме будет нетрудно передать, однако построить какую-либо математическую фигуру, соответствующую требованиям их теории во всех подробностях, в наших трех измерениях представляется невозможным – по крайней мере, при наших нынешних знаниях.

Всю Солнечную систему, во всей своей огромной сложности, они считали просто одним великим существом, а все ее части – его частными выражениями. Все его физические составляющие – Солнце с его удивительной короной, все планеты с их спутниками, их океанами, атмосферами и окружающими их различными эфирами, – все они вместе составляли его физическое тело, его выражение на физическом плане. Таким же образом совокупность их астральных миров (не только астральные сферы, принадлежащие к физическим планетам, но и чисто астральные планеты всех цепей – такие, например, как планеты В и F нашей цепи) составляла его астральное тело, а совокупность ментальных миров – его ментальное тело, тот проводник, через который оно проявлялось на ментальном плане.

Пока что идея ясна, и она очень близка к тому, чему учили и нас касательно великого логоса нашей системы. Теперь допустим, что в этих его «телах» на различных их уровнях есть определенные различные классы или типы материи, достаточно равномерно распределенные по всей системе. Эти типы не соответствуют обычному нашему разделению на подпланы, которое производится согласно степени плотности материи, так что, например, в физическом мире мы имеем твердое, жидкое, газообразное и эфирные состояния материи. Напротив, это совсем иной способ подразделения, при котором в каждом из типов содержится материя всех этих состояний, так что если мы обозначим каждый из этих типов числами, то получим твердую, жидкую и газообразную материю первого типа, твердую, жидкую и газообразную материю второго типа и т. д.

Так происходит на всех уровнях, но для ясности давайте пока ограничим наши размышления одним. Пожалуй, легче всего эту идею будет проследить в отношении астрального плана. Часто объяснялось, что в астральном теле человека можно найти материю, принадлежащую к каждому из подпланов, и пропорция между более плотными и тонкими ее видами показывает, насколько это тело способно откликаться на более грубые или утонченные виды желаний, таким образом в некоторой мере являясь индикатором уровня, до которого развился человек. Подобно этому, в каждом астральном теле есть материя и всех этих типов, или перпендикулярных подразделений, но в данном случае пропорция между ними показывает темперамент человека – возбудимый он или спокойный, сангвиник он или флегматик, терпеливый или раздражительный и т. д.

Халдейская теория заключалась в том, что каждый из этих типов материи в астральном теле логоса, а конкретно – масса элементарной сущности, функционирующая через тот или иной тип, является в некотором роде отдельным проводником, почти что отдельным существом, имеющим свои особые сродства и способным вибрировать, откликаясь на влияния, которые, возможно, и не вызвали бы отклика у других типов. Эти типы различны между собой из-за того, что составляющая их материя первоначально изошла через разные центры логоса, так что материя каждого типа все еще находится в самой близкой симпатии с тем центром, к которому она принадлежит, и малейшее изменение любого рода в состоянии этого центра сразу же отражается тем или иным образом во всей материи соответствующего типа.

Поскольку в каждом человеке есть материя всех этих типов, то очевидно, что всякое действие любого из этих центров и любое изменение в них должно в той или иной мере повлиять на всех существ в системе, причем степень, в которой тот или иной человек подвергнется этому воздействию, зависит от пропорции, в которой присутствует в его астральном теле тот тип материи, что подвергается влиянию. Так что мы обнаруживаем различные типы людей, точно так же, как и материи, и в силу их конституции, а именно – строения их

астральных тел, некоторые из них оказываются более подвержены одним влияниям, а некоторые – другим.

Вся Солнечная система, если смотреть на нее с достаточно высокого плана, выглядит состоящей из этих великих центров, каждый из которых окружен огромной сферой влияния, указывающей пределы, в которых изливающаяся через него сила особенно активна. У каждого из этих центров имеется нечто вроде своих собственных упорядоченных периодических изменений, возможно, на бесконечно более высоком уровне соответствующих биениям человеческого сердца. Но поскольку период некоторых из этих изменений гораздо быстрее, чем период других, это дает любопытный и сложный набор эффектов, и было замечено, что движение физических планет и положение их относительно друг друга дает ключ к расположению этих великих сфер в любой момент. В Халдее считали, что при постепенном сгущении первоначального светящегося тумана, из которого образовалась наша система, местоположение физических планет определялось образованием вихрей в определенных точках пересечения этих сфер друг с другом и данной плоскостью.

Влияния, принадлежащие этим сферам, широко варьируются по качеству, и один из способов, которыми проявляется эта разница, является их воздействие на элементарную сущность в человеке и вокруг него. Однако следует всегда помнить, что существование такого влияния предполагается на всех планах, а не только на астральном, хотя сейчас ради простоты мы ограничиваемся именно им. У этих влияний могут и должны быть другие, и более важные линии воздействия, чем известно нам сейчас, но по меньшей мере то, что каждая сфера оказывает свой особый эффект на многообразные разновидности элементарной сущности, не может не обратить на себя внимание наблюдателя.

Одно, например, значительно стимулирует активность и жизненность тех видов сущности, которые относятся к центру, из которого оно пришло, в то же время, по всей видимости, сдерживая активность других или управляя ею; влияние же другого на свои собственные виды сущности может быть очень сильным, при этом нисколько не действуя на другие виды. Есть всевозможные виды

сочетаний и видоизменений, при которых действие одного из влияний может быть усилено или почти нейтрализовано присутствием другого.

Здесь неизбежно зададут вопрос: не были ли халдейские жрецы фаталистами и не считали ли они, открыв, какой точно эффект оказывают эти влияния на разные типы людей, что эти результаты неизбежны и человеческая воля не в силах им сопротивляться? Их ответ на последний вопрос решительно утверждал, что эти влияния ни в малейшей степени не имеют власти над волей человека; все, что они могут сделать, – это в некоторых случаях облегчить, а в некоторых – затруднить действие воли в некоторых направлениях. Но поскольку астральное и ментальное тела человека состоят практически из той живой материи, которую мы называем элементарной сущностью, то всякое необычное возбуждение любого из ее типов или внезапное увеличение ее активности, несомненно, может в некоторой мере повлиять на его эмоции или ум или на то и другое. Очевидно также, что эти влияния воздействуют поразному на разных людей – по причине отличия разновидностей сущности, входящих в их состав.

Однако самым ясным образом заявлялось, что человек ни в коем случае не может быть сбит ими с избранного им направления действий без ведома его воли, хотя очевидно, что они могут помочь или помешать ему в предпринимаемых им усилиях. Жрецы учили, что человеку по-настоящему сильному почти нет нужды беспокоиться о том, когда какие влияния господствуют, но всем заурядным людям обычно стоит знать, в какой момент какую силу можно будет применить с наибольшим преимуществом.

Они тщательно разъясняли, что сами по себе эти влияния являются не в большей мере добрыми или злыми, чем любые другие силы природы, как сказали бы мы теперь – подобно тому, как электричество или любая другая великая сила может нам помогать или вредить соответственно тому, какое ей дается применение. И точно так же, как некоторые эксперименты скорее будут успешными, если предпринимаются, когда воздух сильно заряжен электричеством, тогда как другие в этих условиях, скорее всего, не удадутся, так, говорили они, и усилия, требующие применения сил нашей умственной и эмоциональной природы, с большей или меньшей

легкостью достигнут своей цели соответственно влияниям, преобладающим во время их совершения.

Потому всегда понималось, что человек железной решимости или изучающий истинный оккультизм мог отбросить эти факторы как пренебрежимо малые, но поскольку большинство представителей человечества все еще позволяют себе быть беспомощными игрушками сил желания и пока не развили ничего достойного называться собственной волей, считалось, что их слабость позволяет этим влияниям обрести ту важность, на которую они сами по себе и не претендовали.

Факт воздействия какого-либо влияния никогда не означает *неизбежности* того или иного события, но делает его более *вероятным*. Например, в результате того, что в современной астрологии называется влиянием Марса, в астральной сущности устанавливаются определенные вибрации, склоняющие к страсти. Потому вполне можно предсказать, что человек, по природе склонный к чувственности и страстности при особо усиленном воздействии этих влияний, вероятно, совершит какое-нибудь преступление, связанное с чувственностью и страстью. Он ни в малейшей степени не будет к этому *принужден*, но просто наступит состояние, при котором ему станет гораздо труднее сохранять равновесие. Ведь воздействие, которому он подвергнется, будет двоякого характера: не только сущность *внутри* него будет побуждена к большей активности, но и соответствующая материя плана снаружи тоже ускорится, что опять же подействует на него.

Часто приводился пример того, как определенная разновидность влияния иногда может вызвать такое положение дел, когда заметно усиливаются все виды нервного возбуждения, вследствие чего повсюду возникает общее чувство раздражительности. При таких обстоятельствах гораздо чаще, чем обычно, возникают споры, даже по самым пустячным поводам, и большое количество людей, которые всегда были на грани потери самообладания, полностью теряют над собой контроль при малейшей провокации.

Также говорилось, что иногда может случиться, что такие влияния, попадая на почву затаенного недовольства или невежественной

зависти, могут раздуть их до народного бунта, из которого могут последовать масштабные бедствия. Очевидно, это предупреждение, данное тысячи лет назад, вовсе не лишне и сейчас, ибо именно по этой причине в 1870 году парижане носились по улицам с криками «На Берлин!», и именно так много раз возникал дьявольский призыв «Дин! Дин!», так легко возбуждавший бешеный фанатизм нецивилизованной исламской толпы.

Потому астрология халдейских жрецов занималась в основном вычислением положений и воздействий этих сфер влияния, так что главной ее функцией скорее было установление распорядка жизни, а не предсказание будущего. Во всяком случае, ее предсказания носили характер указания тенденций, а не точных событий, тогда как астрология нашего времени, похоже, посвящает себя в значительной мере именно последнему.

Тем не менее не может быть сомнений, что древние халдеи были правы в том, что воля человека в силах изменить судьбу, назначенную ему его кармой. Карма может забросить человека в определенное окружение или подставить его под те или иные влияния, но она никогда не может заставить его совершить преступление, хотя и может поставить его в такое положение, что с его стороны потребуются большая решимость, чтобы этого преступления избежать. Потому нам представляется, что в силах астрологии – предупреждать человека об обстоятельствах, в которых он окажется в то или иное время, но всякое предсказание его действий при этих обстоятельствах теоретически может основываться лишь на вероятности, – хотя мы и вполне признаем, что в случае заурядного и безвольного человека из толпы эта вероятность становится определенностью.

Вычисления этих древних жрецов позволяли им составлять нечто вроде официального календаря на каждый год, которым в значительной мере регулировалась вся жизнь народа. Они решали, в какое время наиболее безопасно можно проводить все сельскохозяйственные работы и указывали подходящие моменты для разведения животных и растений. Они были не только наставниками народа, но и врачами и точно знали, при каком сочетании влияний

различные лекарства можно было применять с наибольшей эффективностью.

Своих последователей они делили на классы по признакам, которые теперь бы мы назвали управляющими планетами, и их календарь был полон предупреждений, адресованных разным классам, например: «в седьмой день поклоняющиеся Марсу должны особенно остерегаться беспричинного раздражения» или «с двенадцатого по пятнадцатый день существует необычайная опасность опрометчивости в любовных делах, особенно для поклоняющихся Венере», и т. д. И в том, что эти предостережения оказывались очень полезными для масс народа, мы не можем сомневаться, какой бы странной ни казалась эта разработанная система предосторожностей против малейших случайностей в наши дни.

Из этого своеобразного деления людей на типы соответственно планетам, указывавшим положение центра влияния, которому они были легче всего подвержены, происходило столь же любопытное устройство как публичных храмовых служб, так и личного поклонения верующих. Определенные часы дня для молитвы, определяемые по видимому движению Солнца, соблюдались одинаково всеми; на восходе, в полдень и на закате жрецами в храмах распевались определенные стихи или гимны, и более религиозные люди взяли себе за правило регулярно присутствовать на этих коротких службах, тогда как те, кому не было удобно на них присутствовать, соблюдали эти часы, читая несколько благочестивых фраз восхваления и молитвы.

Но совершенно отдельно от этих обрядов, которые, похоже, были общими для всех, у каждого были свои собственные молитвы, возносимые тому божеству, с которым он был связан от рождения, а время для них постоянно изменялось соответственно с движением его планеты. Момент прохождения ею меридиана, по всей видимости, считался самым благоприятным, а следующими по степени благоприятности считались несколько минут, следующих сразу за ее восходом или непосредственно предшествовавших ее заходу. Однако к ней можно было обращаться в любое время, когда она над горизонтом, и даже после захода ее за горизонт божество планеты не было всецело вне досягаемости, хотя в этом случае к нему

обращались только в случае какой-нибудь чрезвычайной ситуации, и весь церемониал был совершенно иным.

Жрецами составлялись особые календари для последователей каждого из этих планетных божеств, где содержались все подробности, касающиеся подходящих часов для молитвы и стихов, которые должны были в них читаться. Они были чем-то вроде периодических молитвенников, выпускавшихся для каждой планеты, и все, кто был связан с определенной планетой, старались раздобыть себе копии соответствующего календаря. Фактически это было нечто гораздо больше, чем просто расписания, напоминавшие о часах молитвы; они готовились в особых астрологических условиях — каждый под влиянием своего собственного божества, и считались обладающими свойствами талисманов, так что каждый последователь той или иной планеты всегда имел с собой самый свежий календарь для нее.

Из этого следовало, что у религиозных людей древней Халдеи не было регулярных часов молитвы и поклонения каждый день, как это практикуют сейчас, — вместо этого время для медитации и религиозных упражнений было скользящим и иногда могло приходиться на утро, иногда — на полдень, иногда — на вечер и даже на полночь. Но когда бы оно ни наступало, его не пропускали, и как бы неудобно ни вклинивался этот час в дела человека, его удовольствия или его отдых, если он упускал возможность воспользоваться этим преимуществом, это считалось серьезным уклонением от исполнения долга. Насколько мы могли видеть, ни у кого и мысли не было, что дух планеты мог каким-либо образом прогневаться, если этими часами пренебрегали, или что он вообще мог испытывать гнев; идея скорее была в том, что в эти моменты божество изливает свое благословение, и было бы не только глупо, но и неблагодарно упускать столь любезно предоставленную возможность.

Пока мы коснулись лишь личной религиозной жизни людей, но у них были и большие и пышные публичные церемонии. Каждой планете соответствовало по меньшей мере два великих праздника в году, а у Солнца и Луны их было куда больше, чем два. У каждого планетного духа были храмы во всех частях страны, и по обычным

случаям их последователи довольствовались посещением ближайшего; но в большие праздники, о которых мы говорим, огромные множества людей собирались на обширной равнине в окрестностях столицы, где находилась группа великолепных храмов, каждый из которых был совершенно уникален.

Эти здания сами по себе достойны внимания как отличные образцы доисторического стиля архитектуры, но больше всего интересны они тем, что их расположение, очевидно, имело целью представить расположение планет в Солнечной системе, и, поняв принцип расположения этих храмов, можно было убедиться, что составлявшие этот план обладали значительным знанием предмета. Самым великолепным и намного превосходящим всех по размеру был огромный храм Солнца, который будет необходимо описать более подробно. Другие, воздвигнутые на постепенно увеличивающихся расстояниях от него, с первого взгляда выглядели так, будто были построены не по упорядоченному плану, а просто так, как диктовало удобство.

Однако более пристальное изучение показало, что план был, и план примечательный – что не только постепенно растущие расстояния между меньшими храмами находились в определенном соотношении и несли определенный смысл, но даже и относительные размеры некоторых важных частей этих храмов не были случайными, поскольку означали соответственно размеры планет и их расстояния от Солнца.

Но всякому, кто вообще хоть что-то знает об астрономии, очевидно, что всякие попытки построить модель Солнечной системы, соблюдая масштаб, обречены на неудачу – во всяком случае, если делать храмы таких размеров, чтобы они годились для обычного поклонения. Разница в размерах между Солнцем и самыми маленькими членами его семьи столь значительна, а расстояния между ними столь огромны, что, если здания не сделать кукольными домиками, никакая страна не смогла бы вместить всю систему.

Как же тогда халдейские жрецы, спланировавшие этот удивительный комплекс храмов, ухитрились преодолеть эти трудности? Точно так же, как поступают иллюстраторы наших современных книг по астрономии, – используя два совершенно

разных масштаба, но сохранив относительные пропорции внутри каждого из них. В этом удивительном памятнике древнего искусства нет ничего, что могло бы нам доказать, что его автор знал абсолютные размеры планет и расстояния до них, хотя, конечно же он *мог* их знать, но в чем можно быть уверенными, так это в том, что ему прекрасно были знакомы их *относительные* размеры и удаленность от Солнца. Он также узнал от своих учителей или сам открыл закон Бодде. Насколько дальше простирались его знания, на основании изучения этих построек остается только предполагать, но он точно должен был владеть некоторыми знаниями о размерах орбит планет, хотя его вычисления в некоторых отношениях отличались от принятых сейчас.

Святилища, посвященные внутренним планетам, образовывали нечто вроде неравномерного скопления под самыми стенами великого храма Солнца, тогда как храмы других членов солнечной семьи были рассыпаны по равнине со все бóльшими интервалами, и представитель удаленного Нептуна почти терялся вдалеке. Здания отличались по стилю, и почти нет сомнений, что у каждого видоизменения было свое особое значение, хотя во многих случаях мы и не могли его выяснить. Однако была одна черта, являвшаяся для всех общей, – у каждого из них был центральный полусферический купол, который, очевидно, имел особое отношение к тому небесному телу, которое он представлял.

Все эти полусферы были ярко окрашены теми цветами, которые халдейская традиция связывала с той или иной планетой. Принцип, по которому были выбраны эти цвета, далеко не ясен, но мы вернемся к этим цветам позже, когда будем описывать великие праздничные службы. Купола вовсе не всегда сохраняли те же пропорции к размерам храмов, но их относительные размеры точно соответствовали диаметрам планет, которые они символизировали. Что касается Меркурия, Венеры, Луны и Марса, халдейские вычисления этих размеров точно совпадали с нашими собственными, но купола для Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна, хотя и были значительно больше, чем у внутренней группы, все же были явно

меньше, чем должны были быть согласно нашим расчетам, если были бы построены в том же масштабе.

Возможно, причиной этому послужило применение для этих огромных шаров другого стандарта, но гораздо более вероятным кажется, что халдейские пропорции были верны, а современные астрономы значительно переоценили размеры внешних планет. Пока лишь установлено, что в случае Юпитера и Сатурна наблюдаемая нами поверхность – это лишь край обширного и плотного облачного покрова, а не поверхность самой планеты, и если это так, то халдейское представление этих планет должно быть столь же точно, как и в остальных частях их схемы. Другой аргумент в пользу такого предположения состоит в необычайно низкой плотности, обычно приписываемой этим планетам нашими астрономами, которая не согласуется с плотностью планет, более доступных для нашего наблюдения.

Несколько любопытных подробностей, будучи взяты вместе, показали нам, что тот, кто планировал эти прекрасные храмы, должно быть, обладал основательным знанием Солнечной системы. Вулкан,^[64] планета, орбита которой находится внутри орбиты Меркурия, был представлен должным образом, а то место, которое в этой схеме должна была занимать Земля, было занято храмом Луны – он был большим, но венчавшее его полушарие было непропорционально маленьким, будучи выполнено в том же масштабе, что и все остальные. Вблизи этого храма возвышался отдельный купол из черного мрамора, поддерживаемый колоннами, который, судя по его размеру, очевидно, должен был олицетворять Землю, но при нем не было никакого святилища.

В пространстве между Марсом и Юпитером (вычисленном совершенно точно) не было храма, но находилось несколько колонн, каждая из которых венчалась крохотным куполом обычной полусферической формы; как мы предположили, они должны были представлять астероиды. У каждой планеты, имевшей спутники, они были тщательно обозначены второстепенными куполами соответствующих пропорций, окружавшими главный купол, и также ясно были показаны кольца Сатурна.

По главным праздникам той или иной планеты все последователи соответствующего божества (или, как бы мы сказали сейчас, люди, родившиеся под этой планетой) надевали поверх или вместо своих обычных одежд мантии или ризы того цвета, который был посвящен этой планете. Цвета эти были чрезвычайно яркими, а материал блестел подобно атласу, так что эффект обычно получался поразительным, особенно когда под основным цветом был другой оттенок, как в переливающемся шелке. Список этих цветов может оказаться интересным, хотя, как мы ранее заметили, причины, определившие их выбор, не всегда очевидны.

Платье последователей Солнца было из красивого тонкого шелкового материала, в который были вплетены золотые нити, так что это одеяние выглядело по-настоящему золотым. Но золотая ткань, знакомая нам теперь, – толстая и негнущаяся, тогда как та ткань была столь гибкой, что ее можно было сложить, как муслин.

Цвет Вулкана был характерным цветом пламени, ярким и эффектным, – вероятно, символизируя крайнюю близость Вулкана к Солнцу и огненные физические условия, которые должны на нем иметь место.

Меркурий символизировался ярким оранжевым оттенком, переливающимся с лимонным, – эти оттенки нередко можно было заметить в аурах его последователей, как и в их облачениях, но хотя в некоторых случаях преобладающий в ауре цвет казался возможным объяснением выбора цвета планеты, были и другие случаи, к которым этот принцип вряд ли можно было применить.

Приверженцы Венеры одевались в красивый и чистый небесно-голубой, под которым был светло-зеленый, что в целом давало переливчатый эффект, когда одетый так человек двигался.

Одеяния Луны были, естественно, из белого материала, но в него были вплетены серебряные нити, так что его практически можно было назвать серебряной тканью, так же как одеяния Солнца были тканью золотой. Однако при некоторых типах освещения эти лунные одеяния демонстрировали красивые бледно-фиолетовые оттенки, что значительно улучшало производимый эффект.

Марс достаточно уместно облачал своих приверженцев в великолепные ярко-алые одеяния, но под этим цветом был сильный малиновый оттенок, практически занимая его место при наблюдении с некоторых точек. Этот цвет совершенно невозможно было спутать с цветами Вулкана и Меркурия – он совершенно от них отличался. Он мог быть избран как по причине цвета ауры, так и по красноватому оттенку самой физической планеты.

Юпитер облачал своих детей в замечательный блестящий сине-фиолетовый материал, испещренный крохотными серебряными крапинками. Причину этого объяснить нелегко, если опять не приписать это ассоциации с цветами ауры.

Приверженцы Сатурна одевались в ясный зеленый цвет, подобный иногда появляющемуся при закате солнца, а под ним были жемчужно-серые оттенки, тогда как родившиеся под Ураном носили великолепный глубокий голубой – непередаваемый цвет Южной Атлантики, не знакомый никому, кроме тех, кому приходилось его видеть. Одежды, соответствующие Нептуну, были наименее заметными из всех, поскольку это был простой темно-синий цвет, хотя при ярком освещении он тоже приобретал неожиданное богатство.

По основным праздникам какой-либо из этих планет ее последователи появлялись в полном облачении и процессией следовали в ее храм, украшенные гирляндами цветов, неся знамена и золоченые жезлы и наполняя воздух звучным пением. Но самым большим зрелищем был один из главных праздников Бога Солнца, когда все люди вместе, одетые в пышные облачения своих божеств-покровителей, своим огромным множеством совершали торжественный ход вокруг храма Солнца. По таким случаям приверженцы Солнца наполняли до отказа само здание храма, тогда как рядом со стенами проходили последователи Вулкана, снаружи их – Меркурия, Венеры, и т. д., – все планеты были представлены в порядке их удаленности от Солнца. Вся масса народа, таким образом расположенная концентрическими кругами ярких цветов, медленно и равномерно вращалась, подобно колоссальному живому колесу, и под потоками живого света, изливаемыми тропическим солнцем,

представляла, пожалуй, самое яркое зрелище, которое только видел мир.

Чтобы можно было дать некоторое представление о еще более интересных церемониях, происходивших по таким случаям внутри самого храма Солнца, необходимо попробовать описать его внешний вид и устройство. Основной его план был крестообразный, с большим круглым помещением (покрытым полусферическим куполом), где и встречались лучи креста. Мы получим о нем более верное представление, если вместо обычной крестообразной церкви с нефом, алтарем и притворами представим себе огромное круглое помещение под куполом, напоминающее читальный зал Британского музея, и четыре гигантских нефа, расходящихся от него на все четыре стороны света, при этом все лучи креста имеют одинаковую длину. Четко представив эту часть картины, добавим к этому четыре других больших прохода между лучами креста, ведущих в обширные залы, стены которых так закруглялись, что в плане эти залы имели вид листьев или лепестков цветка. Фактически план храма выглядел как равносторонний крест, наложенный на простой четырехлепестковый цветок, так что лучи креста были между лепестками.

Человек, стоявший в центре под куполом, потому мог наблюдать виды, простирающиеся во всех направлениях. Все строение было тщательно ориентировано по сторонам света, так что лучи креста были точно направлены на кардинальные точки. Южный конец оставался открытым и образовывал главный вход, напротив которого был огромный алтарь, занимавший конец северного нефа. В восточном и западном нефах тоже были алтари, гигантские, с нашей точки зрения, хотя и значительно меньшие, чем главное возвышение в северном конце.

Эти восточный и западный алтари, похоже, играли примерно ту же роль, что и те, что в католических соборах посвящаются Пресвятой Деве и св. Иосифу, так как один из них был посвящен Солнцу, а другой – Луне, и некоторые из регулярных ежедневных служб, связанных с этими двумя светилами, совершались возле них. Однако самые большие толпы собирались вокруг большого северного алтаря, возле

которого проводились все самые большие церемонии, и его устройство и обстановка были интересными и любопытными.

На стене за алтарем, в том месте, которое в обычной церкви занимает «восточное окно» (хотя здесь это был север), висело огромное вогнутое зеркало, намного превосходящее в размерах любое, какое нам только приходилось видеть. Оно было металлическим, скорее всего серебряным, и было отполировано до предельно возможной степени. Нами было замечено, что уход за ним и поддержание его блеска и такой чистоты, чтобы на нем не было и пылинки, считалось религиозным долгом самого первостепенного характера. Изготовление столь огромного зеркала с таким совершенством, да еще и так, чтобы его огромный вес не искривил его, оказалось бы серьезной проблемой для современных инженеров, но она была успешно решена этими людьми, жившими в далеком прошлом.

По центру крыши этого огромного северного нефа проходил узкий разрез, через который было видно небо, так что свет всякой звезды, проходившей меридиан, проникал в храм и падал на это огромное зеркало. Известное свойство вогнутого зеркала состоит в том, что оно формирует в воздухе перед собой, в своем фокусе, образы всего, что в нем отражается, и этот принцип использовался жрецами, чтобы (как бы они, вероятно, это назвали) собрать и применить влияние каждой планеты, когда она в самой большой силе. На полу, под фокусом зеркала, был пьедестал с установленной на нем жаровней, и когда планета проходила меридиан и светила через прорезь в крыше, на угли в жаровне бросали немного благовония. Сразу же поднимался столб серого дыма, и посреди него сиял живой образ планеты. Тогда прихожане склоняли свои головы, и звучало радостное пение жрецов. Фактически эта церемония несколько напоминала выставление святых даров в католической церкви.

При необходимости пускалось в действие и другое устройство – плоское круглое зеркало, которое спускалось с крыши на веревках так, чтобы точно занимать фокус большого зеркала. Им ловили отраженный образ планеты и, наклоняя его, могли направлять концентрированный свет, принятый вогнутым зеркалом, на

определенные места на полу храма. На эти места клали больных, для которых данное конкретное влияние считалось благотворным, тогда как жрец возносил молитву, чтобы планетный дух излил на них исцеляющее и укрепляющее влияние; и, несомненно, эти усилия часто вознаграждались исцелениями, хотя вполне возможно, что в достижении результата большую роль играла вера.

Возжжение некоторых священных огней, когда меридиан проходило само Солнце, совершалось с помощью того же приспособления, хотя одна из самых интересных церемоний этого рода проводилась всегда на западном алтаре. На этом алтаре всегда горел огонь, называвшийся «священным лунным огнем», и ему позволяли погаснуть лишь раз в год, в ночь перед весенним равноденствием. На следующее утро лучи Солнца, проходя через отверстие над восточным алтарем, падали прямо на западный притвор, и с помощью подвешенного на их пути стеклянного шара, наполненного водой и действовавшего как линза, само Солнце снова зажигало священный огонь Луны, который затем заботливо хранили и поддерживали весь следующий год.

Внутренняя поверхность большого купола представляла собой планетарий, и при помощи некоего сложного механизма основные созвездия двигались в соответствии с реальным движением звезд, так что в любое время дня или в пасмурную ночь поклоняющийся в храме мог точно определить положение любого знака зодиака и положение планет относительно них. Для представления планет использовались светящиеся тела, и в ранние дни этой религии, в точности как и в ранние дни мистерий, они были настоящими материализациями, вызванными к существованию учителями-адептами; но в позднейшие дни и в том, и в другом случае сделать действующие правильным образом материализации оказалось трудным или невозможным, и их место заняли искусно устроенные механизмы. Внешняя поверхность этого огромного купола была покрыта тонкими пластинами золота; и примечательно, что на поверхности создавался специфический пятнистый эффект, целью которого, очевидно, было воспроизвести «рисовые зерна» или пятна на Солнце.

Другой интересной чертой этого храма было подземное помещение, или потайной склеп, который был предназначен исключительно для жрецов, по всей видимости, с целью медитации и саморазвития. Единственный допускавшийся туда свет проходил через толстые пластины хрусталеподобного вещества различных цветов, вставленные в полу храма. Были сделаны устройства, отражавшие солнечный свет и направлявшие его через эти фильтры, и жрец, практиковавший медитацию, позволял этому отраженному свету падать на различные центры своего тела – иногда между глаз, иногда в основание позвоночника и т. д. Очевидно, это способствовало развитию способностей предсказания, ясновидения и интуиции, а применяемый цвет зависел не только от того, какой цели хотел достигнуть жрец, но и от планеты или типа, к которому он принадлежал. Было также замечено, что здесь, как и в греческих мистериях, использовался тирс – пустотелый стержень, заряженный электрическим или жизненным огнем.

Интересную часть изучения этой религии древнего мира составили наши попытки понять, что же имели в виду ее учителя, когда говорили о звездном ангеле и духе звезды. Небольшое, но тщательное исследование показало, что эти термины, хотя иногда бывали синонимами, не всегда таковы, поскольку под общим термином «дух планеты» у них, похоже, скрывалось по меньшей мере три совершенно разных понятия.

Во-первых, они верили в существование у каждой планеты неразвитой, полуразумной и в то же время чрезвычайно мощной сущности, суть которой в нашей теософической терминологии мы, пожалуй, могли бы выразить как совокупность всей элементарной сущности этой планеты, рассматриваемую как одно огромное существо. Мы знаем, как в случае человека элементарная сущность, входящая в состав его астрального тела, становится во всех отношениях отдельным существом, которое иногда называют элементом желания, и как различные типы и классы этой сущности соединяются во временное единство, способное на вполне определенные действия по своей самозащите, как, например, сопротивление процессу распада, начинающемуся после смерти. ^[65]

Точно так же мы можем представить и совокупность элементарных царств какой-либо планеты, энергетически представляющую единое целое, и тогда поймем теорию, которой придерживались древние халдеи касательно этой первой разновидности планетарного духа, для которого гораздо более подходящим названием будет «планетарный элементал». Влияние (или, возможно, магнетизм) этого-то планетарного элементала и пытались они сфокусировать на людях, страдающих от определенных болезней, или заключить его в талисман для будущего использования.

Жрецы считали, что видимые для нас физические планеты служат указателями положения или состояния великих центров в теле самого логоса и что через каждый из этих великих центров изливается один из десяти типов сущности, из которой, согласно им, было построено всё. Каждый из этих типов, взятый сам по себе, отождествлялся с планетой и часто также назывался духом этой планеты, таким образом придавая этому термину еще один, совершенно отличный смысл. В этом смысле они говорили о духе планеты как о присутствующем повсюду во всей Солнечной системе, действующем в каждом человеке и показывающем себя в его действиях, а также проявляющемся через определенные растения и минералы и придающем им их отличительные свойства. Конечно, этот самый «дух планеты» в человеке и подвергался воздействию состояния того великого центра, к которому он принадлежал, и именно в отношении его и выпускались все астрологические предостережения.

Однако, когда халдеи призывали благословение духа планеты или старались подняться к нему искренней и почтительной медитацией, они использовали это выражение в еще одном смысле. Каждый из этих великих центров они считали дающим рождение целой иерархии великих духов, и во главе каждой из этих иерархий стоял Великий, называвшийся Духом планеты, или, чаще, звездным ангелом. Это его благословения искали родившиеся под его влиянием, и это его считали они одним из великих архангелов, семи духов перед престолом божьим, как называют их благоговейные христиане, одним из могучих распорядителей божественной силы логоса, каналом, через который проявляется его невыразимое величие.

Поговаривали, что когда в большом храме проводится праздник какой-либо планеты, в тот самый момент, когда ее образ ярко вспыхивал среди дыма благовоний, те, чьи глаза открывались благодаря благоговейному экстазу, иногда видели могучую форму ее ангела, парящую под сияющим светилом, так, что оно горело у него во лбу, когда он милостиво смотрел на тех поклоняющихся, чья эволюция была с ним так близко связана.

Одно из положений этой древней веры заключалось в том, что в редких случаях для высокоразвитых людей, полных искренней преданности своему ангелу, открывалась возможность силой продолжительной медитации подняться из нашего мира в его мир – т. е. изменить весь ход своей эволюции и получить следующее рождение уже не здесь, а на его планете, и храмовые записи содержали отчеты о жрецах, совершивших это и ушедших таким образом за пределы обычной области человеческого познания. Считалось, что один или два раза в истории это происходило и в отношении более высокого порядка звездных божеств, относящихся к звездам, находящимся всецело за пределами нашей Солнечной системы, но это считалось дерзким полетом в неизвестное, поскольку о полезности этого даже величайшие из высоких жрецов хранили молчание.

Какими бы странными ни показались сейчас нам эти методы и как бы сильно ни отличались они от всего, что мы узнаем теперь, изучая теософию, было бы глупо их осуждать или сомневаться в том, что для тех, кому они предназначались, они были столь же эффективны, как и наши собственные. Мы знаем, что в великом Белом Братстве есть много Учителей, и хотя требования, предъявляемые для каждого шага Пути, одинаковы для всех кандидатов, все же каждый из Великих Учителей принимает для своих учеников тот метод подготовки, который ему видится для них наиболее подходящим, а поскольку все эти пути одинаково ведут к вершине, не нам говорить, который из них кратчайший или лучший для нашего ближнего. Для каждого человека есть один путь, который является кратчайшим, но который это путь, зависит от того места, откуда он отправляется. Ожидать, что все должны сначала собраться вокруг нашей отправной точки, а оттуда

идти нашим путем, значило бы впасть в иллюзию, порожденную невежеством и самомнением, – ту самую, которая закрывает глаза религиозным фанатикам. *Нас* не учили поклоняться великим звездным ангелам или ставить перед собой цель присоединиться к эволюции дэв на сравнительно ранней стадии, но мы всегда должны помнить, что есть и иные направления оккультизма, помимо той его формы, с которой нас познакомила теософия, и что даже в нашем собственном направлении мы знаем очень мало.

Пожалуй, лучше избегать слова «поклонение», когда мы описываем чувства халдеев по отношению к звездным ангелам, поскольку на Западе оно всегда ведет к ошибочным представлениям. Это скорее глубокая любовь, почтение и преданность, подобные тем, что мы испытываем к Учителям Мудрости.

Эта религия была близка сердцам халдейского народа и, несомненно, помогала большинству вести хорошую и праведную жизнь. Ее жрецы были людьми великой учености в своей области, их исследования истории и астрономии были глубоки, и в том, что они изучали две эти науки вместе, не было ничего неестественного, поскольку они всегда классифицировали исторические события согласно их предполагаемой связи с разными астрономическими циклами. Они были также довольно хорошо сведущи в химии и использовали некоторые ее достижения в своих церемониях. Мы наблюдали случай, когда жрец, стоявший на плоской крыше одного из храмов и призывавший одного из планетных духов, держал в руке длинный посох, конец которого был покрыт каким-то веществом, напоминавшим битум. Он начал свое обращение с того, что на каменных плитах, которыми была вымощена крыша, начертил перед собой этим посохом астрологический знак, и это вещество оставило на поверхности камня яркий фосфоресцирующий след.

Как правило, каждый из жрецов посвящал себя какому-нибудь особому направлению обучения. Одна группа становилась искусной в медицине, постоянно исследуя свойства различных трав и лекарств, приготовляемых при той или иной комбинации звездных влияний; другая обращала свое внимание исключительно к земледелию, выявляя, какая почва лучше подходит для конкретных посевов и как ее

можно улучшить. Они также работали над выращиванием всех видов культурных растений и над выведением новых сортов, испытывая скорость и силу их роста под по-разному окрашенными стеклами, и т. д. Эта идея применения цветного света для способствования росту растений была распространенной у некоторых древних атлантических народов и составляла часть учения, которое первоначально давалось в самой Атлантиде. Еще одна группа составляла нечто вроде бюро погоды и с достаточной точностью предсказывала как обычные перемены погоды, так и особые возмущения, такие как бури, ураганы и смерчи. Позже это стало чем-то вроде правительственного департамента, и жрецов, предсказывавших неточно, смещали с должности как негодных.

Огромную важность там придавали дородовым влияниям, и будущая мать за несколько месяцев до родов направлялась в уединение, чтобы жить почти монашеской жизнью, которая продолжалась и несколько месяцев после рождения ребенка. Система образования страны не находилась непосредственно в руках жрецов, как это было в Перу, хотя именно они решали, к какой планете принадлежит родившийся ребенок, что делалось с помощью вычислений, к которым, по всей видимости, в некоторых случаях добавлялись ясновидческие прозрения. Дети, относящиеся к какой-то конкретной планете, посещали школу этой самой планеты и обучались учителями, принадлежавшими к тому же типу, что и они сами, так что детям Сатурна вовсе не разрешалось посещать школу Юпитера, а детям Венеры – обучаться у приверженца Меркурия. Подготовка, предписанная для разных типов, значительно различалась, дабы в каждом случае развить хорошие качества и противодействовать тем слабостям, ожидать которых у данного типа мальчиков или девочек наставников подготовил долгий опыт.

Целью образования у них почти всецело было формирование характера; простая передача знаний занимала полностью подчиненное положение. Каждый ребенок обучался любопытному иероглифическому письму этой страны и основам простой арифметики, но, кроме этого, не преподавалось ничего, что мы бы признали за школьные предметы. Учениками заучивались наизусть

многочисленные религиозные или, скорее, этические правила, предписывающие поведение, ожидающееся от «сына Марса» или любой другой планеты при различных обстоятельствах, которые могли возникнуть, и единственной изучавшейся литературой были объемистые комментарии на них, которым не было конца, полные историй о приключениях и ситуациях, в которых герои действовали иногда мудро, а иногда глупо. Детей учили давать критическую оценку этим действиям и обосновывать свое мнение, а также описать, как бы отличались их собственные действия в подобных обстоятельствах от действий героев.

Хотя дети проводили в школах много лет, все это время тратилось на ознакомление (не только теоретическое, но и практическое, насколько это было возможно) с учениями этой огромной «Книги Долга», как она называлась. Чтобы уроки лучше запечатлевались в умах детей, они должны были разыгрывать сцены из этих историй, как в театре, олицетворяя тех или иных героев. Всякий молодой человек, у которого развился вкус к истории, математике, сельскому хозяйству, химии или медицине, по окончании школы мог присоединиться в качестве ученика к жрецу, специализирующемуся по одному из этих предметов, но школьный курс ни одного из них не включал и даже не давал никакой подготовки к их изучению свыше той общей, которая годилась для всех.

Литература этого народа не была обширной. Официальные записи велись с превеликой аккуратностью; регистрировался отвод земли, указы и декреты царей всегда каталогизировались для удобства справки; но хотя эти документы предоставляли прекрасный, даже если несколько и суховатый материал для историка, мы не обнаружили следов написания какой-либо связной истории. Она преподавалась устно, по преданию, и некоторые эпизоды сводились в таблицы в связи с астрономическими циклами, но это были лишь хронологические таблицы, а не история в нашем смысле этого слова.

Поэзия была представлена серией священных книг, дававших высокосимволический и образный отчет о происхождении мира и человечества, а также несколькими балладами или сагами, прославлявшими деяния легендарных героев. Последние, однако, не

записывались, а просто передавались от одного чтеца к другому. Этот народ, как и многие другие восточные народы, любил слушать и сочинять истории, и множество преданий такого рода было передано через века, очевидно, из отдаленной эпохи более грубой цивилизации.

По некоторым из этих ранних легенд оказалось возможным восстановить общий набросок ранней истории этого народа. Большинство этой нации было туранского происхождения и принадлежало к четвертой подрасе атлантской коренной расы. Первоначально, по всей видимости, они представляли собой несколько небольших племен, постоянно враждовавших между собой, живших примитивным земледелием и знавших очень мало об архитектуре или какой-либо культуре вообще.^[66] В 30 000 г. до н. э., когда они еще пребывали в таком состоянии, к ним пришел великий вождь с востока, принадлежавший уже к другой расе, который после арийского завоевания Персии и Месопотамии и установления правления Ману над этими областями был послан им туда в качестве правителя. От него-то и пошла царская династия древней Халдеи – ее представители внешне сильно отличались от своих подданных бронзовой кожей и глубоко посаженными сверкающими глазами. Значительно более поздние вавилонские скульптуры, дошедшие до нас, дают нам неплохое представление об этом типе, хотя ко времени их создания арийская кровь пропитала уже весь этот народ, тогда как в то время, которое мы описываем, она лишь чуть примешалась к нему.

После долгого периода великолепия и процветания могущественная Халдейская империя стала медленно приходить в упадок, пока, наконец, не была уничтожена вторжением орд фанатичных варваров, которые, придерживаясь более грубой веры и с истинно пуританским жаром ненавидя все свидетельства более благородных и прекрасных религиозных чувств, чем их собственные, уничтожили все следы великолепных храмов, с такой любовью возведенных для служения звездным ангелам, которое мы попытались описать. Эти разрушители были в свою очередь изгнаны аккадийцами, пришедшими из северной холмистой страны, которые тоже были атлантами, но шестой

подрасы; и последние, постепенно смешиваясь с остатками прежнего народа и другими племенами туранского типа, составили ту шумеро-аккадскую нацию, из которой развилась позднейшая Вавилонская империя. Однако по мере ее роста к ней все больше примешивалась арийская кровь – сначала от арабской (семитской), а потом и от иранской подрасы, так что ко временам, обычно называемым «историческими», на лицах, запечатленных для нас скульптурами и мозаиками Ассирии, вряд ли сохранились какие-либо туранские следы.

Этот позднейший народ, по меньшей мере поначалу, поддерживал сильную традицию своего более великого предшественника и всегда старался возродить положение и религию прошлого. Его усилия были успешны лишь отчасти – изза примеси чужой веры и воспоминаний о другой, более недавней традиции партнера, доминировавшего в этой комбинации народов, получилась лишь бледная и искаженная копия великолепного культа звездных ангелов, процветавшего в золотом веке, который мы попытались описать.

Какими бы бледными и нереальными ни были все эти картины прошлого для тех, кто не видел их сам, все же они могут не только представить для изучающего оккультизм глубокий интерес, но и оказаться ему очень полезными. Их изучение поможет расширить его кругозор и время от времени будет давать ему отдельные проблески того, как действует огромное целое, в котором всякая эволюция и всякий прогресс, который мы только можем представить, оказывается лишь крошечным колесиком в огромной машине, маленькой компанией в огромной царской армии. Также для него будет некоторым ободрением, узнав немного из того прекрасного и славного, которое видела наша старая Земля, уразуметь, что это лишь бледные предвестники той славы и красоты, которая только грядет.

Но мы не должны оставить эти незначительные наброски двух картин из прошлого золотого века, вставленные нами в огромную картину мировой истории, не упомянув идеи, которая обязательно придет в голову тому, кто их изучает. Мы – те, кто любит человечество и старается, хотя бы и немного, помочь ему на его многотрудном пути, можем ли мы читать об условиях, существовавших в древней Халдее и, пожалуй, еще в большей степени – в древнем Перу, где народы

жили счастливой и праведной жизнью, свободные от проклятия неводержанности и ужасов нищеты, можем ли мы читать об этом без закрадывающегося сомнения – действительно ли человечество эволюционирует? Мы задаем себе вопрос: разве это на благо человечества, что после всего того, чего достигли эти цивилизации, им было позволено разрушиться и пасть, не оставив и следов, и теперь мы пришли к *этому*?

Да, поскольку мы знаем, что закон прогресса – это закон циклических изменений и согласно ему, личности, империи, расы и миры уходят и больше не возвращаются – в той же форме. Все формы должны погибнуть, какими бы прекрасными они ни были, чтобы пребывающая в них жизнь могла расти и расширяться. Мы также знаем, что этот закон – выражение Воли, божественной воли логоса, и потому в конечном счете его действие должно быть на благо любимого нами человечества. Никто никогда не любил человека так, как он, пожертвовавший собой, чтобы человек мог быть; он знает всю эволюцию, от начала и до конца, и он удовлетворен. Это в его руке, той руке, которая благословляет человека, все судьбы людей, и есть ли среди нас хоть один, кто недоволен этим и не хотел бы оставить их в его руках, и не удовлетворенный до глубины души, слыша, как он говорит, как однажды один Великий Учитель сказал своему ученику: «Что я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после»?

5

С каждой коренной расой. – *Поправка Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

6

Прежде чем завершится пятая коренная раса. – *Поправка Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

7

В каждой из рас. – *Поправка Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

8

В настоящее время каждый из пяти элементов, составляющих нашу чувственную природу, содержит в себе некоторую пропорцию прочих четырех в их тонких формах, или, скорее, в их промежуточном состоянии между тем, что называют духом и материей. Например, огонь содержит в себе восемь частей своей *собственной* астральной составляющей и по две каждой из прочих четырех. Количество составляющих в элементе, а именно шестнадцать, соответствует четырем кругам с четырьмя малыми кругами. Сложность темы не позволяет дать все подробности, которые одни лишь сделают изложение полным. [Вернуться](#)

9

Коренных рас. – *Примеч. Е. П. Блаватской.*
[Вернуться](#)

[Вернуться](#)

16

Физического человека этого, четвертого круга. Духовные расы относились к трем предшествовавшим кругам. – *Поправка Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

17

Семь подрас первой коренной расы. – *Поправка Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

18

У первой и части второй. – *Примеч. Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

19

На глобусе А, в первом круге. – *Поправка Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

20

И эти расы были теми, кто при пробуждении манвантары на этом глобусе были последними духовными шиштами, предшествовавшими человеку в этом круге и на этом глобусе. Это были наши предки, послужившие прототипами семи рас человечества, которые должны были последовать – *моделями*, так сказать. Потому начиная с третьей такая духовная раса уже имела речь, и они не были «немыми». – *Примеч. Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

21

Мы сознаем, что это утверждение противоречит математической физике, последним вкладом в которую были глубокие статьи Дж. Х. Дарвина. Но отважится ли физик утверждать, что все данные, необходимые для решения этого вопроса, уже известны? Конечно же такого не скажет ни один астроном, пытавшийся разрешить так и не решенную пока что проблему векового ускорения движения Луны.

[Вернуться](#)

22

Это не так. Шестое чувство – это восприятие *реалий* и истины невидимых миров (тех, конечно, которых мы можем достичь) и *истины* и *факта* на земле. Все слова и фразы видны как окрашенные, легко также видеть цвет, сопровождающий звук; по этому можно определить, истина говорится или ложь, передается ли факт или искажение факта. – Примеч. Е. П. Блаватской. [Вернуться](#)

23

Каждый круг является прототипом для коренных рас, а каждая *перевая* коренная раса – для последующих шести рас. Тогда первая раса нашего глобуса и круга является в своей семерке синтезом шести рас. Наша *последняя* раса будет включать в себя все способности *переввой*. Помните, «прототип» – духовный, физический и ментальный – это модель, и вот почему Учителя, зная от своих предшественников и видя ясновидчески, что было, могут сказать, *что будет*. – Примеч. Е. П. Блаватской. [Вернуться](#)

24

На этой странице смешиваются семь духовных рас с семью физическими. *Прототипы* каждого глобуса круга неизменно

находятся на планете А, и каждая коренная раса из этой семерки оказывается моделью для одного из глобусов, т. е. есть первая коренная раса планеты А служит моделью для глобуса А (а также ее последняя, седьмая); вторая – для В, и т. д. – *Примеч. Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

25

Вплоть до четвертой. – *Примеч. Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

26

Первая предметная чисто *человеческая* раса, появившаяся на нашей Земле в первом круге. – *Примеч. Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

27

Это можно подтвердить преданием о *переввом* великом потопе, произошедшем примерно в середине четвертой коренной расы, согласно которому человек тогда впервые увидел радугу во всех цветах солнечного спектра. Вот реальный смысл этого, а не библейская чепуха о заключенном договоре. Я объясню это в «Тайной доктрине». – *Примеч. Е. П. Блаватской.*

[Вернуться](#)

33

Человек первого круга был бесплотным, неразумным, но *сверхдуховным*. Во втором круге гигантская бесплотная форма сгущалась в более физического человека. В третьем круге это было менее гигантское, но более рациональное существо, больше обезьяна, чем дэва-человек. – *Примеч. Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

34

Третий круг. – *Поправка Е. П. Блаватской.* [Вернуться](#)

35

Этот момент может вызвать непонимание, поскольку в теософической литературе неоднократно утверждалось, что человек бессмертен и, несмотря на разрушение тела и прочих личностных элементов, высшие принципы всех людей сохраняются. В связи с этим может быть не очень понятно, в чем же состоит отличие адептов. Е. П. Блаватская в «Ключе к теософии» поясняет, что «бессмертие – это не что иное, как непрерывное сознание». Иными словами, обычные люди в отличие от адептов в момент смерти теряют непрерывность сознания, хотя их высшие принципы и продолжают существовать. То же происходит с ними и в момент рождения, и каждой ночью при погружении в сон. – *Примеч. пер.* [Вернуться](#)

36

[Вернуться](#)

42

«Theosophist», октябрь 1883 г. [Вернуться](#)

43

В «Тайной доктрине», которая еще не была написана на момент выхода в свет этой книги, приводится еще больше сведений. См. также Приложение. – *Примеч. пер.* [Вернуться](#)

44

Здесь приводится пример с названием озера, которое приобрело английское звучание и иной смысл – Масляное озеро; что-то подобное произошло с названием китайского города Далянь, который русские называли Дальний. – *Примеч. пер.*

[Вернуться](#)

45

Некоторые сведения об этих принципах приводятся в книгах Ч. Ледбитера «Мыслеформы» и «Учителя и путь». – *Примеч. пер.* [Вернуться](#)

46

Кена Упанишада, гл. III.

[Вернуться](#)

просто одержанием. – *Примеч. пер.* [Вернуться](#)

53

F. Galton. Inquiries into Human Faculty and its Development. [Вернуться](#)

54

Тысячекосмие. – *Примеч. пер.* [Вернуться](#)

55

«Письма махатм», письмо № 106. – *Примеч. пер.* [Вернуться](#)

56

Разбойники, особым приемом душившие путешественников. Их описание дается Е. П. Блаватской в книге «Из пещер и дебрей Индостана». – *Примеч. пер.* [Вернуться](#)

57

Объяснение этих символов давалось одним из авторов в другом месте и потому цитируется без указания источника, как и некоторые другие выдержки оттуда же. [Вернуться](#)

58

Пшеница, пчелы и муравьи были принесены с Венеры Владыками Пламени, и их скрещивание с видами, уже существовавшими на Земле, дало упомянутые результаты. Природные духи, в ведении которых были некоторые отделы животной и растительной эволюции, тоже со своей стороны пытались имитировать с помощью чисто земных ресурсов, имеющихся в их распоряжении, эти нововведения, занесенные с другой планеты. Их попытки, которые были успешными лишь отчасти, ответственны за некоторые из самых неприятных вышеупомянутых результатов. – *Примеч. авт.* (Конечно же принесены были не физические виды, а те линии эволюции, для которых на Земле были образованы соответствующие тела. – *Примеч. пер.*)

[Вернуться](#)

64

Считается, что эта планета не открыта современными астрономами из-за своих малых размеров и того, что она находится очень близко к Солнцу. Е. П. Блаватская указывает, что в экзотерических гороскопах ее роль выполняет Солнце, которое, будучи звездой, не должно рассматриваться в качестве одной из планет гороскопа (см. «Протоколы ложи Блаватской», Встреча IV). – *Примеч. пер.* [Вернуться](#)

65

См. Ч. Ледбитер, «Внутренняя жизнь», раздел V, глава «Элементал желания». – *Примеч. пер.* [Вернуться](#)

66